

Ставропольский государственный университет

На правах рукописи

САНАКОЕВ Инал Борисович

**ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЭВОЛЮЦИИ
ГРУЗИНО-ОСЕТИНСКОГО КОНФЛИКТА**

Специальность 23.00.02 – Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель –
доктор философских наук,
профессор В. А. Авксентьев

Ставрополь – 2004

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	1
ГЛАВА I. Теоретические и идеологические аспекты изучения грузино- осетинского конфликта	16
1.1. Объективные противоречия в грузино-осетинских отношениях как предпосылка разворачивания конфликта.....	16
1.2. Столкновение позиций сторон в условиях кризиса советской государственности.....	46
1.3. Две парадигмы национализма как идейная основа эскалации грузино-осетинского конфликта.....	74
1.4. Грузино-осетинский конфликт как конфликт идентичностей.....	94
ГЛАВА II. Политико-идеологические противоречия в контексте эволюции грузино-осетинского конфликта	119
2.1. Этнонациональные цели как фактор внутривнутриполитической консолидации.....	119
2.2. Внутривнутриполитическая борьба и её роль в эволюции конфликтных отношений.....	140
2.3. Политические интересы новых этнических элит и механизмы этнополитической мобилизации.....	163
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	192
Библиографический список использованной литературы	198

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Распад Советского Союза как сложной этнофедеральной системы способствовал углублению кризиса в межнациональных отношениях на всей его бывшей территории. Замалчивание и искусственное удержание в латентном состоянии многих проблем в сфере межнациональных отношений на протяжении длительного периода способствовали резкому обострению отношений между этническими общностями в изменившихся условиях. Во многих регионах это обострение вылилось в межэтнические конфликты в разных формах, в том числе в открытые столкновения людей. Тому примером стала, наряду с другими республиками бывшего СССР, Грузинская ССР конца 1980-х - начала 1990-х гг., для которой стало характерно резкое ухудшение межнациональных отношений между титульным грузинским и почти всеми негрузинскими этносами. Наиболее кризисная ситуация сложилась в политических автономиях, на территории которых в указанный период произошли два серьезных вооруженных конфликта: грузино-осетинский 1991-1992 гг. и грузино-абхазский 1992-1993 гг.

Грузино-осетинский конфликт остаётся на сегодняшний день неурегулированным. Несмотря на попытки обеих заинтересованных сторон, а также активную помощь посредников (Россия и международные организации, в первую очередь ОБСЕ), переговорный процесс за более чем десятилетний период после окончания боевых действий так и не смог перешагнуть результаты московского Меморандума 1996 г. о неприменении насильственных акций. Конфликт практически находится в замороженном состоянии, и сохраняются все предпосылки к возобновлению открытой фазы при соответствующем стечении обстоятельств. Это означает, что конфликтогенные факторы, вызвавшие в свое время открытое межэтническое столкновение, продолжают действовать в скрытой форме и подспудно влиять на ситуацию.

Неурегулированность конфликта порождает серьезные проблемы для обеих сторон, оказывает дестабилизирующее воздействие на общественно-политическую и социально-психологическую обстановку как в центральной части Грузии, так и в Южной Осетии.

Во-первых, это проблема беженцев и вынужденных переселенцев (31800 человек в Северной Осетии и около 10 тыс. человек в Грузии). При этом их возвращение в места прежнего проживания затруднительно, а порой нереально.

Во-вторых, это проблема восстановления разрушенной в период конфликта экономики в зоне боевых действий.

В-третьих, это тяжелейшая демографическая ситуация, в особенности для Южной Осетии, население которой по сравнению с предконфликтным периодом сократилось более чем в два раза.

Наиболее значительной, однако, является проблема политического статуса Южной Осетии, который до сих пор не определен. С одной стороны, Грузия, стремящаяся к восстановлению территориальной целостности, не желает признавать в своем составе Южную Осетию в качестве какой-либо автономной единицы. С другой стороны, независимость Южной Осетии не признается международным сообществом и ее независимый статус с точки зрения международного права нелегитимен де-юре и де-факто.

В научно-теоретическом плане наиболее актуальной остается проблема уточнения типологических признаков грузино-осетинского конфликта, который на сегодняшний день типологизирован как территориальный (Я.Я.Этингер), культурно-языковой с переходом в территориальный (А.Н.Ямсков) или же как статусный (А.А.Цуциев).

С учетом перечисленных и других аспектов проблемы данная тема представляется актуальной для научного исследования как в практико-политическом, так и теоретическом аспектах.

Степень научной разработанности проблемы. Систематическое научное изучение этнических конфликтов относится примерно ко второй половине XX в. и начинается на Западе, преимущественно в США. Одной из наиболее популярных работ в этой области явилась книга Дональда Хоровица «Этнические группы в конфликте», сохраняющая по сегодняшний день свою ценность и признание. Этой книгой автор подвёл своеобразный итог становлению этнической конфликтологии в 1960-е – 1970-е гг.¹ Основная причина развития этнической конфликтологии в этот период связана с охватившим западные страны в 1960-е гг. «этническим ренессансом» - серьезным ростом этнического фактора и роли этничности в социальных процессах. Именно в этот период публикуются работы М.Бэнтон, К.Дойча, Г.Кона, Д.Кемпбелла, Р.ЛеВайна, Г.Сетон-Уотсона, в значительной степени определившие теоретико-методологические контуры новой научной отрасли.²

С середины 1980-х годов «этническая революция» охватывает и Советский Союз, оказывая значительное влияние на его распад. В этих условиях происходит становление и развитие отечественной этнической конфликтологии: этнические конфликты постсоветского пространства закономерно оказались в центре внимания ведущих российских исследователей этнонациональных и политических отношений и процессов: Р.Г. Абдулатипова, Ю.Д. Анчабадзе, Ю.В. Арутюняна, К.С. Гаджиева, А.В. Глухой, А.В. Дмитриева, Л.М. Дробижевой, А.К. Зайцева, А.Г. Здравомыслова, В.Н. Иванова, Н.В. Косолапова, М.М. Лебедевой, Э.И. Паина, Л.С. Рубан, Е.И. Степанова, А.А. Сусоколова, В.А.

¹ См.: Horowitz D.L. *Ethnic Groups in Conflict*. – Berkley, Calif.: University of California Press, 1985.

² См.: Banton M. *The Idea of Race*. – Boulder, Col., 1977. Banton M. & Harwood J. *The Race Concept*. – L. & Vancouver: Newton Abbot, 1975. Deutsch K. *Nationalism & Social Communication: An Inquiry into the Foundations of Nationality*. – N.Y.: MIT Press, 1966. Kohn H. *The Idea of Nationalism*. – N.Y.: Collier- MacMillan, 1967. LeVine R., Campbell D. *Ethnocentrism: Theories of Conflict, Ethnic Attitudes & Group Behavior*. – N.Y.: Wiley Mauss, M., 1985. Seton-Watson H. *Nationalism & Communism, essays 1946-1963*. – London, 1964. Seton-Watson H. *Nationalism: Old & New*. – Sydney: Sydney University Press, 1965. Seton-Watson H. *Nations & States*. – London: Methuen, 1977.

Тишкова, В.А. Тураева и других.¹ Значительный вклад в изучение постсоветских конфликтов, а также общей конфликтной ситуации на Кавказе внесли исследования северокавказских этноконфликтологов и политологов: В.А. Авксентьева, М.А. Аствацатуровой, И.О. Бабкина, И.В. Болгановой, С.М. Воробьева, Г.С. Денисовой, А.Ю. Коркмазова, С.В. Кузнецова, Э.Т. Майборода, Е.П. Михиной, О.С.Новиковой, С.В. Передерия, М.В. Саввы, В.А. Соловьева, Л.Л. Хоперской, А.Ю. Хоца, В.Р. Чагилова, А.В. Чубенко, В.М. Юрченко и др.²

1 См.: Абдулатипов Р.Г. Этнополитические конфликты в СНГ: наднациональные механизмы разрешения // Социальный конфликт. – 2000. – №1(25). – С. 3-17; Анчабадзе Ю.Д. Динамика этнополитической ситуации на Северном Кавказе // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 3. часть II. – М., 1993. – С. 64-106; Арутюнян Ю. В., Дробижина Л. М., Сусоколов А.А. Этносоциология. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 271с; Гаджиев К.С. Геополитика. – М.: Изд-во МО, 1997. – 384 с; Глухова А.В. Политические конфликты: основания, технология, динамика. – М.: Изд-во УРСС, 2000. – 280 с; Дмитриев А. В. Этнические конфликты: теория и практика. – М.: Изд-во МНУЦ, 1998. – 57 с; Зайцев А. К. Социальный конфликт. – М.: Academia, 2001. – 464 с; Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 317 с; Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 286 с; Иванов В.Н., Смолянский В. Г. Конфликты и конфликтология. – М., 1995; Косолапов Н.В. Конфликты постсоветского пространства: проблемы дефиниции и типологии // МЭМО. – 1995. – №12. – С. 35-47; Лебедева М.М. От конфликтного восприятия к согласию // Полис. – 1996. – №5. – С. 160-173; Лебедева М. М. Политическое урегулирование конфликтов: Подходы, решения, технологии. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 271 с; Паин Э.И., Попов А.А. Межнациональные конфликты в СССР // Советская этнография. – 1990. – №1. – С. 3-15; Рубан Л. С. Развитие конфликта-консенсуса в полиэтнических регионах. – М., 1998. – 248 с; Рубан Л.С. Региональные конфликты и политическая девиация // ВМУ. Сер. 18. Со-циология и политология. – 1995. – №3. – С. 100-106; Этничность и власть в полиэтнических государствах / Под ред. В.А.Тишкова. – М.: Наука, 1994; Тишков В.А. Этнология и политика. – М.: Наука, 2001. – 240 с; Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. – М.: Русский мир, 1997; Тишков В.А. Этничность и национализм в постсоветском пространстве // Региональные проблемы межнациональных отношений в России. – Омск, 1993. – С. 265-277; Тишков В.А. Россия: от межэтнических конфликтов к взаимопониманию // Этнополитический вестник. – 1995. – №2. – С. 34-46; Тураев В.А. Этнополитология. – М.: Ладомир, 2001. – 400с.

² См.: Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в 2 ч. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 1996; Аствацатурова М.А. Этнокультурное ассоциирование диаспор в условиях конфликтогенного процесса // Конфликты на Северном Кавказе и пути их разрешения. Сб. материалов международного круглого стола. – Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2003. – С. 236-247; Аствацатурова М. А. Самоорганизация этнических сообществ в зоне «рискованной гражданской институционализации» // Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества: Сб. научных статей. – М. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С. 123-133; Аствацатурова М.А. Диаспоры в концептах государственной и региональной национальной политики // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 18: Этническая и региональная конфликтология. – М. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С. 237-250; Аствацатурова М.А. Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление (Северо-Кавказский регион). – Ростов н/Д – Пятигорск: Изд-во СКАГС, 2002. – 628 с; Авксентьев В.А., Бабкин И.О., Хоц А.Ю. Этноконфликтологическая ситуация в Ставропольском крае // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 18: Этническая и региональная конфликтология. – М. – Ставро-поль: Изд-во СГУ, 2002. – С. 373-396; Бабкин И.О. Феномен этнического сепаратизма: Автореф. дис. ... канд. по-лит. наук. – Ставрополь, 2001. – 22 с; Болганова И.В. Геополитический аспект этнических процессов на территории России: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Ставрополь, 2002. – 21с; Воробьев С.М. Этнополитические процессы на Северном Кавказе в постсоветский период: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Ставрополь, 2002. – 25с; Денисова Г.С. «Русский вопрос» в пространстве северокавказского дискурса // Конфликты на Северном Кавказе и пути их разрешения. Сб. материалов международного круглого стола. – Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2003. – С. 204-218; Денисова Г. С. Этнический фактор в политической жизни России 90-х годов. – Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 1996; Коркмазов А.Ю.

Серьезные конфликтологические исследования проводятся в республиках Северного Кавказа: Дагестане, Северной Осетии (А.Б. Дзадзиев, В.Д. Дзидзоев, А.Г.Плиев, А.А. Цуциев), Кабардино-Балкарии (Ф.С. Эфендиев), Карачаево-Черкесии (С.А. Абдоков, К.М. Гожев, В.Ш. Нахушев), Адыгее (А.Ю. Шадже).¹

Этнический фактор в политической жизни Северного Кавказа. – М.: МОСУ, 2002. – 208 с; Коркмазов А.Ю. Этнополитические процессы на Северном Кавказе: проблемы и пути их разрешения // Известия ву-зов Северо-Кавказского региона. Общественные науки. – 1996. – №2. – С. 65-67; Кузнецов С.В. Решение проблем взаимодействия государственных и местных органов власти в борьбе с экстремизмом и терроризмом как способ снижения конфликтогенного потенциала // Конфликты на Северном Кавказе и пути их разрешения. Сб. материалов международного круглого стола. – Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2003. – С. 99-105; Майборода Э.Т. Этнополитические проблемы Северокавказского региона: особенности суверенизации // Этнические проблемы современности: Ма-териалы научной конференции «Проблемы гармонизации межэтнических отношений в регионе». Вып. 5. – Ставро-поль: Изд-во СГУ, 1999. – 164 с; Майборода Э.Т. Этнополитический «разлом» в Карачаево-Черкесской республике и перспективы его урегулирования // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. Сборник трудов кафедры философии МПГУ. Вып. VII. – М.: Прометей, 2000. – 347 с; Майборода Э.Т. Влияние модернизационных процес-сов на этническую идентичность в поликультурном пространстве Северного Кавказа // Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества: Сб. научных статей. – М. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С. 478-483; Михина Е.П. Национальная политика Российской Федерации в период трансформа-ции Российской государственности: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Ставрополь, 2003. – 26 с; Новикова О.С., Бабкин И.О., Хоц А.Ю. Мнение региональной элиты // Социс. – 2001. – №9. – С. 37-41; Новикова О.С., Горбунов Ю.В. Роль этнических элит в консолидации отношений на Северном Кавказе на пути построения гражданского об-щества в России // Конфликты на Северном Кавказе и пути их разрешения. Сб. материалов международного круг-лого стола. – Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2003. – С. 247-258; Передерий С.В. Федерализм: пути решения этнополи-тических проблем // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 18: Этни-ческая и региональная конфликтология. – М. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С. 205-215; Савва М.В. Механизмы влияния печатных СМИ на напряженность межэтнических отношений (на примере Краснодарского края) // Конф-ликты на Северном Кавказе и пути их разрешения. Сб. материалов международного круглого стола. – Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2003. – С. 276-288; Савва М. В. Этнический статус (конфликтологический анализ социального фе-номена). – Краснодар: Изд-во КубГУ, 1997. – 172 с; Соловьев В. А. Проблемы урегулирования этнотерриториаль-ных конфликтов и ликвидации их последствий // Ксенофобия на Юге России: сепаратизм, конфликты и пути их пре-одоления. – Вып.6. – М., 2003. – <http://www.ippk.rsu.ru>; Хоперская Л.Л. Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе. – Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 1997. – 144 с; Хоц А.Ю. Информационная революция и этни-ческие аспекты культуры современного общества: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Ставрополь, 2001. – 24 с; Чагилов В.Р. Феномен политизированной этничности и конфликт в контексте процессов глобализации // Соци-альные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 18: Этническая и региональная конфликтология. – М. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С. 85-103; Чубенко А.В. Поиски решения проблемы реа-билитации репрессированных народов бывшего СССР в условиях устойчивого развития федеративного государст-венного устройства // Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества: Сб. научных статей. – М. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С. 385-397; Юрченко В. М., Кольба А. И. Государство как медиатор этнополитических конфликтов на Северном Кавказе // Этнические конфликты и их уре-гулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества: Сб. научных статей. – М. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С. 404-422.

¹ См.: Дзадзиев А.Б. Зона осетино-ингушского конфликта: современное состояние и прогноз // Этнические конф-ликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества: Сб. научных статей. – М. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С. 263-294; Дзидзоев В.Д. Национальная политика: уроки опыта. – Владикавказ: Изд-во Алания, 1994. – 244 с; Гожев К.М. От самопознания к саморазвитию. (О некоторых вопросах качества наро-донаселения КЧР) // Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского об-щества: Сб. научных статей. – М. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С. 423-437; Нахушев В.Ш. Основы позитив-ного межнационального диалога и субъект-субъектных отношений этнонаций // Этнические конфликты и их уре-гулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества: Сб. научных статей. – М. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С. 63-73; Плиев А.Г. Парадоксы этнической культуры // Бюллетень Центра

Среди конфликтов, пользующихся вниманием в отечественной конфликтологической литературе, находятся и этнические конфликты в Закавказье: азербайджано-армянский в Нагорном Карабахе, грузино-абхазский и грузино-осетинский в бывшей Грузинской ССР.

В научной литературе существуют различные точки зрения на причины грузино-осетинского конфликта. В этом плане наибольшим вниманием исследователей пользуются несколько основных проблем.

Проблемы этнополитической стратификации, выразившиеся в государственно-правовых акциях сторон в предконфликтный период, проанализированы в работах О. Васильевой, К. С. Гаджиева, Г. Тархан-Моурави, А.И. Никитина, Ю. Полякова, Р. Г. Сюни, И. Хаиндрава, Г. Хуцишвили, В.Чебана, А. Н. Ямскова.¹

Проблема этнозиса в качестве причины грузино-осетинского противостояния рассмотрена в работах Р. Г. Абдулатипова, В. В. Амелина, О. Бубенка, Г. С. Денисовой, Л. М. Карапетяна, З. К. Каширокова, Н. В. Косолапова, А. Крылова,

социальных и гуманитар-ных исследований Владикавказского Института управления. – 1999. – № 4. – С. 44-48; Цуциев А.А. Осетино-ингуш-ский конфликт (1992-...). Его предыстория и факторы развития. – М.: Изд-во РОССПЭН, 1998. – 200 с; Шадже А. Ю. Политический диалог как средство разрешения этнических конфликтов // Соц.-пол. журнал. – 1996. – №2. – С. 218-223; Эфендиев Ф. С. О толерантности горцев Северного Кавказа (взгляд культуролога) // Этнические конфлик-ты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества: Сб. научных статей. – М. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С. 639-642.

¹ См.: Васильева О. Грузия как модель посткоммунистической трансформации. – М.: Горбачев-Фонд, 1993. – 67 с; Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. – М.: Изд-во МО, 2001. – 464 с; Тархан-Моурави Г. Грузино-абхазский конфликт в региональном контексте // Грузины и абхазы: Путь к примирению / Под ред. Б. Коппитерс. – М.: Изд-во «Весь Мир», 1998. – С. 121-153; Никитин А.И., Хлестов О.Н., Федоров Ю.Е., Демуренко А.В. Миротворческие операции в СНГ: международно-правовые, политические, организационные аспекты. – М.: МОНФ, 1998. – 176 с; Поляков Ю. Война гражданская? Война межнациональная? (о вооруженных конфликтах на территории бывшего СССР) // Свободная мысль. – 1993. – №8. – С. 81-84; Сюни Р. Живя с другими: конфликт и сотрудничество между кавказ-скими народами // Кавказские региональные исследования. – 1997. – Вып. 1. – Т. 2. – С. 3-9; Хаиндрава И. Путь к стабильному хаосу. К итогам десятилетия новой независимости Грузии // Центральная Азия и Кавказ. – 2001. – №6 – <http://www.ca-c.org>; Хуцишвили Г. Консолидация или новый конфликт? (Южная Осетия) // Конфликты и перегово-ры. Бюллетень международного Центра конфликтологии и стратегии переговоров. – Тбилиси, 1996. – №11-12. – С. 14-15; Чебан В. Некоторые уроки вооруженных конфликтов // Военный вестник. – 1994. – №2. – С. 14-17; Ямсков А.Н. Межна-циональные конфликты в Закавказье: предпосылки возникновения и тенденции развития // Полис. – 1991. – №2. – С. 73-89.

Т.С. Ледович, А.Г. Плиева, М.Р. Радовеля, В. А. Соловьева, В. Н. Стрелецкого, Я. Этингера.¹

Роль политических элит и проблема борьбы за власть внутри этнических групп изучены в исследованиях Ю. В. Арутюняна, М. Ю. Барбашина, И. Галтунга, Р. Гачечиладзе, К. С. Гу, Б.А. Камкия, Г. Нодиа, Э. А. Паина, Н.В. Петрова, А. А. Попова, В.Ф. Пряхина, А.А. Цуциева.²

На идеологический фактор в развязывании грузино-осетинского конфликта указывается в работах Р. Агрба, Ю. Анчабадзе, Д. Бердзенишвили, Ю.С. Гаглойти, М. Гаприндашвили, М.И. Дзайнуковой, С. Дзарасова, В.Д. Дзидзоева, С. Жидкова, Л.Н. Кочиева, А. Русецкого, Н.В. Сиукаева, А. Студеникина, Р. Хугаева.³

¹ См.: Абдулатипов Р.Г. Национальный вопрос и государственное устройство России. – М.: Славянский диалог, 2000. – 656 с; Амелин В.В. Этнополитические конфликты: типы и формы проявления, региональные особенности // Credo. – 1997. – №1 – <http://credo.osu.ru>; Бубенок О. Межнациональные конфликты на Центральном Кавказе: предпо-сылки, развитие и прогнозы на будущее // Центральная Азия и Кавказ. – 2001. – №3. – <http://www.ca-c.org>; Денисова Г.С., Радовель М.Р. Этносоциология. – Ростов н/Д: Изд-во «ЦВВР», 2000. – 280 с; Карапетян Л.М. Государственно-национальные конфликты и политико-правовые основы их разрешения // Социально-политический журнал. – 1996. – №6. – С. 72-85; Кашироков З.К. Этнополитические аспекты российского федерализма: на примере Северо-Кавказ-ского региона // Правоведение. – 1998. – №3. – <http://lawportal.ru>; Косолапов Н. В. Конфликты постсоветского прос-транства: проблемы дефиниции и типологии // МЭМО. – 1995. – №12. – С. 35-47; Крылов А. Грузино-абхазский конфликт: роль внешнего фактора // Центральная Азия и Кавказ. – 2001. – №4. – <http://www.ca-c.org>; Ледович Т.С. Социально-философский анализ проблем разделенных народов: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Ставрополь, 1999. – 23 с; Плиев А.Г. Кавказ в современном противоречивом мире // Бюллетень Центра социальных и гуманитар-ных исследований Владикавказского Института управления. – 1998. – №1. – С. 157-162; Соловьев В.А. Проблемы урегулирования этнотерриториальных конфликтов и ликвидации их последствий // Ксенофобия на Юге России: се-паратизм, конфликты и пути их преодоления. – Вып.6. – М., 2003. – <http://www.iprk.rsu.ru>; Стрелецкий В.Н. Этно-территориальные конфликты в постсоветском пространстве: сущность, генезис, типы. – <http://www.nikolaenko.ru>; Этингер Я. Межнациональные конфликты в СНГ и международный опыт // Свободная мысль. – 1993. – №3. – С. 87-95.

² См.: Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сукоколов А.А. Этносоциология. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 271 с; Барба-шин М.Ю. К понятию этнополитического конфликта // Ксенофобия на Юге России: сепаратизм, конфликты и пути их преодоления. – Вып.6. – М., 2003. – <http://www.iprk.rsu.ru>; Галтунг И. Некоторые наблюдения на Кавказе // Кав-казские региональные исследования. – 1997. – Вып.1. – Т. 2. – С. 81-87; Гачечиладзе Р. Географический фон реше-ния конфликта в Абхазии // Грузины и абхазы: Путь к примирению / Под ред. Б. Коппитерс. – М.: Весь Мир, 1998. – С. 86-107; Гу К. С. Генезис конфликтов в Закавказье и роль России // МЭМО. – 2002. – №10. – С. 93-102; Камкия Б.А. Проблема легитимности власти в полиэтничном государстве. – М.: МОНФ, 1997. – 50 с; Нодиа Г. Образ Запада в грузинском сознании // Этнические и региональные конфликты в Евразии. – М.: Весь Мир, 1999. – Кн. 3. – С. 150-180; Паин Э.А., Попов А.А. Межнациональные конфликты в СССР // Советская этнография. – 1990. – №1. – С. 3-15; Петров Н.В. Что такое полиэтнизм? Территориально-этнические притязания и конфликты на территории бывшего СССР // Полис. – 1993. – №6. – С. 6-15; Пряхин В.Ф. Роль России в урегулировании региональных конфликтов на постсоветском пространстве // ВМУ. Сер. 18. Социология и политология. – 2003. – №1. – С. 33-41; Цуциев А.А. Перспективы урегулирования осетино-грузинского конфликта в Южной Осетии и вокруг нее // Бюллетень Центра социальных и гуманитарных исследований Владикавказского Института управления. – 1999. – №2. – С. 99-123.

³ См.: Агрба Р. и др. Десятилетие переговорного тупика и концептуальная альтернатива для Абхазии, Южной Осетии и Грузии. – Сухум: Изд-во АГУ, 2002. – 104 с; Анчабадзе Ю.Д. Грузия-Абхазия: трудный путь к согласию //

В работах Т. Гиоргобиани, Г. Жоржолиани, А.Г. Здравомыслова, С. Лекишвили, С.Я. Матвеевой, В.А. Тишкова, А. Тоидзе, Г. Циклаури нашли освещение проблемы сепаратизма и сецессии.¹

Роль внешнего фактора, или «третьей силы в конфликте» акцентируется в работах М.М. Блиева, А.Г. Дугина, А. Карапетяна, Л. Матарадзе, А.В. Соколова, Э. Хоштария-Броссе, М.М. Цотниашвили.²

Грузины и абхазы: Путь к примирению / Под ред. Б. Коппитерс. – М.: Весь Мир, 1998. – С. 108-120; Бердзенишвили Д. и др. Особенности политического процесса в постсоветской Грузии // Центральная Азия и Кавказ. – 2001. – №6 – <http://www.ca-c.org>; Гаприндашвили М. К основам методики прогнозирования, предупреждения и преодоления существующих и ожидаемых этнополитических конфликтов в Грузии // Межнациональные конфликты на Кавказе: методика их преодоления: Тез. докл. на Международной конференции 19-20.01.1995. – М., 1995. – С. 48-50; Дзай-нукова М.И. Проблема национального самоопределения южных осетин (1918-2002): Автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Владикавказ, 2002. – 26 с; Дзарасов С. Анатомия конфликта // Южная Осетия: и кровь и пепел. – Влад-з: Изд-во Ир, 1991. – С. 20-32; Дзидзоев В.Д. Кавказ конца XX века: тенденции этнополитического развития. – Влади-кавказ: Изд-во ВНИЦ РАН, 2000. – 278 с; Жидков С. Бросок малой империи. – Майкоп, 1996. – 376 с; Кочиев Л.Н. и др. К вопросу о межнациональных конфликтах в Грузии // Вопросы политологии, истории и социологии. Сб. науч-ных трудов. – Вып. III. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2000. – С. 63-74; Русецкий А. От этноцентризма к общенацио-нальной идее. Факторы устойчивого развития полиэтнического общества // Ежемесячный бюллетень. – Тбилиси, 2000. – Вып. 2. – С. 34; Сиукаев Н.В. Две трагедии Южной Осетии. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1994. – 30 с; Ху-гаев Р.Г. Национальный суицид или вверх по нисходящей лестнице // Дарьял. – 2001. – №1. – С. 136-153.

¹ См.: Циклаури Г., Гиоргобиани Т. О проблеме автономий в Грузии: международный и национальный опыт, перспективы развития // Центральная Азия и Кавказ. – 2001. – №4. – <http://www.ca-c.org>; Жоржолиани Г., Тоидзе А., Лекишвили С. и др. Исторические и политико-правовые аспекты грузино-осетинского конфликта. – Тбилиси: Изд-во Самшобло, 1995. – 23 с; Здравомыслов А.Г. Матвеева С.Я. Межнациональные конфликты в России // Общественные науки и современность. – 1996. – №2. – С. 153-164; Тишков В. А. О природе этнического конфликта // Свободная мысль. – 1993. – №4. – С. 4-15.

² См.: Блиев М. М. Осетия, Кавказ: история и современность. Сб. научных трудов / Под ред. А.А. Магометова. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1999. – 332; Дугин А. Г. Евразийский мир лучше всякой ссоры. – www.eurasia.org; Карапетян А. Российская политика в Закавказье в постсоветский период // ВМУ. Сер. 18. Социология и политология. – 1997. – №4. – С. 54-68; Матарадзе Л. О политико-правовых аспектах грузино-осетинского конфликта и возможностях его мирного урегулирования // Осетинский вопрос. – Тбилиси: Изд-во «Кера - XXI», 1994. – С. 322-338; Соколов А. В. Миротворческая активность и миротворческие силы России в СНГ // Restructuring the global military sector. – v.1. – L&W, 1997; Хоштария-Броссе Э. В. Межнациональные отношения в Грузии – причины конфликтов и пути их преодоления. – Тбилиси: Мецниереба, 1993. – 158 с; Цотниашвили М. М. Осетинский сепаратизм и его сущность: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Тбилиси, 1998. – 25 с.

Исторический фактор как важнейшую предпосылку грузино-осетинского конфликта анализируют в своих работах А. Зверев, Д.Б. Малышева, Г. Мирский, С. Табуев, Б.А. Хачба.¹

При этом следует констатировать, что в научной литературе по проблемам осетино-грузинского конфликта не сложилось мнения, пользующегося поддержкой и имеющего признание у большинства исследователей. Несмотря на наличие определённой научной литературы, данный конфликт ещё недостаточно изучен. Все эти обстоятельства делают необходимым проведение специального исследования политико-идеологических факторов эволюции грузино-осетинского конфликта с привлечением широкого круга как теоретических, так и эмпирических источников.

Объектом исследования являются причинно-следственные связи в эскалации грузино-осетинской напряжённости и переходе грузино-осетинского конфликта в открытую фазу.

Предметом исследования является грузино-осетинский конфликт как конфликт идентичностей.

Цели и задачи диссертационного исследования. Основной целью диссертационной работы является исследование политико-идеологических факторов, генерировавших грузино-осетинский конфликт. В этом плане автор считает необходимым решение ряда исследовательских задач:

- выявить роль объективных противоречий в разворачивании грузино-осетинского конфликта;
- изучить механизм столкновения позиций сторон в условиях кризиса советской государственности;

¹ См.: Зверев А. Этнические конфликты на Кавказе, 1988-1994 гг. // Спорные границы на Кавказе / Под ред. Б. Копитерса. – М.: Весь Мир, 1996. – С. 10-76; Малышева Д.Б. Россия и государства Закавказья в поисках устойчивой стабильности // Ксенофобия на Юге России: сепаратизм, конфликты и пути их преодоления. – Вып.6. – М., 2003. – <http://www.iprk.rsu.ru>; Мирский Г.И. Еще раз о распаде СССР и этнических конфликтах // МЭМО. – 1997. – №2. – С. 12-22; Табуев С. Грузино-осетинский конфликт. – <http://southosetia.ru>; Хачба Б.А. Факторы этнополитической конфликтности на Кавказе // Социально-политический журнал. – 1995. – №3. – С. 222-229.

- исследовать роль идейно-политических установок национализма в эскалации грузино-осетинского конфликта;
- выявить сущность грузино-осетинского конфликта, определить его тип;
- проанализировать основные факторы консолидации политических элит;
- определить роль политической борьбы в эволюции конфликтных отношений;
- раскрыть основное содержание интересов новых этнических элит и выявить механизмы этнополитической мобилизации.

Методология исследования. Методологическую основу диссертации составляет системный подход, позволяющий рассматривать любой этнический конфликт как результат действия комплекса кризисных факторов - экономических, политико-правовых, идеологических, социокультурных. Поскольку, в конечном счете, этнический конфликт является деятельностью этнических субъектов и определенной формой их взаимодействия, автор использовал также субъектно-деятельностный подход, позволяющий через деятельность людей и социальных групп обнаружить на социально-деятельностном уровне противоречия между этническими группами. С позиции этого подхода этнический конфликт определяется как активное противоречие и противоборство самоопределяющихся субъектов межэтнического взаимодействия.

Использованный автором сравнительно-политологический анализ дал возможность выявить роль этнических элит в процессах этнополитической мобилизации, усилении межэтнической напряженности и эскалации ее до состояния открытого конфликта. Помимо этого, данный подход позволяет выявить и определить проблему групповой легитимности, связи коллективного самосознания с фактом существования политического образования в форме сложившейся государственности.¹

¹ См.: Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования / Под ред. Е.И. Степанова. – М., 1999. – С. 223.

В диссертационной работе автор использовал метод анализа конкретной ситуации (case-study), позволивший привлечь и ввести в научный оборот обширный эмпирический материал, который дает возможность определить как общие характеристики, присущие большинству этнических конфликтов, так и специфические причины, факторы, условия и механизмы исследуемого конфликта.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

- выявлены объективные противоречия и на этой основе уточнена их роль в развёртывании грузино-осетинского конфликта;
- раскрыт механизм формирования конфликтной ситуации в грузино-осетинских отношениях;
- определена роль идейных факторов в инициировании грузино-осетинского противостояния и показано влияние этнонационализма в Грузии на общее состояние двусторонних межэтнических отношений;
- выявлено, что грузино-осетинский вооруженный конфликт 1991-1992 гг. имел отчетливо выраженные признаки конфликта ценностей, что в значительной степени предопределяет существование трудноразрешимых препятствий на пути его урегулирования и окончательного разрешения;
- исследован механизм переноса межэтнических противоречий в сферу внутриэтнической политики, приведший к дальнейшему обострению конфликтной ситуации в межэтнических отношениях;
- показана роль политической борьбы внутри этнических общностей в трансформации сложившейся в межэтнических отношениях конфликтной ситуации в открытый конфликт;
- изучен процесс перехода грузино-осетинского противостояния из конфликта интересов в конфликт ценностей и этнополитических идентичностей.

Основные положения исследования, выносимые на защиту, можно резюмировать в следующих тезисах:

1. На момент распада Советского Союза как крупной этнофедеральной системы грузино-осетинские отношения содержали существенный объективно сформировавшийся **конфликтный потенциал**, обусловленный неразрешенностью основных грузино-осетинских противоречий в предшествующий период. Основное содержание этих противоречий имело объективный характер, формировалось в течение довольно длительного промежутка времени и выразилось в противоположных и взаимоисключающих позициях сторон по предмету этнотерриториального статуса Южной Осетии. Согласно грузинской позиции Южная Осетия представляет собой историческую часть Грузии, неделимую и неотчуждаемую от основной её территории, тогда как осетинская позиция рассматривала Южную Осетию в качестве составной части единой Осетии, разделенной Главным Кавказским хребтом на Северную и Южную.

2. Грузино-осетинские отношения в конце 1980-х гг. оказались в состоянии **конфликтной ситуации**, когда стороны приходят к осознанию несовместимости своих интересов и конечных целей. В условиях такой ситуации стали формироваться конфликтное взаимовосприятие и закладываться социально-психологические основы и предпосылки будущего конфликтного взаимодействия сторон. Конфликтная ситуация в грузино-осетинских отношениях свидетельствовала о протекании внутри обоих обществ социально-дезорганизационных процессов, о необратимой дезинтеграции важнейших общественных структур, обеспечивавших политическую стабильность.

3. Конфликтная ситуация в грузино-осетинских отношениях конца 1980-х гг. сложилась в значительной степени под мощным влиянием этнонационализма в Грузии, базировавшегося на принципе так называемого «права крови» и

представленного в виде идеи унитарного моноэтничного государства как основной концепции грузинского нациестроительства.

4. Грузино-осетинское противостояние имело отчетливо выраженные признаки конфликта ценностей, или же идентичностей, обусловленного несовместимостью двух элементов грузинской и осетинской идентичностей: различных этностатусных представлений и разнонаправленных политических ориентаций.

5. Основными иницилирующими силами грузино-осетинского политического противостояния явились национальные движения, формировавшиеся как в Грузии, так и в Южной Осетии в условиях развивавшейся аномии советской государственности, сопровождавшейся падением «старых» и появлением «новых» политических элит. При этом процесс консолидации новых этнических элит на базе этнонациональной идейно-политической платформы способствовал проникновению межэтнических противоречий и противостояния в сферу политики и дальнейшему развитию конфликтной ситуации в грузино-осетинских отношениях.

6. Политическая борьба между новыми и старыми элитами, приведшая к смене элит в обоих регионах, явилась непосредственной причиной трансформации конфликтной ситуации в межэтнических отношениях в открытую фазу противостояния, или же вооруженный конфликт между Грузией и Южной Осетией.

7. Основным содержанием политических интересов новых этнических элит явилась задача взятия, удержания и сохранения политической власти внутри своих этнических общностей в условиях развала социально-политической системы СССР и обострения межэтнических противоречий. Решение этой задачи обеспечивалось через использование двух основных механизмов этнополитической мобилизации: этнонациональной риторики и разыгрывания этнических карт в политической борьбе. При этом механизмы этнополитической

мобилизации, используемые в политической борьбе новыми этническими элитами, способствовали переводу конфликта интересов политических элит в конфликт ценностей и включению таким образом неэлитных слоев населения в вооруженное противостояние.

Теоретическое и практическое значение исследования. Теоретическая значимость диссертационной работы состоит в дальнейшей разработке, конкретизации и уточнении ряда научных положений и концепций, раскрывающих механизм детерминации этнического конфликта.

Результаты исследования, его основные выводы и рекомендации могут быть использованы:

- в дальнейшем научном исследовании грузино-осетинского конфликта и этнических конфликтов в целом;
- органами государственной власти, социально-политическими институтами гражданского общества как самих конфликтующих сторон, так и третьими сторонами-посредниками, различными международными и общественными организациями для выработки приемлемой для субъектов конфликта модели его завершения;
- в учебном процессе в высших учебных заведениях, в преподавании как базовых курсов политологии и конфликтологии, так и разработке специальных курсов по этнической конфликтологии;
- для повышения общего уровня поведенческой культуры населения в сфере межэтнической коммуникации, в том числе для «демонтажа» сложившихся негативных стереотипов и в первую очередь "образа врага", повышения уровня толерантности и доверия между двумя народами.

Апробация работы. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры социальной философии и этнологии Ставропольского государственного университета. Основные положения диссертации представлены на международной научно-практической конференции "Проблемы автономизации

и интеграции: поиски приемлемых моделей защиты прав меньшинств" (2-4 апреля 2002г, Копенгаген, Дания); региональной научной конференции "Ученые Осетии и Ингушетии за межнациональный мир и согласие в регионе" (июнь 2001г., г. Нальчик; сентябрь 2001г., г. Владикавказ).

Основные положения диссертационного исследования отражены в 8 публикациях автора общим объемом 7,75 п.л.

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, содержащих 7 параграфов, заключения, библиографического списка использованной литературы. Общий объем работы 197 страниц. Список литературы включает 269 наименований.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ГРУЗИНО-ОСЕТИНСКОГО КОНФЛИКТА

1.1. Объективные противоречия в грузино-осетинских отношениях как предпосылка развертывания конфликта

Исследование этнического конфликта в целом фокусируется на анализе трёх основных проблем: причин возникновения, стадий развертывания и проблемы урегулирования и разрешения. Изучение причин этнических конфликтов занимает важное место в исследованиях зарубежных и отечественных конфликтологов, и «редкая публикация обходит стороной этот аспект проблемы».¹ Вместе с тем исследование причин этнических конфликтов представляет собой нелегкую задачу, поскольку «причинность в социальной сфере характеризуется значительной сложностью и запутанностью».²

Отечественная конфликтология предлагает комплексный, системный подход к изучению причин этнических конфликтов, которые классифицируются как политические, экономические, социокультурные, идеологические, социально-психологические.³ Профессор В.А. Авксентьев предлагает следующую модель анализа причин этнических конфликтов как феномена. В этих целях им выделено несколько уровней:

- мегапричины, включающие конфликты цивилизаций, процессы глобализации, модернизации и формирования т.н. информационной цивилизации;
- макропричины, характеризующие среду протекания конфликта, в которой присутствуют конфликтогенные факторы, неподконтрольные самим участникам конфликта;

¹ Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. – Ставрополь, 2001. – С. 142.

² Дмитриев А. В. Конфликтология. – М., 2002. – С. 73.

³ См.: Юридическая конфликтология / Под ред. В.Н. Кудрявцева. – М., 1995. – С. 111-114. Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования) / Под. ред. Е.И. Степанова. – М., 1999. – С. 221.

- мезопричины: конкретные исторические и социальные условия деятельности субъектов-носителей конфликта;
- микропричины, представляющие непосредственные мотивы участия групп в конфликте. По мнению исследователя, именно этот последний уровень детерминации этнических конфликтов получил наибольшее внимание в научной литературе.¹

В.П.Пугачев и А.И.Соловьев предлагают более общую типологизацию причин всех политических конфликтов, разделяя их на объективные источники, субъективно значимые представления о политических явлениях и проблемы идентификации.²

Наиболее распространенное в отечественной литературе определение этнического конфликта как «конфликта с определенным уровнем организованного политического действия, в котором противостояние проходит по линии этнической общности»³ на наш взгляд объективно выдвигает проблему определения в нем роли и соотношения этнического и политического факторов.

Проблема этнического фактора в этнических конфликтах теснейшим образом привязана к определению самого феномена этничности, по поводу которого в отечественной и зарубежной этноконфликтологии существуют различные трактовки, суть которых вкратце можно свести к двум основным подходам: традиционному и постмодернистскому.

Традиционные концепции этничности рассматривают этносы как объективно существующие социальные системы, как «реально существующие группы людей, имеющие реальные этнические признаки и различия»⁴ (С.А.Арутюнов, Ван ден Берге, Ю.В.Бромлей, Л.Н.Гумилев, Ч. Кейес, В.И.Козлов, У.Самнер и др.). Для постмодернистских теорий характерно

¹ См.: Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. – Ставрополь, 2001. – С. 146-148.

² См.: Пугачев В. П., Соловьев А. И. Введение в политологию. – М., 2001. – С. 369-370.

³ Тишков В.А. О природе этнического конфликта // Свободная мысль. – 1993. – №4. – С. 8.

⁴ Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. – Ставрополь, 2001. – С. 28.

внесистемное рассмотрение феномена этничности и его субъективизация. При этом «нередко отрицается сам факт существования феномена этничности в обществе, а его проявления связывают лишь с действиями отдельных личностей, политиков и прессы, которые манипулируют общественным сознанием»¹ (Б.Андерсон, Р.Брубейкер, Э.Геллнер, Н.Глейзер, Р.Липшуц, Д.Мойнихен, Д.Ротшильд, В.А.Тишков, С.Штейнберг, К.М.Янг и др.).

Между тем от выбора подхода к определению этничности во многом зависит и решение проблемы этнического фактора в конфликтах. Признание объективного характера существования этносов наделяет этнический фактор реальными и самостоятельными параметрами в детерминации этнических конфликтов, тогда как субъективизация превращает его «в некий второстепенный фактор, проявление иррациональности мышления, подсознательный инстинкт или пережиток первобытного сознания и миропонимания первобытного человека, склонного мифологизировать окружающую действительность и многие общественные процессы и явления».²

В нашей работе мы будем исходить из того, что этничность представляет собой одну из наиболее устойчивых общностей в истории человечества, и эта устойчивость обусловлена «прежде всего, тем, что этнические идентификации представляют отождествление человека с реально существующей и исключительно устойчивой общностью».³ Не отрицая в принципе факта довольно эффективного манипулирования этнической идентичностью в политических целях, мы солидарны с точкой зрения, считающего, «почему именно этничность является столь мощным инструментом в этой борьбе, если она не более чем изобретение интеллектуалов?».⁴ Поэтому вслед за Л.Н.Гумилевым мы считаем, что «этническая принадлежность, обнаруживаемая в сознании людей, не есть продукт самого сознания.

¹ Малышева Д. Б. Феномен этносепагатизма на Кавказе и мировой опыт // Центральная Азия и Кавказ. – 1999. – №4. – <http://www.ca-c.org.malyшева.shtml>

² Там же. – <http://www.ca-c.org.malyшева.shtml>

³ Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. – Ставрополь, 2001. – С.39.

⁴ Там же. – С.39.

Очевидно, она отражает какую-то сторону природы человека, гораздо более глубокую, внешнюю по отношению к сознанию и психологии, под которой мы понимаем форму высшей нервной деятельности».¹ Значительная роль этничности в современных условиях подчеркивается и другими исследователями, указывающими, что «значимость этничности как культурного феномена остается существенной в современном российском обществе».²

Выбор такого подхода к рассмотрению феномена этничности позволит выделить этнический фактор в качестве одного из приоритетных в исследовании грузино-осетинского конфликта и объяснить специфические механизмы в его детерминации, обусловленные столкновением этнических интересов и формированием противостояния идеологий.

Это, на наш взгляд, тем более необходимо, что в отечественной литературе основное внимание исследователей уделено политическому составляющему грузино-осетинского конфликта, что, безусловно, закономерно.³ Однако, при этом этническая составляющая практически остается вне поля зрения, при этом высказывается точка зрения о том, что этнический компонент в грузино-осетинском конфликте практически не выражен.⁴

Между тем упор только на политических факторах в детерминации грузино-осетинского конфликта не позволяет до конца понять причины его происхождения и природу, а главное объяснить все трудности на пути его разрешения и также имевшиеся конфликты в прошлом.

Исследование всех факторов, детерминирующих этнический, как и любой другой, конфликт, должно опираться на признание того, что, в конечном счете, все они базируются на объективно существующих социальных противоречиях. В этом плане следует подтвердить точку зрения Н.В.Косолапова о том, что:

¹ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – СПб., 2001. – С. 61-62.

² Аствацатурова М.А. Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление (Северо-Кавказский регион). – Ростов-на-Дону – Пятигорск, 2002. – С.93.

³ См.: Косолапов Н.В. Конфликты в СНГ: некоторые вопросы методологии исследования // МЭМО. – 1994. – №8-9. – С. 64.

⁴ См.: Мирский Г.И. Еще раз о распаде СССР и этнических конфликтах // МЭМО. – 1997. – №2. – С. 17.

«Ключевой вопрос в подходе к любому конфликту – определение его исходного рубежа. Ясно, что исходный рубеж конфликта должен носить объективный характер».¹ По мнению А.В.Дмитриева «возникновение конфликта обычно обусловлено теми или иными объективными причинами, способствующими столкновению интересов социальных субъектов».²

Следовательно, объективные противоречия в конфликтах следует признать той основой, на базе которой происходит осознание противоположных интересов этнических и политических субъектов, а в кризисных условиях формируются и сталкиваются идеологические позиции сторон. На практике подобное положение вещей приводит обычно к возникновению кризиса во взаимоотношениях, или конфликтной ситуации.

Актуальность проблемы объективных противоречий в этнических конфликтах обусловлена также и тем, что позволяет проследить детерминирующие факторы долговременного порядка, действующие не только в ситуации конкретного конфликта, но и в периоды предшествующих столкновений, имевших место когда-либо в прошлом. Поэтому объективные противоречия следует рассматривать в качестве важнейшей предпосылки развертывания этнического конфликта. При этом под объективными причинами мы будем понимать противоречия в самых различных сферах общественной жизни, имеющие объективный характер, не зависящие от воли и сознания и неподконтрольные субъектам межэтнического взаимодействия. Как правило, подобные противоречия достаются участникам в наследство от прошлого, порой тянутся из глубины веков и определяют, в конечном счете, **среду протекания конфликта.**

В научной литературе, в частности грузинских исследованиях интересующего нас конфликта, можно проследить точку зрения о том, что «не существовало объективной основы грузино-осетинского и грузино-абхазского

¹ Косолапов Н. В. Конфликты постсоветского пространства: проблемы дефиниции и типологии // МЭМО. – 1995. – №12. – С. 35.

² Дмитриев А. В. Конфликтология. – М., 2002. – С. 79.

противостояний».¹ Однако, отечественные исследователи подметили объективные противоречия в этнических конфликтах Закавказья (Нагорный Карабах, Южная Осетия и Абхазия) еще в начале 1990-х годов, то есть сразу же по следу событий. А.Н.Ямсков в 1991 году выделил три основные группы этих противоречий: исторические (особенности прошлого взаимоотношения этносов, неразрешенность старых проблем религиозного и культурного характера, тянущаяся из прошлого), объективные (территориальные, государственно-правовые, идеологические, социальные, политические) и непосредственные причины, обусловленные социально-экономическим неравенством, национально-культурными, языковыми, а также этнодемографическими проблемами. Пытаясь определить соотношение указанных факторов, их роль и значимость в детерминации закавказских конфликтов, исследователь приходит к выводу, что только меньшая часть этих предпосылок связана с феноменом этничности и историей. Большая же часть - это социально-экономические и политические проблемы, хотя и подчеркивает, что нельзя сводить всю природу межнациональных конфликтов к социально-экономическим причинам.²

На существование определенных межэтнических противоречий объективного характера между Южной Осетией и Грузией указывает также целый ряд особенностей и обстоятельств грузино-осетинского противостояния:³

во-первых, это сохраняющееся до сегодняшнего дня состояние неразрешенности конфликта. Обе стороны, несмотря на собственные попытки, а также активные усилия третьих заинтересованных сторон, в том числе России и международных организаций, не в состоянии до сих пор урегулировать свои

¹ Цотниашвили М. М. Осетинское сепаратистское движение в Грузии и его сущность: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Тбилиси, 1998. – С. 14.

² См.: Ямсков А.Н. Межнациональные конфликты в Закавказье: предпосылки возникновения и тенденции развития // Полис. – 1991. – №2. – С. 78.

³ Под грузино-осетинским противостоянием и конфликтом мы имеем ввиду грузино-югоосетинские отношения. – автор.

отношения и, в частности, разрешить проблему политического статуса Южной Осетии;

во-вторых, грузино-осетинский конфликт 1991-1992 гг. не является единственным в грузино-осетинских отношениях. Это последний конфликт в цепи столкновений, повторяющихся между Южной Осетией и Грузией с определенной цикличностью на протяжении как минимум последних трехсот лет: ему предшествовал конфликт 1920 года между Грузией и Южной Осетией, который отличался куда большей остротой и по своим масштабам напоминал скорее межэтническую войну, а по трагическим последствиям был определен как геноцид южных осетин.¹ В середине XIX века, т.е. за 70 лет до этой войны, имело место столкновение между южными осетинами и грузинской феодальной знатью.² В период XVII-XVIII вв. исследователи также отмечают несколько наиболее значительных грузино-осетинских столкновений по политическим мотивам, преследующих целью установление контроля над территорией и регионом в целом: в 1626, 1711 и 1740-х годах;³

в-третьих, несмотря на семидесятилетний опыт совместного мирного существования периода советской власти все попытки примирения и окончательного разрешения всего комплекса противоречий между двумя народами не принесли окончательного результата. К концу 1980-х годов, как только наметился кризис советской системы, отношения этносов почти автоматически перешли в стадию конфронтации.

Подобные характеристики свидетельствуют о том, что грузино-осетинское противостояние проявляется не только и не столько на субъектно-деятельностном уровне, сколько является результатом действия определенных объективных противоречий. Именно существование подобных перманентных и устойчивых факторов обуславливает, в конечном счете, в кризисных ситуациях периодические вспышки грузино-осетинских столкновений, и они же создают

¹ См.: Дзидзоев В. Д. Кавказ конца XX века: тенденции этнополитического развития (историко-политологическое исследование). – Владикавказ, 2000. – С. 59-60.

² См.: Очерки истории Юго-Осетии. – Цхинвал, 1969. – т. I. – С. 127-128.

³ Там же. – С. 82-83.

весьма трудные препятствия на пути их урегулирования и окончательного разрешения.

Один из важнейших факторов, влияющих на рост межэтнической напряженности, «кроется в истории этносов, в их тесном взаимодействии между собой на протяжении веков».¹ В отечественных исследованиях в качестве одной из важнейших объективных предпосылок грузино-осетинского конфликта определяется социально-исторический фактор. При этом наиболее конфликтогенным называется стремление и периодические попытки Грузии подчинить Южную Осетию своей власти, которые успеха не имели и сопровождались постоянными конфликтами и войнами.²

В историческом плане камнем преткновения, формировавшем основное противоречие в грузино-осетинских связях, явилась неурегулированность и неопределенность двусторонних отношений на протяжении длительного исторического периода. Это обстоятельство проявлялось в отсутствии какой-либо **легитимной формы взаимоотношений** между двумя этносами, явившейся результатом обоюдных усилий в этом направлении. При этом такая форма могла бы явиться отражением определенного типа отношений, характерного для отношений между этносами: будь то отношения равностатусные или господства/подчинения.³ Это, несомненно, важно, поскольку «межнациональные отношения функционируют на институциональном и личностном, групповом уровне».⁴ С другой стороны, необходимость создания какой-либо взаимоприемлемой модели двусторонних отношений совершенно очевидна, поскольку этносы вынуждены контактировать ещё со времен древности в силу своего геополитического положения.⁵

¹ Бектешев В.Р. Политические конфликты, их социально-экономические и культурные детерминанты (региональный аспект) // Социальный конфликт. – 2000. – №2. – С. 65.

² См.: Табуев С. Грузино-осетинский конфликт – [http:// southosetia.ru/ru/confl.html](http://southosetia.ru/ru/confl.html).

³ См.: Коблов К. В. Межэтнические отношения в Тюменском регионе: задачи и механизмы регулирования // Социальный конфликт. – 2000. – №2 (26). – С. 77.

⁴ Дробижина Л. М. Федеративные и межнациональные отношения в Российской Федерации // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 18. – М. – Ставрополь, 2002. – С.199.

⁵ Южная Осетия географически расположена на южном склоне Главного Кавказского хребта в северной части Закавказья. – И. С.

Однако, следует отметить, что на сегодняшний день не существует какого-либо официального документа или правительственного решения на многосторонней или же односторонней основе, имевшего место когда-либо в прошлом и легитимирующего определенным образом взаимоотношения этносов, который бы явился результатом добровольного согласия и коллективного волеизъявления обеих сторон. В силу подобного положения вещей весьма длительный период тесного соседства и общения грузинского и осетинского этносов¹ оставил в наследство ситуацию, когда ни одна из сторон не в состоянии более или менее бесконфликтно идентифицировать противоположную сторону и определить характер взаимоотношений, апелляция к которым могла бы избежать конфликтного взаимодействия. Поэтому на сегодняшний день грузинская сторона не может достаточно четко определить, кто такие южные осетины и что такое Южная Осетия в обозримом прошлом и настоящем без того, чтобы такое определение не вызывало противостояния. У осетинской стороны нет также ясного представления о том, каких отношений ей стоит придерживаться с Грузией, не вызывая противодействия и конфликта с ее стороны.

Подобная ситуация объективно приводит к формированию определенной взаимной отчужденности и недоверия, которые мешают этносам в конструктивном политико-правовом русле разрешать возникающие межэтнические проблемы, в особенности в кризисных ситуациях. Поэтому отсутствие взаимоприемлемой формулы и модели двусторонних отношений, которая могла бы быть выработана в предшествующий период, периодически ставит обе стороны в тупик, вызывая в кризисные периоды конфликты и войны между ними. Несомненно, подобная практика межэтнических отношений явилась частью «довольно сложной и запутанной истории взаимоотношений народов в Грузии, усугубляемой кризисными обстоятельствами».²

¹ Под осетинским этносом здесь и далее мы будем понимать южную часть осетинского этноса в Закавказье, или же южных осетин.

² Малышева Д.Б. Россия и государства Закавказья в поисках устойчивой стабильности // Ксенофобия на Юге России: сепаратизм, конфликты и пути их преодоления. Вып. 6. – М., 2003. – <http://www.iprk.rsu.ru>

Анализ грузино-осетинских отношений в исторической ретроспективе дает возможность предположить, что неурегулированность и неоформленность межэтнических связей были в значительной степени обусловлены **длительным периодом противостояния и противоборства между сторонами по проблеме этнополитического статуса территории Южной Осетии и проживающих на ней компактно южных осетин.**

Суть проблемы выражена в том, что на протяжении веков этносам не удалось на взаимоприемлемой основе однозначно разрешить вопрос о том, что есть Южная Осетия и кто такие южные осетины на ее территории. То ли, по грузинской версии, Южная Осетия – это осетинский анклав на территории Грузии,¹ то ли, по версии осетинской, – это часть исторической Осетии, волею судеб раскинувшейся по обе стороны Главного Кавказского хребта?² Обе версии отражают разные и противоположные подходы к разрешению проблемы, которые, несомненно, в прошлом могли приводить и приводили к межэтническим столкновениям.

Причины актуализации проблемы этнополитического статуса южных осетин связаны, прежде всего, с распадом в XIII-XIV вв. на Северном Кавказе заложившего этнополитическую основу современной Осетии раннефеодального Аланского государства.³ Разрушенное татара-монголами, оно распалось на ряд обособленных регионов и обществ преимущественно в горной зоне Центрального Кавказа по обе стороны Кавказского хребта: к северу и к югу.

В период единого государства южные территории Алании, расположенные примерно на месте современной Южной Осетии,⁴ занимали

¹ См.: Жоржоллиани Г., Тоидзе Л., Лекишвили С., Хоштария – Броссе Э. Исторические и политико-правовые аспекты грузино-осетинского конфликта. – Тбилиси, 1995. – С. 6.

² См.: Гаглойти Ю. С. Проблемы этнической истории южных осетин. – Цхинвал, 1996. – С. 56.

³ Средневековые аланы считаются непосредственными предками современных осетин. – автор.

⁴ Появление осетинского этноса в Закавказье грузинская и осетинская стороны датируют по-разному: грузинская – поздним (XIII или даже XVIII веком), осетинская – ранним (скифским и сарматским) периодом. Однако наиболее характерной стороной этой дискуссии является то, что она возникает уже в постсоветский и предконфликтный период. До этого грузинские исследователи не подвергали сомнению раннее появление осетинского этноса в Южной Осетии. Более подробно об этом см.: Гаглойти Ю. С. Южная Осетия (К истории названия). – Цхинвал, 1993.

весьма выгодное геополитическое положение, контролируя стратегические коммуникации между Севером и Югом, в том числе линии современных транспортных артерий – Транскама и Военно-грузинской дороги. Историческая литература не фиксирует каких-либо существенных межэтнических столкновений в X-XIII вв. Грузино-осетинские связи в целом характеризуются в тот период как дружелюбные и бесконфликтные. По данным и грузинских, и осетинских исследований, обе стороны поддерживали «давние и разносторонние связи», которые способствовали установлению довольно тесных союзнических отношений между Аланским раннефеодальным государством на Северном Кавказе и Грузией,¹ когда «осетины были в дружбе с грузинами».² Следовательно, для грузино-осетинских связей того периода в целом были характерны отношения партнерства и конкуренции, обычных для приблизительно равнозначных политических субъектов.

Распад Алании превратил Южную Осетию³ в территорию с неопределенным этнополитическим статусом. Неопределенность статуса придавала во многом этой территории спорный характер и обусловила основную линию противостояния в грузино-осетинских взаимоотношениях, приведя уже в тот период к формированию противоположных и взаимоисключающих позиций сторон.

Осетинский этнос стремился после катастрофы на Севере сохранить территорию на Юге в качестве устойчивого и безопасного места компактного поселения этноса. Именно поэтому аланская элита попыталась восстановить здесь осетинскую государственность. Поскольку на севере Аланское государство было разрушено практически полностью, то аланской элите удалось переместить центр своей борьбы на юг, в Закавказье, и попытаться здесь воссоздать новую Аланскую державу.⁴ Подобные расчеты опирались на

¹ См.: История южных осетин / Под ред. проф. Л.А. Чибирова. – Цхинвал, 1990. – С. 52.

² Чичинадзе З. История Осетии по грузинским источникам. – Цхинвал, 1993. – С. 95.

³ Терминами «Южная Осетия», как и в целом «Осетия» и «осетинский» следует пользоваться применительно к периоду после распада Алании. В действительности, в исторической литературе отсутствует четкое определение времени и характера появления этого термина применительно к Южной Осетии.

⁴ См.: Блиев М.М., Бзаров Р.С. История Осетии. – Владикавказ, 2000. – С. 111.

несколько факторов, благоприятствовавших этим планам: во-первых, - это освоенность территории осетинским этносом уже с прежних времен, во-вторых, - более безопасное расположение южных территорий по сравнению с северными: Южная Осетия с севера защищена Кавказским хребтом, а с юга граничила с прежде дружественным грузинским этносом.

Перенести военно-политическую активность на Юг аланскую элиту подталкивали и устремившиеся в этом направлении миграционные потоки. Распад некогда единого государства и разрушительность монгольских завоеваний привели к массовым перемещениям населения и возросшим миграционным потокам в регионе. Следствием монгольских завоеваний стал массовый отлив аланского населения с равнин Центрального Предкавказья в спасительные горы. В связи с возросшей плотностью часть населения в горах стала избыточной и не могла прокормиться. По мнению В.А.Кузнецова «выход из сложившегося положения был найден в миграции этого избыточного населения на юг через перевалы Главного Кавказского хребта»,¹ когда «в результате неблагоприятных этнополитических обстоятельств определенная часть этноса вынуждена искать новые места для продолжения жизненного цикла».² Поэтому увеличение осетинского населения в этом регионе создавало благоприятную почву здесь для воссоздания разрушенной осетинской государственности. Однако эти планы столкнулись с мощным противодействием Грузии, рассматривавшей эти процессы как нежелательные.

Грузинская позиция по отношению к югоосетинскому региону, потерявшему опору и поддержку на Севере, проявилась в стремлении подчинить его своей власти и установить политический и этнический контроль над территориями компактного расселения южных осетин. Поэтому грузинская верховная власть выдвинула определенные этнополитические притязания на Южную Осетию. Такие попытки оказались возможными в результате

¹ Кузнецов В.А. Очерки истории алан. – Орджоникидзе, 1984. – С. 264.

² Аствацатурова М.А. Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление (Северо-Кавказский регион). – Ростов-на-Дону – Пятигорск, 2002. – С.125.

изменения этнополитической конъюнктуры на Кавказе, когда в результате татаро-монгольских завоеваний произошло «резкое изменение соотношения политических сил в регионе, перекроившее всю его жизнь и положившее начало новой исторической эпохе позднего средневековья».¹

С одной стороны Аланская государственность в результате крупнейшей по тем временам «гуманитарной катастрофы» перестала практически существовать. Исследователи характеризуют эти события как «крупнейшую для средневекового Северного Кавказа катастрофу».² С другой стороны, грузинской феодальной элите удалось «сохранить развитые формы феодальных отношений и государственность».³ Под ударами монголов грузинское государство, достигшее значительного подъема и расцвета в XIII веке, распалось на ряд обособленных удельных царств: Картлийское царство, Кахетинское царство, Имеретинское царство, Абхазское царство и княжество Самцхе.⁴

Очевидное неравенство в соотношении сил привело к попыткам более сильной и политически организованной стороны навязать другой стороне отношения вассальной зависимости и изменить, таким образом, характер двусторонних взаимоотношений в свою пользу. Поэтому Грузия, а точнее восточно-грузинские цари, стали в отношении южных осетин проводить политику, направленную на установление отношений прямой зависимости, или господства/подчинения.

В результате установления таких отношений грузинская феодальная элита получала непосредственный доступ к стратегическим коммуникациям Севера – Юга и одновременно решала проблему безопасности своих северных границ. Эта проблема обострилась в связи с резкой переменой демографической конъюнктуры на Северном Кавказе. Появление на территории Южной Осетии дополнительного количества осетинского

¹ Кузнецов В.А. Очерки истории алан. – Орджоникидзе, 1984. – С. 259.

² Там же. – С. 259.

³ Грузинская советская энциклопедия / Под ред. И.В. Абашидзе. – Тбилиси, 1981. – С. 70.

⁴ Там же. – С. 70.

населения расценивалось грузинскими царями как угроза их интересам в этом регионе. Поэтому, по мнению исследователей, уже в XIV веке «притязания на Южную Осетию как на сателлита Грузии стали постоянными со стороны грузинской царской и княжеской власти».¹

Противоположные подходы к разрешению проблемы югоосетинского статуса, выраженные обеими сторонами, обусловили и факт длительного противостояния между ними. Причем это противостояние в зависимости от конкретной политико-правовой конъюнктуры в регионе приобретало самые различные формы: от открытых столкновений и крупномасштабных войн до скрытого противостояния.

Открытое противостояние оказалось наиболее характерным для грузино-осетинских отношений в периоды их «самостоятельного» взаимодействия. Начало открытых конфликтов было положено уже в XIV веке, когда грузинский царь Георгий V в ходе военных походов попытался подчинить своей власти Южную Осетию.² Грузино-осетинское столкновение продолжалось в тот период более 30 лет и закончилось неудачей обеих сторон: Георгию не удалось покорить Южную Осетию, а попытки аланской элиты воссоздать здесь государственность были безуспешны.³

В период последующих XV-XVIII веков грузино-осетинские взаимоотношения стали развиваться и осуществляться преимущественно в русле противостояния. Восточно-грузинские цари пытались завоевать Южную Осетию и подчинить ее своей власти в ходе предпринимаемых ими неоднократных военных экспедиций и походов. Неизбежным результатом подобного рода взаимоотношений стали постоянные конфликты и борьба, которая происходила в форме «обычных для феодальной эпохи междоусобных

¹ Блиев М.М. Осетия, Кавказ: история и современность. – Владикавказ, 1999. – С. 263.

² См.: Очерки истории Грузии. – Тбилиси, 1979. – Т. 3. – С. 626.

³ См.: Блиев М. М., Бзаров Р. С. Указ. Соч. – С. 111.

столкновений».¹ Подобные отношения в целом придавали двусторонним отношениям характер противоборства на всем протяжении XIV-XVIII веков.

Однако, анализ этнополитической ситуации в регионе на момент присоединения к Российской империи убеждает в том, что Грузии, а точнее Восточно-Грузинскому, или Картлийско-Кахетинскому, царству не удалось, в конечном счете, навязать Южной Осетии отношения вассальной зависимости и подчинения.² Это было, с одной стороны, несомненно, обусловлено слабостью самой Грузии. С другой стороны, Южная Осетия стремилась любыми средствами избежать отношений зависимости и сохранить былую независимость от грузинской царской власти, которая ещё была жива в этнической памяти, или же хотя бы определенную самостоятельность.

Поэтому, по мнению исследователей, если «в целом притязания на Южную Осетию как на «собственное владение» становились традиционным политическим курсом грузинской феодальной власти, то так же и борьба с этим курсом в Южной Осетии приобретала устойчивые черты социальной и политической культуры югоосетинских обществ».³

Последним в длинной цепи открытых столкновений стал конфликт 1918-1920 гг., вылившийся в настоящую межэтническую войну летом 1920 года. Столкновение произошло, когда Южная Осетия, в силу географического расположения оказавшаяся в составе Грузинской демократической республики, образовавшейся в Закавказье на развалинах Российской империи в 1918 году, попыталась добиться самоуправления. Многочисленные просьбы и обращения Национального Совета, действовавшего в тот период в качестве исполнительного и представительного органа Южной Осетии, в адрес грузинского правительства о предоставлении автономии встретили

¹ Блиев М. М. Указ. Соч. – С. 263.

² См.: Блиев М. М., Бзаров Р. С. Указ. Соч. – С. 253.

³ Там же. – С. 253.

категорический отказ со стороны грузинских властей,¹ широко декларирующих «равноправный» подход в отношении нацменьшинств.²

Вследствие этого отказа в Южной Осетии резко упал авторитет и влияние Национального Совета, стоявшего на рациональных и умеренных позициях. В противовес ему стал набирать силу радикальный Реввоенсовет, выступивший с позиций борьбы за установление Советской власти и немедленный союз с Россией, которая обещала поддержать и оказать помощь Южной Осетии в борьбе за автономию. Новому органу удалось в сложившейся ситуации в кратчайшие сроки распространить свое влияние и авторитет на население Южной Осетии и объявить 8 июня 1920 года об установлении здесь Советской власти.³

В результате карательной акции грузинского правительства была развязана широкомасштабная (по меркам региона) война, имевшая тяжелейшие последствия для Южной Осетии. Правительственные войска грузинской республики учинили полное разрушение и этническую чистку территории Южной Осетии: около 5 тысяч этнических осетин погибло в ходе этой войны и на горных перевалах при отступлении на Северный Кавказ. В результате вынужденной миграции 20 тысяч беженцев оказались в Терской области, где из них 15 тысяч погибло от голода и массовых эпидемий, охвативших этот регион в период гражданской войны.⁴

По экспертным оценкам население Южной Осетии, насчитывавшее на 1900 год около 35 тысяч человек, а к этому периоду около 42 тысяч (с учетом коэффициента естественного прироста того периода в расчете 10 человек на каждую 1000 жителей в год) этнических осетин, сократилось почти на 60%.⁵ Огромный урон был нанесен экономике: по собственным грузинским оценкам было сожжено 25 крупных селений, 1588 жилых и 2639 хозяйственных

¹ См.: Из истории осетино-грузинских взаимоотношений / Под ред. проф. Н. Г. Джусойти. – Цхинвал, 1995. – С. 45.

² См.: Zhordania N. My life. – Stanford, California, 1968. – P. 97.

³ См.: История южных осетин / Под ред. проф. Л.А. Чибирова. – Цхинвал, 1990. – С. 155.

⁴ См.: Сиукаев Н. В. Две трагедии Южной Осетии. – Владикавказ, 1994. – С. 8.

⁵ См.: Из истории осетино-грузинских взаимоотношений / Под ред. проф. Н. Г. Джусойти. – Цхинвал, 1995. – С. 40.

построек, уничтожено 23600 га посевов, погибло и было угнано в Грузию до 80,3% крупного и 82,3% мелкого скота.¹

В результате подобного опустошения Южная Осетия перестала существовать де-факто, и лишь в феврале 1921 года с приходом в Грузию 11-ой Красной Армии югоосетинские беженцы получили возможность вернуться и восстановить свою родину.

Конфликт 1918-1920 гг. наиболее ярко отпечатался в осетинской этнической памяти и сыграл значительную роль в актуализации конфликтных взаимовосприятий в период 1989-1992 гг.

Открытые формы конфронтации в отношениях между Южной Осетией и Грузией сменялись на скрытое противостояние в периоды их сосуществования в рамках политико-правовой системы сначала Российской империи, а затем и Советского Союза.

В период Российской империи грузино-осетинское противостояние проявилось наиболее отчетливо в столкновении между осетинскими крестьянами и грузинскими князьями Мачабели. Грузинская феодальная знать в середине XIX века выдвинула претензии на установление отношений феодальной зависимости в Южной Осетии и на политическое господство и контроль над регионом.² Для достижения своих целей грузинские князья попытались использовать русскую военную силу. Попытки грузинских князей Мачабели, Эристава, Амилахвари и других, опираясь на русские штыки, проникнуть в Южную Осетию под видом ее «законных владельцев», привели к их столкновению с южными осетинами.

Российские власти попытались разрешить грузино-осетинский спор. Русский император посчитал нецелесообразным и слишком обременительным для казны постоянное употребление силы против Южной Осетии с целью ее подчинения грузинским князьям. С целью примирения сторон и обеспечения

¹ См.: Хачапуридзе Г.В. Борьба грузинского народа за установление Советской власти. – М., 1956. – С. 53.

² См.: Из истории осетино-грузинских взаимоотношений / Под ред. проф. Н. Г. Джусойти. – Цхинвал, 1995. – С. 30-38.

мира и стабильности в регионе Российский Сенат и лично сам император предложили выплачивать ежегодно грузинским дворянам компенсацию из казны в размере их предполагаемого дохода с южных осетин, а южных осетин перевести в разряд казенных крестьян, подчинявшихся непосредственно государству и плативших налоги в казну. Тем самым Россия признала обособленный статус Южной Осетии по отношению к Грузии. Это был некий прообраз будущей югоосетинской автономии.¹

Однако, в тот период социальный и политический конфликт между Южной Осетией и грузинскими князьями **не был разрешен**. В зависимости от лояльности или оппозиционности грузинской знати по отношению к России Петербург продолжал менять свою позицию по вопросу о статусе Южной Осетии. К концу XIX века конфликт зашел настолько далеко, что принял форму национально-освободительного движения.²

Таким образом, грузино-осетинские противоречия, порожденные сложными процессами этнополитических трансформаций в кавказском регионе периода XIII-XIV вв., на момент вхождения этносов в состав СССР не были разрешены, а «наличие неразрешенных в прошлом этнических конфликтов – одна из основных объективных предпосылок возникновения новых открытых этнических конфликтов».³

Следует признать, что созданное в начале 1920-х гг. национально-государственное устройство СССР определенным образом упорядочило и узаконило грузино-осетинские отношения. Грузинский и осетинский этносы были в централизованном порядке интегрированы в пределах общей для них структуры – союзной республики – Грузинской ССР. В рамках этой структуры Южная Осетия получила долгожданное самоуправление и автономию – статус автономной области. Также в централизованном порядке были разработаны и введены в действие определенные политико-правовые акты, закрепляющие и

¹ См.: Очерки Истории Юго-Осетии. – Цхинвал, 1969. – С. 128.

² См.: Блиев М. М. Указ. Соч. – С. 263.

³ Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. – Ставрополь, 2001. – С. 182.

легитимирующие автономный этнополитический статус Южной Осетии, в первую очередь Декрет об образовании Юго-Осетинской Автономной Области, вступивший в силу в апреле 1922 года.

Однако, несмотря на достигнутый очевидный прогресс по сравнению с предшествующим периодом созданная при советской власти модель грузино-осетинских отношений не способствовала окончательному разрешению грузино-осетинских противоречий и преодолению конфронтации в межнациональных отношениях. Подобная картина была в значительной степени обусловлена спецификой самого национально-государственного устройства, основанного на принципе этнического федерализма и разностатусности этносов.

Согласно мнению Л.Л. Хоперской «советское государство оказалось вынужденным признать субъектность этносов через формальное (юридическое) утверждение их различных статусов. В 20-е гг. в СССР была введена сложная иерархия форм национальной государственности в зависимости от степени зрелости этнической группы: союзная, автономная республики, автономные области, национальные районы».¹ Иерархическая структура национально-государственного устройства этносов фактически узаконила верховенство в обществе вертикальных отношений господства/подчинения: меньшие «братья» подчинялись средним, а те, в свою очередь, старшему брату.

Помимо этого, положение этносов, в особенности малочисленных, осложнялось тем обстоятельством, что, несмотря на сложную иерархию этнических статусов «государственная политика по отношению к народам строилась на принципе унификации всей общественной жизни, отрицания внутренней социально-политической структуры этноса».² По мнению В.А.Тишкова «существовавшая и сохраняющаяся социальная, политическая и культурная иерархия этнических групп в данном регионе мира (территория СССР-И.С.), а также репрессивные действия прошлого режима в отношении

¹ Хоперская Л.Л. Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе. – Ростов н/Д, 1997. – С.55.

² Там же. – С.53.

народов, населяющих территорию бывшего СССР, столь велики, что имеется более чем достаточно оснований для межэтнических противоречий как на личностном, так и на групповом уровнях».¹

Поэтому грузино-осетинские противоречия в сложной системе национально-государственного устройства СССР имели немного шансов на разрешение. Этому также далеко не способствовала принудительная интеграция двух разноориентированных и враждовавших длительный период этнических субъектов, только что переживших тяжелейшую межэтническую войну 1920 года, в рамках одной союзной республики: Южная Осетия не желала входить в состав Грузии,² а в Грузии не особенно были рады видеть в своем составе югоосетинскую автономию.³ По мнению грузинских исследователей «в годы советской власти в Грузии был установлен насильственный социальный и межнациональный мир».⁴

Неустойчивость положения этносов, интегрированных в рамках ГССР, была очевидной. Прочность этой искусственной связки была очень сомнительной на всем протяжении советского периода и обеспечивалась в основном третьей ролью установившего ее союзного Центра. Поэтому Грузинская ССР представляла собой шаткую конструкцию, которая не могла быть долговечной и при малейшем кризисе имела все шансы развалиться. По признанию исследователей, в т.ч. и грузинских, «единство Советской Грузии было призрачным не только для абхазов, осетин, армян, азербайджанцев, которые не осмысливали для себя опоры в грузинской республике, но и для этнических грузин».⁵

Для Южной Осетии проблема возникла, в первую очередь, вследствие того, что в результате грузинского противодействия предложения

¹ Тишков В.А. О природе этнического конфликта // Свободная мысль. – 1993. – №4. – С. 5.

² См.: Из истории осетино-грузинских взаимоотношений / Под ред. проф. Н. Г. Джусойти. – Цхинвал, 1995. – С. 50.

³ См.: Тоидзе Л. Образование осетинской автономии в Грузии // Осетинский вопрос. – Тбилиси, 1994. – С. 321.

⁴ Гаприндашвили М. К основам методики прогнозирования, предупреждения и преодоления существующих и ожидаемых этнополитических конфликтов в Грузии // Межнациональные конфликты на Кавказе: методика их преодоления: Тез. докл. международной конференции. – М., 1995. – С.49.

⁵ Зоидзе О., Бердзенишвили Д. Противостояние между Тбилиси и Батуми, или о проблеме собранности нации и политике государства // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – №2. – С. 214-217.

югоосетинского руководства об образовании на территории Южной Осетии автономной республики не были до конца поддержаны, и Южная Осетия вместо автономной республики получила статус автономной области, делавшей ее юридически беззащитной перед Грузией. При этом подчинение области грузинской власти практически совпадало с давнишним стремлением грузинской элиты установить с Южной Осетией отношения господства/подчинения. Статус области, лишенной собственной конституции, предоставлял все возможности для этого.

В целом в результате такого включения Южная Осетия, за несколько лет до этого пережившая национальную трагедию и не успевшая оправиться от этого, оказалась в составе республики, еще совсем недавно выразившей отрицательное отношение к ее существованию. Это создавало в Южной Осетии определенное ощущение неуверенности и нестабильности насчет будущих грузино-осетинских отношений. Помимо этого, Северная и Южная Осетии оказались в составе различных национальных республик, и осетинский этнос столкнулся с проблемой разделенности. Это могло создавать определенные препятствия свободному осуществлению связей Южной Осетии с Северной.

Для Грузии же факт образования на территории Южной Осетии автономной единицы и ее интеграция в состав Грузии формировали так называемую «осетинскую проблему» на ее территории, поскольку автономный статус Южной Осетии ограничивал грузинский и закреплял осетинский этнический контроль в регионе и обеспечивал выражение групповых прав осетинского этноса. Поэтому Грузия расценила факт образования ЮОАО как «нанесение большого урона территориальной целостности Грузии, осуществленное без разрешения грузинского народа, против его воли и интересов...»¹

Поэтому, уже при образовании ЮОАО произошло столкновение грузино-осетинских интересов. Осенью 1921 года югоосетинский Ревком выступил с

¹ Из истории взаимоотношений грузинского и осетинского народов (Заключение комиссии по изучению статуса Юго-Осетинской области). – Тбилиси, 1991. – С. 109.

инициативой образования на территории Южной Осетии самоуправляемой автономии, подчеркнув, что «образование такой политической единицы при данных объективных условиях создаёт благоприятную почву для приобщения трудящихся Юго-Осетии к Советской власти и скорейшего изживания чувства национального угнетения».¹

Официальная грузинская власть старалась не допустить какого-либо обособления территории Южной Осетии и придания ей определенного этнополитического статуса. В этих целях грузинская элита попыталась воспрепятствовать образованию здесь какой-либо автономной единицы вообще. Согласно мнению грузинских властей в тот период «районы, заселенные осетинами, лишены географического единства и составляют географически и экономически части различных провинций, поэтому образование искусственной административной единицы из этих отрезков следует считать неосуществимым делом...»²

Однако подобная позиция не нашла поддержки в Москве, выступавшей за самоопределение всех населявших Советскую Россию народов. Именно при ее поддержке в 1922 году на территории Южной Осетии была образована Юго-Осетинская автономная область. Не в силах помешать образованию автономной области грузинские власти при определении границ будущей автономии добились отторжения от нее двух ущелий: Кобийского и Гудского с чисто осетинским населением, мотивируя это их отдаленностью.³

Советское национально-государственное устройство не смогло уладить и разрешить грузино-осетинских противоречий и в последующий советский период. Очередное грузино-осетинское столкновение не заставило себя долго ждать. Официальная грузинская власть в конце 1930-х и 1940-е годы осуществила в отношении Южной Осетии этнокультурную экспансию. В 1939 году Юго-Осетинская автономная область была переведена на грузинскую

¹Из истории осетино-грузинских взаимоотношений / Под ред. проф. Н. Г. Джусойти. – Цхинвал, 1995. – С.49.

²Тондзе Л. Образование осетинской автономии в Грузии // Осетинский вопрос. – Тбилиси, 1994. – С. 307.

³См.: Из истории осетино-грузинских взаимоотношений / Под ред. проф. Н. Г. Джусойти. – Цхинвал, 1995. – С. 51.

графику, а с 1944 года вообще на грузинский язык обучения и делопроизводства. Это была попытка замены русско-осетинского билингвизма на грузино-осетинское двуязычие, что преследовало цели грузинизации и практической ассимиляции южных осетин. Эти действия вызвали открытое неприятие и жесткое противодействие Южной Осетии и были, в конечном счете, отменены из Москвы. Подобные меры, без всякого на то сомнения, могли привести к открытому конфликту между двумя этносами, который мог принять довольно крупные масштабы в случае отсутствия регулирующей роли России.

В конце 1980-х грузинские власти вновь предприняли попытки этнодемографической экспансии. В этом отношении разрабатывались планы переселения на территорию Южной Осетии этнических сванов. В декабре 1990 года депутат от Компартии А.Маргиани внес в Верховный Совет Республики Грузия законопроект о расселении на территории Южной Осетии двух тысяч сванов,¹ который не удалось реализовать вследствие развернувшегося вооруженного конфликта.

В случае успешного осуществления экспансионистских мер, Грузия получала возможность оспорить этнополитический статус Южной Осетии в будущем, установить полный грузинский этнический контроль в этом регионе, унифицировать Южную Осетию с грузинскими территориями и таким образом решить для себя «осетинскую проблему».

Серьезным препятствием для этих планов являлась пророссийская ориентация ЮОАО, и грузинские власти стремились не допускать усиления её связей с Россией. Наиболее показательным в этом отношении явилось строительство в 1970-1980-е годы Транскавказской автомагистрали (Транскама), связавшей круглогодично Северный Кавказ и Закавказье.

Строительство дороги отвечало этническим осетинским интересам, поскольку Транскам обеспечивал Южной Осетии всесезонную и быструю связь

¹ См.: Интервью с депутатом ВС РГ А.Маргиани // Заря Востока. – 1990. – 12 дек.

с севером - Северной Осетией и Россией. Это имело немаловажное значение в плане защиты и обеспечения безопасности Южной Осетии на случай обострения отношений с Грузией. В последующем, в период вооруженного конфликта именно эта дорога помогла Южной Осетии выжить, и без неё в Южной Осетии могла повториться картина геноцида 1920 года.

Поэтому, строительство дороги, учитывая прошлый опыт взаимоотношений, расценивалось в Тбилиси как ущемление или даже угроза грузинским этническим интересам в этом регионе. Особое недовольство грузинской элиты вызывало строительство через Главный Кавказский хребет Рукского тоннеля, связавшего Северный и Южный Кавказ. По оценкам грузинских исследователей «строительство Рукского тоннеля отвечало реакционным интересам России и противоречило интересам грузинского народа: во-первых, это было нарушение природной гармонии Кавказского хребта как естественной и исторической границы между Грузией и Россией, во-вторых, нарушилась основная функция Кавказского хребта – защищать Грузию от опасности с Севера».¹

Грузинская позиция в отношении этой магистрали официально была подтверждена в 1989 году, когда в период развала СССР появилась возможность открыто поставить этот вопрос. Требование «закрытия Рукского тоннеля» становится одним из основных в идейно-политической платформе грузинского национального движения. Официальные, пока еще коммунистические, власти Грузии попытались в 1990 году под видом ремонта перекрыть Рукский тоннель. В январе этого года министерство автотранспорта ГССР выступило с заявлением в правительственной печати: «Решено полностью закрыть Рукский тоннель и начать его ремонт. Рассматривается вопрос о круглогодичной эксплуатации Военно-Грузинской дороги через Крестовый перевал».² Практически это была попытка отрезать Южную Осетию

¹ Цотниашвили М. М. Указ. Соч. – С. 138-139.

² В министерстве автотранспорта ГССР // Заря Востока. – 1990. – 31 янв.

от Северной Осетии и России, лишив ее помощи союзников, и сделать беззащитной в условиях обострения грузино-осетинского противостояния 1989-1992 гг.

Однако, в середине 1980-х гг. грузино-осетинские противоречия в этом вопросе имели мало шансов на перерастание в открытое столкновение. Центральные власти в Москве подтвердили общесоюзное и военно-стратегическое значение Транскама, обеспечивающего более надежную и бесперебойную связь с Закавказьем по сравнению с Военно-грузинской дорогой, закрывающейся, как правило, на зимний период. Вследствие этого строительство было завершено в 1987 году.

Таким образом, национально-государственное устройство СССР, создавая видимость разрешения грузино-осетинских противоречий, на самом деле не разрешило их, а загнало вглубь. Советская национально-государственная модель грузино-осетинских отношений закладывала основы будущих конфликтов, которые, однако, в советский период при регулирующей роли союзного Центра не доходили до открытых фаз.

В социально-экономическом плане, «втором важнейшем компоненте среды конфликта, влияющем на его динамику», на повестке дня оказалась проблема дискриминации, производная от так называемого «внутреннего колониализма, когда крупный или титульный этнос якобы эксплуатирует малочисленные народы или этнические меньшинства, пользуется богатствами их этнических территорий, разрушает природную среду».¹

В случае грузино-осетинского конфликта не только этническое меньшинство обвиняло титульный этнос в дискриминации, но и титульное большинство считало, что подвергается угнетению, и что собственное тяжелое социально-экономическое положение происходит по вине меньшинства и этнических меньшинств в целом.

¹ Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. – Ставрополь, 2001. – С. 192.

Подобная картина оказалась возможной в силу того, что обе стороны, и грузинская, и осетинская, пытались экстраполировать социально-экономические проблемы в ранг межнациональных противоречий. Поэтому, эти проблемы приобретали «в многонациональном обществе национальную окраску или просто оценивались с позиций национализма».¹

Несмотря на то, что «в подобных объяснениях обычно очень много ненадежной и сфабрикованной информации»,² обе стороны обращались не столько к вымышленным, сколько к реально имеющимся событиям, фактам и цифрам, при этом каждая сторона указывала только на те обстоятельства, которые её устраивали и были выгодны.

В социальном плане наибольшие противоречия в грузино-осетинских отношениях вызывала в первую очередь проблема демографии. По мнению В.Н.Иванова, «демографическое неблагополучие может детерминировать латентную межнациональную конфликтность. Если иные негативные явления, связанные с социальной несправедливостью, вызывают, как правило, быструю реакцию, то демографический фактор создает, похоже, своеобразный фон национального недовольства. Падение в национальном составе удельного веса коренной нации вселяет тревогу за будущее своего народа».³

Озабоченность грузинской стороны стал вызывать факт увеличения осетинского населения в целом по Грузии: «За 1926-1989 гг. численность осетин в ЮОАО повысилась незначительно – на 4,8 тысячи, или на 8%, осетин же, проживающих за ее пределами – на 47 тысяч, т.е. на 87%. Это результат того, что осетины из Северной Осетии и ЮОАО переселялись в города и районы Грузии. Следовательно, этническое освоение осетинами территории Грузии на протяжении XX столетия происходит весьма интенсивно. За

¹ Ямсков А.Н. Указ. Соч. – С. 79.

² Secessionist Movements in Comparative Perspective / Ed. By R. Premdas, S.W.R. de Samarasinghe, A. B. Anderson. – London, 1990. – P.19. / Цит. по: Авксентьев А.В. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. – Ставрополь, 2001. – С. 192.

³ Иванов В.Н. Межнациональные конфликты: социально-психологический аспект // Социс. – 1992. – №4. – С. 20.

столетие численность осетин в Тбилиси увеличилась в 105 раз, а за последние 60 лет - в 23 раза».¹

Наиболее угрожающей рассматривала грузинская сторона этнодемографическую ситуацию в ЮОАО. «Осетинское население ЮОАО растет более быстрыми темпами, чем грузинское. По переписи 1979 года осетин было 72,8%, грузин 16,1%, а уже по переписи 1989 года осетин стало 74,5%, грузин 16,3%», – пишет М.М. Цотниашвили.² Компактность и более быстрые темпы роста осетинского населения в ЮОАО лишали грузинскую сторону возможности осуществления своих притязаний. В случае решения проблемы этой территории через демократические процедуры, включая референдум, территория оставалась под осетинским этническим контролем. Поэтому «грузинской стороне требовалось изменение этнодемографического баланса в Южной Осетии».³

Осетинская сторона выражала недовольство сокращением численности осетинского населения ЮОАО, повышением уровня смертности и миграции из области. «Политика советского руководства Грузии в Южной Осетии сводилась к обеспечению застоя в экономике и социальной жизни. Тем самым искусственно вызывались высокие темпы миграционных процессов. По этой главной причине более 200 тысяч южных осетин расселилось во внутренних районах Грузии. Такой социальной и демографической политикой руководство Грузии решило две задачи: а) добилось массовой ассимиляции осетин, разбросанных по Грузии; б) создало предпосылки полной ликвидации Южной Осетии».⁴

Тревогу осетинской стороны за свое будущее вызывал факт сокращения численности осетинского населения в ЮОАО со 106 тысяч в 1939 году до 98 тысяч в 1989, расценённый отечественными исследователями как

¹ Тотадзе А. Осетины на грузинской земле // Осетинский вопрос. – Тбилиси, 1994. – С. 192-193.

² Цотниашвили М. М. Указ. Соч. – С. 140.

³ Нодиа Гиа. Конфликт в Абхазии: Национальные проекты и политические обстоятельства // Грузины и абхазы: Путь к примирению/ Под ред. Б. Коппитерс. – М., 1998. – С. 46.

⁴ Блиев М. М. Указ. Соч. – С. 327.

демографические корни грузино-осетинского конфликта.¹ Подобная картина, по мнению осетинской стороны, была обусловлена низким коэффициентом рождаемости, высокими уровнями смертности и миграции из ЮОАО. Так в 1940 году общий коэффициент рождаемости в ЮОАО составил 25,2, а в 1979 – 16,8. По уровню смертности эти цифры составили соответственно 4,7 и 7,7. По миграции сальдо на 1953 год имело положительное значение +0,6, тогда как в 1979 оно было уже отрицательным и стало –6,4.²

Грузино-осетинские противоречия проявились и в других отраслях социальной сферы. По мнению грузинской стороны «грузины были представлены в меньшем числе, чем это им полагалось, если исходить из процентного соотношения населения: в партийных органах области из 140 человек было 34 грузин, в аппарате обкома партии из 37 – 6, в советском аппарате из 227 – 49, в сфере обслуживания из 2408 мест грузины занимали 631, в системе торговли из 226 – 32 и т. д.». ³

Осетинская сторона обращала внимание на такие показатели социальной сферы, как рост доходов населения, выплата льгот, уровень потребления, размеры заработной платы и национального дохода на душу населения в Южной Осетии по сравнению с среднереспубликанским уровнем. Так на начало 1980-х гг. рост реальных доходов населения в расчете на душу населения в процентах по Грузии составил 117, по Южной Осетии – 112, выплата льгот – 17,2 и 13,6, заработная плата – 22 и 13, национальный доход – 110 и 89,8.⁴ Наиболее низкие показатели наблюдались в Южной Осетии по уровню потребления продуктов питания по сравнению с республиканскими: норма

¹ См.: Зверев А. Этнические конфликты на Кавказе, 1988-1994 // Спорные границы на Кавказе / Под ред. Б. Копитерс. – М., 1996. – С. 43.

² См.: Харебов Б. К. Некоторые аспекты прогнозирования численности населения Юго-Осетии // Региональные проблемы экономики (на примере Юго-Осетии). – Цхинвал, 1981. – С. 96-110.

³ Жоржолиани Г., Тоидзе Л., Лекишвили С., Хоштария-Броссе Э. Исторические и политико-правовые аспекты грузино-осетинского конфликта. – Тбилиси, 1995. – С. 11-12.

⁴ См.: Кабисова Дз. Г. Рост жизненного уровня населения Юго-Осетии // Региональные проблемы экономики (на примере Юго-Осетии). – Цхинвал, 1981. – С. 53-63.

потребления мясных продуктов составила для Грузии 77,2 кг, для Южной Осетии – 40кг, молочных продуктов – 368 кг и 200 кг и т.д.¹

В экономической сфере грузино-осетинские противоречия фокусировались на имеющихся диспропорциях в развитии промышленности и сельского хозяйства. По мнению В.А.Авксентьева: «Различия в уровне экономического развития регионов внутри одного государства – повсеместно встречающееся и естественное явление, и даже в мононациональных государствах на основе таких различий могут складываться межрегиональные противоречия. В том случае, если эти региональные экономические различия, по крайней мере, частично совпадают с этнической структурой государства, это может послужить основанием для формирования межэтнической напряженности и возникновения конфликтов».²

Так, грузинская сторона указывала на то, что ЮОАО не является самодостаточной и существует на республиканские дотации. По мнению грузинских исследователей «ЮОАО фактически жила на дотации из республиканского бюджета: так в 1927 году доход ЮОАО составил 178 тыс. рублей, содержание же управленческого аппарата обходилось в 138 тыс. рублей. Это характерно и для всего последующего периода».³

Осетинская сторона утверждала, что Грузия осуществляет экономическую дискриминацию Южной Осетии: «Для экономически отсталой, аграрной Южной Осетии важнейшим звеном социально-экономического развития была индустриализация края. Для ее успешного осуществления здесь имелись и сырьевая база, и трудовые ресурсы, и рынок сбыта. Однако республиканские власти всячески препятствовали созданию и развитию здесь промышленности. Тем самым область обрекалась на роль аграрно-сырьевого придатка промышленно-развитых центров Грузии».⁴

¹ См.: Кабисова Дз. Г. Розничный товарооборот как показатель уровня жизни // Региональные проблемы экономики (на примере Юго-Осетии). – Цхинвал, 1981. – С. 143.

² Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. – Ставрополь, 2001. – С. 192.

³ Жоржолиани Г. Защита прав национальных (этнических) меньшинств. – Тбилиси, 1999. – С. 100.

⁴ Из истории осетино-грузинских взаимоотношений / Под ред. проф. Н. Г. Джусойти. – Цхинвал, 1995. – С. 52-53.

В сфере сельского хозяйства с осетинской стороны превалировали подобные же оценки: «Республиканские власти в отношении Южной Осетии широко практиковали «дифференцированный» подход в планировании, зловещий смысл которого заключался в том, что план сдачи зерна устанавливался тем горным районам области, где пшеница никогда и не произрастала, план сдачи яиц – тем районам, в которых никогда не было птицеводства. Такая политика экономической дискриминации югоосетинского крестьянства вела к нищете и разорению сельских тружеников области».¹

Социально-экономические противоречия, хотя и не озвучивались широко в период грузино-осетинского противостояния 1989-1992 гг., однако, сыграли значительную роль в его разворачивании. По мнению А.Н.Ямскова, «непосредственные причины социально-экономического характера обычно играют роль только на первой стадии конфликта. Выдвижение на первый план социально-экономических требований, как наиболее понятных первоначально политически пассивному населению, вполне понятно. В дальнейшем роль таких аргументов неуклонно снижается».²

Таким образом, анализ объективных факторов грузино-осетинского конфликта приводит к заключению о том, что на момент развала советской системы грузино-осетинские отношения содержали весьма существенный объективно сформировавшийся **конфликтный потенциал**, обусловленный неразрешенностью основных грузино-осетинских противоречий в предшествующий период.

¹ Из истории осетино-грузинских взаимоотношений / Под ред. проф. Н. Г. Джусойти. – Цхинвал, 1995. – С. 55-56.

² Ямсков А.Н. Указ. Соч. – С. 79.

1.2. Столкновение позиций сторон в условиях кризиса советской государственности

Субъективные противоречия наряду с объективными являются вторым важнейшим компонентом, обуславливающим возникновение конфликта. Вызревание субъективного фактора и его наложение на объективную основу противоречий приводит, в конечном счете, к практическому разворачиванию конфликтного взаимодействия, когда происходит «трансформация противоречия как явления объективной реальности в феномен сознания социального субъекта, дающего толчок процессу становления социального конфликта».¹

Субъективный фактор в этнических конфликтах формируется, как правило, в результате осознания этническими субъектами своих коренных интересов и выработки на этой основе определенных этнических позиций, «включающих понимание сторонами ситуации и их роли в ней, желаемый исход и сценарий на будущее и являющихся, по сути, требованиями».²

Формирование грузинских и осетинских этнических позиций в условиях распада советской государственности в конце 1980-х годов и их последующее столкновение свидетельствовали о резком обострении грузино-осетинских межэтнических противоречий в условиях развала СССР. По мнению В.А.Авксентьева: «Применительно к этническому конфликту его причинной основой является накопление и углубление противоречий в отношениях между социальными группами, фиксируемые в категориях этнических отношений. На социологическом уровне анализа это обнаруживается как деятельность социальных субъектов, результатом которой является обострение этих противоречий, что выявляется в ходе эмпирических исследований».³

Наиболее ярко специфика подобной грузино-осетинской межэтнической конъюнктуры нашла отражение в совместном заявлении в июле 1989 года до-

¹ Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования) / Под ред. Е.И.Степанова. – М., 1999. – С. 48.

² Разрешение конфликтов. Пособие по обучению методам анализа и разрешения конфликтов. International Alert. – М., 1999. – С. 81.

³ Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. – Ставрополь, 2001. – С. 149.

вольно авторитетного в грузинском национальном движении того периода Общества И.Чавчавадзе и осетинского Народного Фронта-ведущей общественно-политической организации в Южной Осетии, всерьез обеспокоенных сложившейся ситуацией: «Межнациональные отношения в республике перешли в крайнюю фазу напряженности. Определенные круги заинтересованы в нагнетании этой напряженности между нашими народами. Мультируются слухи о создании вооруженных групп, об их якобы нападениях на населенные пункты.

Судя по нынешнему уровню обеспокоенности населения можно заключить, что мы стоим на грани психоза, который можно предотвратить только разумными и совместными действиями. Мы призываем оба наших народа не поддаваться на провокации. Мы просим наши народы сегодня не отчуждаться, не бояться друг друга и находить не то, что нас различает, а то, что объединяет. Мы гордимся нашими великими предками, находившими пути к сердцам друг друга. Мы не позволим никому посягать на это наше бесценное достижение. Мы хорошо осознаем, что в ухудшении наших взаимоотношений заинтересованы только враги обоих наших народов».¹

Практическим результатом столкновения грузинских и осетинских этнических позиций явилась также острая межэтническая дискуссия, развернувшаяся в средствах массовой информации обеих сторон в указанный период. Классификация в группы основных тем грузино-осетинской дискуссии позволяет установить предмет межэтнического спора. Первая группа - это вопросы, относящиеся к югоосетинской автономии как форме выражения коллективных национальных прав южной части осетинского этноса, определяемые как «проблема». По сути - это этнотерриториальные, или политические вопросы. Вторая группа дискутируемых вопросов связана с собственно этносом, вопросами этнического статуса, его легитимности, определяемые также как «проблема», т.е. этнические вопросы. Третья группа – это «проблемность» политической и этнокультурной ориентации осетинского этноса, обострившаяся в свете развала СССР и

¹ Обращение обществ И.Чавчавадзе и Адамон Ныхас к грузинскому и осетинскому народам // Заря Востока. – 1989. – 23 июля.

осознания этнических интересов. И, наконец, особое место в межэтнической дискуссии занимает аргументация своих позиций каждой стороной, указывающая на подлинные обстоятельства и реальные причины формирования этнических позиций.

Если привести вышеизложенную классификацию в определенную систему, то можно прийти к заключению о том, что в центре всех дискутируемых проблем фактически оказался т.н. «осетинский вопрос», или же проблема южных осетин, при этом особо выделяются политическая и этнокультурная составляющие проблемы. Поэтому «осетинскую проблему», или «осетинский вопрос» можно идентифицировать как основной предмет грузино-осетинского спора.

Согласно мнению В.П.Пугачева и А.И.Соловьева «конфликтные отношения зарождаются, когда складывается атмосфера напряженности между оппозиционными сторонами, выражающая наличие определенного предмета спора и конкуренции, несовпадения позиций политических субъектов. На этом уровне пружина конфликтного взаимодействия еще сжата, и контуры будущего развития противоречия могут только угадываться».¹ Поэтому установление основного предмета грузино-осетинского спора позволяет предположить, что столкновение грузино-осетинских этнических позиций произошло вследствие выработки и представления сторонами **противоположных и радикальных подходов к «осетинскому вопросу».**

Осетинская проблема в Грузии актуализировалась вследствие распада СССР, когда в результате усиления центробежных сил союзные республики стали «разбегаться» из единого государства и встали на путь обретения независимости. Развал советской политико-правовой системы фактически подорвал легитимность автономий, базировавшихся на принципах национально-государственного устройства СССР. Обретение независимости Грузией ставило на повестку дня вопросы о будущей судьбе входивших в ее состав автономных этнотерриториальных образований и определении их нового этнополитического статуса в создающемся грузинском государстве. Как пишет В.Н.Стрелецкий:

¹ Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. – М., 2001. – С. 374.

«Коллапс Советского Союза, являвшегося предельно гетерогенным в этнокультурном отношении, привел к формированию качественно новых геополитических и этнополитических реалий на одной шестой части земной суши».¹

Для Грузии осетинская проблема представляла собой, прежде всего проблему **интеграции** югоосетинской автономии и в целом осетинского этноса в состав воссоздаваемого национального государства. Возникновение этой проблемы было обусловлено тем, что форма советской модели интеграции двух этносов, созданная в начале 1920-х гг., как это было показано в предыдущем разделе, изначально оказалась неприемлемой для Грузии. Проблема объективно заключалась в том, каким образом интегрировать этнотерриториальные образования ГССР в национальное грузинское государство, не вызывая недовольства с их стороны, и в то же время защитить собственные национальные интересы.

Очевидно, что проблема могла быть решена только при условии признания и сохранения, в первую очередь, федералистской структуры ГССР и признания легитимности автономий: «Вхождение Южной Осетии в состав независимой Грузии можно было обеспечить предоставлением статуса автономной республики в составе Грузии на федеративных условиях».² В дополнение к этому, поскольку «недоминирующие группы нуждаются в особом обращении для сохранения их характерных черт, отличающих их от большинства населения»,³ ситуация объективно требовала выработки новых моделей двусторонних отношений на договорной основе и создания таким образом новой системы национально-государственного устройства.

Это давало возможность, с одной стороны, не обострять отношений с автономиями и этническими меньшинствами, составляющими до 1/3 населения ГССР, налаживать с ними стабильные отношения с целью привлечения на свою сторону и обеспечить «мирное сосуществование и взаимопомощь наций и эт-

¹ Стрелецкий В.Н. Этнотерриториальные конфликты в постсоветском пространстве: сущность, генезис, типы. – <http://www.nikolaenko.ru>

² Пять лет Республике Южная Осетия. Официальные материалы. – Цхинвал, 1996. – С. 88.

³ Аствацатурова М.А. Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление (Северо-Кавказский регион). – Ростов-на-Дону – Пятигорск, 2002. – С.255.

нических меньшинств в Грузии»,¹ поскольку «защита меньшинств фактически означает не защиту их интересов, а защиту мира и безопасности в регионе».² Подобная позиция, безусловно, способствовала бы превращению автономий из потенциальных «врагов» в реальных союзников.

С другой стороны, таким образом можно было бы консолидировать все этнические меньшинства и этнотерриториальные образования в рамках единого государства, что создавало довольно благоприятные предпосылки для создания национального государства и реализации, таким образом, собственных национальных задач.

В этом плане в отношении Южной Осетии у грузинской стороны были определенные шансы и возможности, обусловленные отсутствием открытых столкновений и мирным характером их отношений в советский период. Это давало реальный шанс развития двусторонних отношений по договорному пути, что могло превратить южных осетин из фактических «нейтралов» не во врагов, а в союзников, избежать межнационального конфликта и, в конечном счете, способствовать скорейшему обретению Грузией долгожданной независимости.

В этой связи становилось крайне необходимым преодоление всех негативных признаков и последствий прошлой искусственной интеграции двух этносов. Легитимный процесс интеграции был при этом возможен, безусловно, только на путях выработки новых взаимоприемлемых для обеих сторон условий и вариантов, предполагающих принцип добровольности, соблюдения интересов сторон и направленный, в конечном счете, на сохранение мира, безопасности и стабильности в регионе и всей Грузии в целом.

Главным, при этом, несомненно, оставалось условие признания югоосетинского статус-кво, независимо от исторических предпосылок образования и политической ориентации. Подобное признание давало возможность выработки

¹ Гаприндашвили М. К основам методики прогнозирования, предупреждения и преодоления существующих и ожидаемых этнополитических конфликтов в Грузии // Межнациональные конфликты на Кавказе: методика их преодоления: Тез. докл. на Международной конференции 19-20.01.1995. – М., 1995. – С. 50.

² Skurbaty Z. As if peoples mattered. A critical Appraisal of 'Peoples' & 'Minorities' from the International Human Rights Perspective & Beyond. – The Hague, the Netherlands, 2000. – P. 209; Eide A. Caucasian Post-Soviet Conflicts and Dilemmas of Intervention: The Framework of International Law // Conflict in the Caucasus / ed. By P.Baev & Berthelsen O. – Oslo, 1996. – P. 77.

определенных правовых условий ее вхождения и существования в составе независимой Грузии. Такой подход гарантировал договорный характер будущих грузино-осетинских отношений. Грузино-осетинские межэтнические интересы имели в таком случае реальные шансы на согласование, поскольку отношения могли строиться на базе весьма обычного и распространенного как в обычной политике, так и в этнополитике, политического торга по принципу «ты мне – я тебе».

К примеру, грузинская сторона в обмен на сохранение автономии и даже русско-осетинского билингвизма в Южной Осетии, т.е. статус-кво, могла попросить Южную Осетию разорвать с СССР и войти добровольно в состав независимой Грузии. Это могло найти поддержку в Южной Осетии, осознававшей всю проблемность своей интеграции в Российскую Федерацию.

Трудно прогнозировать развитие событий в таком варианте, однако, предыдущее бесконфликтное состояние грузино-осетинских отношений давало определенные шансы на успех такой «сделки». Во всяком случае, подобные подходы, если и не исключали, то сводили к минимуму риск конфронтации и конфликта в межэтнических отношениях и создавали хорошие предпосылки для достижения консенсуса по этой проблеме. По мнению М.В. Иордана «только соблюдение принципа взаимоучета интересов сторон способно не допустить сползания начавшегося противостояния в открытое противоборство».¹

Для Южной Осетии «осетинский вопрос» заключался, прежде всего, в **проблеме сохранения** этнотерриториальной автономии как необходимого и наиболее важного условия защиты и выражения этнонациональных коллективных прав южной части осетинского этноса, а также легитимности этнического статуса в целом.

Проблема образовалась вследствие развала СССР, выступавшего основным гарантом легитимности Южной Осетии. Разрушение Советского Союза автоматически создавало реальную угрозу для югоосетинской автономии, полностью

¹ Иордан М.В. Наука национального примирения // Общественные науки и современность. – 1992. – №4. – С. 113.

базирующейся на основе российско-осетинского консенсуса. Обретение Грузией независимости, учитывая исторический опыт грузино-осетинских отношений и в особенности ее ориентация на полный разрыв почти всех традиционных связей с Россией усиливали эту угрозу.

В любом случае вхождение в состав возрождавшегося грузинского государства, формирующего свои собственные, весьма отличные от советских и российских идеологические и социально-политические реалии, создавало ситуацию неопределенности.

В случае национально-государственной консолидации Грузии без Южной Осетии проблема снималась сама по себе, поскольку Южная Осетия в этом случае оказывалась перед необходимостью интеграции с Северной Осетией и Россией.

Однако, грузинская элита проявила весьма активную заинтересованность в воссоздании национального государства в рамках ГССР, поскольку «идея «нашей земли» в грузинском сознании более или менее четко очерчена границами Советской Грузии».¹ Проблема сохранения югоосетинской автономии в рамках «новой» Грузии могла быть решена при условии признания ее легитимности лишь в случае согласия Южной Осетии на добровольное вхождение в состав грузинского государства на договорной основе. При этом от Южной Осетии требовалось не ставить вопроса о политическом воссоединении с Северной Осетией. Таким путем для Южной Осетии обеспечивалось решение проблемы сохранения статус-кво и соблюдение национальных интересов в тот период. Помимо всего это давало возможность не идти на риск конфронтации и вступления в конфликт с Грузией.

Однако не гипотетический, а реальный процесс формирования грузинских и осетинских позиций по осетинской проблеме пошел по совершенно другой схеме и привел к появлению взаимоисключающих подходов. Подобная противоположность была достигнута в силу ряда особенностей становления и

¹ Нодия Г. Конфликт в Абхазии: Национальные проекты и политические обстоятельства // Грузины и абхазы: Путь к примирению / Под ред. Б. Коппитекса. – М., 1998. – С. 26.

оформления этнических позиций обеих сторон, содержащих в определенном отношении и элемент взаимообусловленности.

Так, формирование осетинских этнических позиций было в значительной степени привязано к грузинским позициям и обусловлено ими. Позиции же Грузии формировались исходя не из выраженных или заявленных тем или иным образом политических позиций Южной Осетии, а из самого факта ее существования, как таковой, в виде этнотерриториальной автономии.

Основное содержание грузинских этнических позиций по осетинскому вопросу, сформированных и выраженных в период развала советской государственности, сводилось к отказу в признании осетинской автономии. При этом грузинская сторона подвергла не просто сомнению, а выступила с резким отрицанием легитимности этнического статуса южных осетин в Закавказье и потребовала полной ликвидации осетинской этнотерриториальной автономии.¹

Такое отношение к югоосетинской автономии во многом совпадало с отношением к остальным автономиям в Грузии: абхазской и даже аджарской, населенной аджарцами-этническими грузинами. Как и эти автономии, осетинская автономия рассматривалась как навязанная извне, нечто чуждое и враждебное грузинской государственности. Сам факт ее существования воспринимался в грузинском этническом сознании как попытка чуждого этноса отторгнуть часть грузинской территории, присоединить ее к Северной Осетии и России. Так, согласно А. Звереву «грузины утверждали, что и Абхазия и Южная Осетия управлялись на этнократической основе в ущерб интересам грузинского народа. Отсюда ощущавшаяся грузинами необходимость урезать в правах, если не вовсе упразднить эти автономные образования».²

Поэтому, по мнению грузинской стороны Юго-Осетинская автономная область как этнотерриториальная единица в составе Грузии должна быть упразднена как не имеющая «никакой историко-политической основы» и имеющая

¹ См.: Из истории взаимоотношений грузинского и осетинского народов (Заключение комиссии по изучению статуса Юго-Осетинской области). – Тбилиси, 1991. – С. 112-115.

² Зверев А. Этнические конфликты на Кавказе, 1988-1994 // Спорные границы на Кавказе / Под ред. Б. Коппите-рса. – М., 1996. – С. 44.

«внешнее» происхождение. В силу этого автономная область как таковая была объявлена «незаконной оккупацией грузинской территории» и созданной искусственно большевиками в 1922 году.¹

Подобная позиция приводила к тому, что трактовка осетинской автономии как выражения национальных прав осетинского этноса и определенной формы их защиты, никак не направленной против этнических грузинских интересов и которая могла быть при определенных условиях интегрирована в состав грузинского государства, совершенно исключалась в грузинском этническом сознании.

Не менее жесткие позиции были сформулированы и озвучены в отношении и самого этноса. Согласно грузинским позициям осетинская проблема упразднением этнотерриториальной автономии не исчерпывалась, и вопрос все еще оставался открытым, поскольку источником проблемы рассматривалась все-таки не автономия, а этнос.

Основное содержание грузинской позиции по проблеме осетинского этноса в Грузии сводилось к попыткам определить этнический статус южных осетин на Южном Кавказе. Согласно грузинской трактовке все население ГССР было разделено по национальному признаку. Грузинский этнос получил статус «хозяина», а все негрузинские этносы, включая и осетин, - статус «гостей» на грузинской земле со всеми вытекающими отсюда последствиями. Картина образа осетин как гостей дополнялась формулированием образа их «действительной исторической родины» на Северном Кавказе. Подобное определение фактически означало девальвацию этнического статуса осетин и сведение его до предельно возможного минимума. Если прежде в советской иерархии этнических статусов южные осетины определялись как «югоосетинский народ», то теперь они превратились в национальное меньшинство на территории Грузии, а затем и гостей, имеющих право как максимум на национально-культурную автономию: «Очевидно, что осетины не принадлежат к числу автохтонных народов Грузии, т.е. исконному населению страны. Они представляют собой пришлую

¹ Осетинский вопрос. – Тбилиси, 1994. – С. 5-6.

обосновавшуюся нацию. Их историческая родина – Северный Кавказ и по этой причине осетины, проживающие в Шида Картли, не обладают правом на самоопределение».¹

Помимо всего грузинская сторона выразила свое крайнее неодобрение и возмущение политической и этнокультурной ориентацией Южной Осетии и южных осетин на Россию и Советский Союз.

В результате выработки и озвучения подобных позиций Южная Осетия вместо признания в качестве этнотерриториальной единицы была идентифицирована как Самачабло – владение князей Мачабели (XIX век), или как Шида Картли – внутренняя Карталиния (Грузия).² Такая подмена термина давала возможность искусственно изменить современную этнополитическую идентичность территории Южной Осетии на более выгодную грузинской стороне историческую и географическую идентификацию.

Отказ в признании легитимности Южной Осетии не являлся, однако, единственной особенностью грузинских позиций. Другой характерной чертой, оказавшей определяющее воздействие на формирование осетинских позиций, стала их открытая антиосетинская направленность. Это выражалось в специфическом грузинском определении ситуации с Южной Осетией, определяемой в силу определенных причин как угроза и опасность делу грузинской независимости и жизненным интересам грузинского народа уже самим фактом ее существования.

Подобное определение осетинского этноса практически вынуждало грузинскую сторону декларировать свою приверженность силовому подходу в решении осетинской проблемы с целью выселения осетинского этноса на свою историческую родину. Наиболее активно подобная установка в решении осетинской проблемы в Грузии озвучивалась в тот период лидерами национально-го движения Грузии и, в частности, Звиадом Гамсахурдиа, открыто высказывавшегося на многочисленных публичных митингах в пользу применения сило-

¹ Матарадзе Л. О политико-правовых аспектах грузино-осетинского конфликта и возможностях его мирного урегулирования // Осетинский вопрос. – Тбилиси, 1994. – С. 330.

² См.: Гвасалиа Дж. Шида Картли и осетинская проблема // Осетинский вопрос. – Тбилиси, 1994. – С. 74-88.

вых методов. Именно ему принадлежит одна из фраз, озвученная в ноябре 1989 года на митинге в городе Гори: «Тот, кто не встанет рядом со мной в борьбе против осетин, станет врагом Грузии».¹ Поэтому социологические опросы в Грузии даже в постконфликтный период фиксировали высокий процент грузин (43%), «считающих, что в целях сохранения целостности грузинского государства оправданы жертвы в Абхазии и Южной Осетии».²

По мнению осетинских исследователей «Пропаганда насилия над осетинами была возведена в ранг государственной политики, этим самым возможности политического компромисса в грузино-осетинских отношениях были сведены Грузией на нет».³

В межэтнических отношениях это означало возврат к прежним грузинским позициям досоветского периода в отношении Южной Осетии, приведшим к войне 1920 года, и фактически предопределяло развитие двусторонних отношений по конфликтному сценарию, поскольку «насилие как инструмент достижения поставленных целей формирует репрессивное массовое сознание и нормы поведения».⁴

Еще одним характерным признаком грузинских позиций, оказавшим не менее, если не более значительное воздействие на Южную Осетию, явился непонятный на первый взгляд **иррационализм** и совершенно очевидная противоречивость грузинских позиций.

Иррационализм грузинских позиций проявился в выборе пути интеграции Южной Осетии в состав грузинского государства, ввергавшего межнациональные отношения в республике в состояние межэтнического кризиса. В целях «решения» осетинского вопроса грузинская сторона сочла необходимым предъявление к осетинской стороне целого ряда ультимативных требований

¹ Личный архив А.Г.Маргиева: Сборник документов и материалов. – Т. 1. – С. 15.

² Арутюнян Ю.В. Грузия: перемены в общественном сознании // Социс. – 1995. – №12. – С. 75.

³ Медоев Д. Южная Осетия: право на свободу // Пять лет Республике Южная Осетия: Официальные материалы. – Цхинвал, 1996. – С. 87.

⁴ Иванов В.Н. Межнациональные конфликты: социо-психологический аспект // Социс. – 1992. – №4. – С. 16.

лояльности: «Моральным и юридическим долгом проживающих и работающих в Грузии осетин является отстаивание интересов нашей республики».¹

Центральным моментом здесь выступило требование политической лояльности, которое формулируется в виде довольно жесткой и ультимативной этнической позиции Грузии: Южная Осетия должна безоговорочно и незамедлительно разорвать все свои традиционные связи с Россией, выйти вместе с Грузией из состава СССР и принять участие в «борьбе вместе с грузинским народом за укрепление независимости Грузии и ее расцвет».² Такое требование исходило из своеобразно осознаваемых грузинских этнических интересов и пренебрегало интересами меньшего по численности этноса в составе Грузинской ССР. Оно апеллировало к односторонним этническим интересам, а ультимативность выражения содержала значительный элемент угрозы и агрессии.

Иррационализм и противоречивость грузинских этнических позиций при этом проистекали от грузинского поведения в случае исполнения Южной Осетией грузинских требований. В случае согласия Южной Осетии на требования Грузии этот поступок осетинской стороны квалифицировался грузинской стороной не как политическая уступка в обмен на сохранение автономии, а как исполнение долга осетин по отношению к грузинской нации. А политическую автономию южные осетины теряли в любом случае, поскольку «в истории не существовало «Южной Осетии» ни как географической, ни как политической реальности».³

Таким образом, в обмен на выход из СССР осетинам предлагалось упразднение автономии. В целом отношение к осетинам как гостям и мигрантам, не имеющим ровно никаких политических прав, делало совершенно бессмысленными призывы к ним поддержать грузинский народ в строительстве национального государства.

Однако, несмотря на все противоречия, такая программа действий давала возможность установления этнического контроля над Южной Осетией и осу-

¹ Тотадзе А. Осетины на грузинской земле // Осетинский вопрос. – Тбилиси, 1994. – С. 208.

² Тотадзе А. Осетины на грузинской земле // Осетинский вопрос. – Тбилиси, 1994. – С. 208.

³ Осетинский вопрос. – Тбилиси, 1994. – С. 5.

ществления ее присоединения к Грузии в виде отдельной локальной территории. Подобная позиция была нацелена на установление в одностороннем порядке отношений полной зависимости и подчинения осетинского этноса интересам титульного грузинского этноса.

При этом грузинской стороной явно игнорировался такой очевидный факт, что отрицание легитимности автономий означало в то же время и отрицание всей политико-правовой основы существования ГССР, что реально лишало грузинскую сторону возможности сохранить ГССР в качестве основы воссоздания независимого грузинского государства и, таким образом, реализации собственных этнонациональных целей.

В целом грузинские этнические позиции означали курс на конфронтацию и приводили к этнокризисам и конфликтам как с Южной Осетией, так и со всеми нацменьшинствами, что объективно дестабилизировало внутривнутриполитическое положение ГССР.

Осетинские этнические позиции в условиях кризиса советской государственности сформировались также как довольно радикальные и по существу означали курс на сецессию – выход из состава Грузинской ССР, когда южные осетины «выступили инициаторами бескомпромиссной вооруженной сецессии».¹ Основная суть этих позиций сводилась в тот период к тому, что югоосетинское общественное мнение публично выразило свое неодобрение предстоящего выхода Грузии из СССР и открыто декларировало свое стремление остаться в его составе при любых обстоятельствах. При этом с осетинской стороны стала активно обсуждаться и обыгрываться тема воссоединения с Северной Осетией. Такие позиции осетинской стороны обосновывались стремлением защитить и сохранить автономию и собственную этнополитическую идентичность, когда «этническая группа формулирует требования, а затем и политическую программу, что государство есть атрибут и гарант сохранения групповой

¹ Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). – М.: Наука, 2001. – С.36.

целостности, а значит оно и его составляющие (территория, институты власти и др.) должны иметь национально-этнический характер».¹

Во-первых, Юго-Осетинская Автономная область была решительно заявлена как результат многовековой борьбы осетинского народа в прошлом за свою самобытность и самоопределение и как определенная политико-правовая гарантия осуществления коллективных национальных прав южных осетин на территории своего компактного расселения, во-вторых.² Из такой трактовки выводилась жесткая и достаточно бескомпромиссная формула: Юго-Осетинская автономия в том или ином виде должна быть сохранена в любом случае как безусловная и надежная гарантия физического и этнокультурного самосохранения южной части осетинского этноса, оказавшейся волей исторической судьбы на южном склоне Главного Кавказского хребта и в составе Грузии.³

Во-вторых, осетинский этнос был заявлен коренным и исконно проживающим на своей территории.⁴ Согласно этому, если южные осетины и переселились на свою нынешнюю территорию «откуда-то в свое время», то дата этого переселения уходит корнями в достаточно глубокую древность. По осетинскому мнению это время сравнимо лишь с датой появления на Южном Кавказе самого грузинского этноса, определяемого также как «пришлый» авторитетными в т.ч. и грузинскими экспертами. Так согласно утверждению академика И.А. Джавахишвили: «Положение исследователя истории грузинского народа еще более осложнено и тем обстоятельством, что Кавказ не является первоначальной родиной грузин, и остатки их первоначальной культуры не могут быть разыскиваемы здесь».⁵

В-третьих, территория Южной Осетии была заявлена с осетинской стороны как реальное единственное место проживания южных осетин, не имеющих

¹ Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования) / Под ред. Е.И. Степанова – М., 1999. – С. 223.

² См.: Маргиев В. К вопросу о статусе Южной Осетии // Дарьял. – 1993. – №3. – С. 130.

³ См.: Обращение Временного Исполкома Юго-Осетинской Республики к Верховному Совету СССР (об общественно-политической обстановке в Южной Осетии) // Советская Осетия. – 1990. – 16 нояб.

⁴ См.: Дзарасов С. Анатомия конфликта // Южная Осетия: и кровь и пепел. – Владикавказ, 1991. – С. 25.

⁵ Джавахишвили И. А. История грузинского народа. – Тбилиси, 1960. – Кн.1. – С. 7.

никакой другой исторической родины, где бы то ни было. С осетинской точки зрения земля принадлежит тем, кто на ней проживает в настоящее время де-факто, а не тем, кто когда-то в обозримом или необозримом прошлом на ней проживал. В противном случае осетинский этнос мог бы предъявить многочисленные территориальные претензии ко многим народам Советского Союза, что было бы совершенно абсурдно. А факт сравнительно недавнего образования Юго-Осетинской АО, вопреки грузинской аргументации об отсутствии древних традиций государственности у южных осетин, вполне укладывается в общемировое русло процесса распада и образования новых государств и государственных образований, примеры чего довольно многочисленны и распространены в мировой практике.¹

И, в-четвертых, осетинская позиция определила необходимость и правомерность российской ориентации этноса, позволившей создать довольно благоприятные условия для физического сохранения и культурного развития осетинского этноса не только на севере, но и на юге Осетии.²

Такое обоснование подтверждало югоосетинское стремление сохранить существующий на данный момент статус-кво. Это касалось, прежде всего, самоуправляемой автономии, оформившейся 70 лет назад, от которой Южная Осетия была не намерена отказаться в любом случае, независимо от любой политико-правовой конъюнктуры в регионе, будь то Советский Союз, Россия или же новая Грузия, поскольку «все народы имеют право свободно определять без внешнего вмешательства свой политический статус, обеспечивать свое экономическое, политическое, социальное и культурное развитие, и каждое государство обязано это уважать».³

Следует подчеркнуть, что подобный радикализм и жесткость осетинских позиций сложились под непосредственным воздействием двух факторов, актуализировавшихся в югоосетинском обществе в условиях развала СССР и обре-

¹ См.: Пять лет Республике Южная Осетия: Официальные материалы. – Цхинвал, 1996. – С. 71-75.

² Там же. – С. 71-75.

³ Skurbaty Z. As if peoples mattered. A critical Appraisal of 'Peoples' & 'Minorities' from the International Human Rights Perspective & Beyond. – The Hague, the Netherlands., 2000. – P. 222.

тения независимости Грузией: масштабной депривации общественных ожиданий в Южной Осетии и резкого обострения проблемы югоосетинского самоопределения.

Концепция депривации, трактуемая «состояние, для которого характерно явное расхождение между ожиданиями людей и возможностями их удовлетворения», успешно используется в конфликтологии для объяснения причин крупных общественных коллизий.¹ Согласно ей, усиление депривации способствует росту социальной напряженности, возникновению открытых социальных, политических и этнических конфликтов.²

Картина депривации массовых ожиданий в югоосетинском обществе сложилась в результате довольно резких и неожиданных изменений в общественных настроениях в Южной Осетии.

Изначально, процессы распада СССР и выхода Грузии из его состава формировали в осетинском общественном сознании два вида общественных настроений в отношении предстоящей грузинской независимости: настроения опасения и настроения ожидания, при явном перевесе последних.

Опасения относительно грузинской независимости проистекали в основном из негативного прежнего опыта разрешения грузино-осетинских противоречий в сфере этнополитики. Наиболее показательным в этом плане являлся негативный опыт грузино-осетинских отношений начала 1920-х годов, вылившийся в открытую войну. Помимо этой войны другой элемент негативного опыта взаимоотношений был выражен в этнокультурной экспансии со стороны Грузии в период 1939-1944 годов. Попытки этнодемографической экспансии со стороны Грузии и ее отрицательное отношение к строительству Транскама дополняли картину грузино-осетинского негатива, на котором и базировались определенные опасения в Южной Осетии относительно возможности подтверждения независимой Грузией сложившихся в условиях СССР югоосетинских реалий.

¹ См.: Дмитриев А.В. Конфликтология. – М., 2002. – С. 81.

² Там же. – С. 82.

Ожидания, с другой стороны, базировались на признании того, что весь прежний опыт грузино-осетинских отношений имел не только отрицательную окраску, т.е. не только один негатив. Позитивный аспект этих отношений заключался в их бесконфликтности на личностном уровне в предшествующие развалу СССР десятилетия 1960-1980-х годов, когда «осетины и грузины являлись глубоко интегрированными группами (высокий процент осетино-грузинских и грузино-осетинских браков, незначительная социокультурная дистанция между группами, высокий показатель взаимной дисперсии, т.е. наличие меньшинств, представляющих одну группу, в поселениях с численным преобладанием другой группы)».¹ Именно по этой причине «отношения между этносами – грузинами и осетинами – были в общем вполне нормальными».²

Грузино-осетинский позитив последних десятилетий существования СССР не остался незамеченным и грузинской стороной. Так, даже лидеры возрождавшегося в тот период грузинского национального движения подчеркивали: «Необходимо учитывать и то, что Самачабло (Южная Осетия-И.С.) – не Абхазия, и настрой осетинского народа по отношению к грузинам значительно отличается от настроя абхазского народа, значит с ними можно было вести разговор, во всяком случае, до акции 23 ноября (поход грузинского национального движения на Южную Осетию 23 ноября 1989 года – И.С.)».³

В целом следует подчеркнуть, что общая социально-психологическая картина осетинского общества в отношении Грузии характеризовалась **преобладанием ожиданий**. Это было обусловлено в основном тем, что соотношение позитива и негатива в грузино-осетинских межэтнических отношениях на момент развала СССР определялось некоторым преобладанием позитива, позволявшего констатировать определенное состояние грузино-осетинского согласия. Это было обусловлено рядом причин.

¹ Цуциев А.А. Перспективы урегулирования осетино-грузинского конфликта в Южной Осетии и вокруг нее // Бюллетень Центра социальных и гуманитарных исследований Владикавказского института управления. – 1999. – №2. – С. 100.

² Мирский Г.И. Еще раз о распаде СССР и этнических конфликтах // МЭМО. – 1997. – №2. – С. 17.

³ Заявление пресс-секретаря Национально-Демократической партии Грузии И.Саришвили // Тбилиси. – 1989. – 9 дек.

Во-первых, временным фактором. Указанный безусловный позитив в грузино-осетинских отношениях по времени следовал за прежним негативом, и это несколько сглаживало прежний неудачный опыт в силу временных дистанций. События 1920-го и 1930-1940-х годов постепенно уходили в прошлое и становились в общественном сознании уже историей, за которой следовал бесконфликтный опыт советского взаимодействия в период последних десятилетий.

Во-вторых, - социально-структурный фактор. В условиях указанного позитива за несколько десятилетий успело вырасти и сформироваться поколение представителей обоих этносов, не так остро реагировавших на события пусть даже недавнего, но прошлого, и воспринимавших друг друга, несомненно, с точки зрения современных бесконфликтных реалий. Негатив являлся частью этнических воззрений на состояние грузино-осетинских отношений лишь представителей старшего и то, преимущественно, пожилого поколения, для которого события прошлого являлись частью их личного опыта, и представителей гуманитарной интеллигенции, по роду профессии занимавшейся изучением этих событий. Средние же и младшие поколения, в особенности молодежь, воспринимали межэтнический негатив преимущественно как историю, как прошлое, к тому же имевшее место в досоветский период грузино-осетинских связей (война 1920 года), и который, по их мнению, не должен был детерминировать нынешнее их состояние, когда «осетины смогли простить и забыть этот жуткий период своей истории».¹

Преобладание в югоосетинском общественном сознании по отношению к Грузии и грузинам позитивного начала способствовало тому обстоятельству, что общий настрой югоосетинского общественного мнения в тот период суммировался в целом в виде положительного и даже в определенной степени благосклонного изначально отношения к Грузии и даже грузинской независимости. Именно подобный настрой югоосетинского общественного сознания обусловил и преобладание в нем настроений ожидания.

¹ Кочиев Л.Н., Дзайнукова М.И. К вопросу о межнациональных конфликтах в Грузии // Вопросы политологии, истории и социологии: Сб. научн. трудов. – Владикавказ, 2000. – Вып. 3. – С. 69.

Эти настроения фокусировались на допущении теоретической возможности благоприятного для обоих этносов разрешения возможных межэтнических противоречий в условиях «интегрированного грузино-осетинского мира».¹ Частью этих ожиданий явилось, несомненно, представление о том, что основные элементы югоосетинской идентичности могут найти понимание, а может быть, и поддержку со стороны независимой Грузии, стремившейся к тому же, широко декларировать свою приверженность демократическим ценностям Запада. И это давало определенную надежду и шансы на отказ от конфликтных представлений, имевших место в прошлом.

В силу вышеуказанных причин в Южной Осетии объективно стала складываться ситуация, в которой формирование осетинских этнических позиций, в конечном счете, стало зависеть от того, какие из указанных двух настроений в югоосетинском обществе будут оправданы: опасения или же ожидания и в какой мере. Выбор направления развития ситуации оставался за грузинской стороной, от позиций которой как от титульного и значительно превосходившего по численности (164 тысяч осетин и 3 млн. 787 тысяч грузин в ГССР по переписи 1989 года) этноса,² стало зависеть пойдет ли дальнейшая эволюция межэтнических отношений по пути сохранения и развития имевшегося согласия, или же произойдет возврат к прежнему негативному опыту конфронтации и конфликта.

Конец 1980-х, и в особенности 1988-й и 1989-е годы, были отмечены резкой переменой в общественных югоосетинских настроениях. Эта ситуация характеризовалась неоправдавшимися ожиданиями и подтвердившимися опасениями. Грузинская позиция по «осетинскому вопросу» способствовала широкому распространению в Южной Осетии представлений о том, что о каком-либо признании Южной Осетии и политических прав южных осетин со стороны Грузии не может быть и речи. Более того, позиция Грузии была воспринята

¹ Цуциев А.А. Перспективы урегулирования осетино-грузинского конфликта в Южной Осетии и вокруг нее // Бюллетень Центра социальных и гуманитарных исследований Владикавказского института управления. – 1999. – №2. – С. 103.

² См.: Жоржолиани Георгий. Защита прав национальных (этнических) меньшинств. АН Грузии. Центр по исследованию межнациональных отношений. – Тбилиси, 1999. – С. 96.

в Южной Осетии как проявление крайнего шовинизма и даже фашизма. Она подтвердила наихудшие опасения и повергла югоосетинское общество в состояние настоящего шока, явившись для Южной Осетии наглядным свидетельством реальных устремлений грузинской стороны, и за считанные месяцы практически полностью покончила с идиллией грузино-осетинского согласия.¹

Подобная ситуация привела к серьезным и резким сдвигам в общественном сознании Южной Осетии, выразившимся в коренной переориентации ценностей в сфере межэтнической коммуникации, принявшей массовый характер. При этом этническое осетинское сознание почти автоматически реанимировало негативный опыт войны 1920 года, имевшей тяжелейшие для южных осетин последствия, по которому с текущими событиями стали проводиться прямые аналогии.²

Вследствие подобного восприятия в Южной Осетии стало формироваться устойчивое представление о том, что суть современного грузинского отношения к Южной Осетии по сравнению с 1920 годом, т.е. за семидесятилетний период советской власти, практически не изменилась. По осетинскому мнению в случае вхождения в состав независимой Грузии, это грозит опять довольно серьезными последствиями для Южной Осетии, включая и войну. Зловещие с осетинской точки зрения симптомы этой войны появились на территории Южной Осетии 26 мая 1989 года в день образования Грузинской Демократической республики в виде государственного флага этой республики – малинового триколора, под знаменем которого осуществлялось уничтожение Южной Осетии и геноцид осетинского этноса в 1920 году. Вследствие этого, общественные настроения в Южной Осетии стали приобретать отчетливо выраженный антигрузинский характер, и в лице грузинского этноса стал формироваться «образ врага».

По мнению исследователей «страх оказаться в подчинении может быть сильнее любых материальных расчетов, и как реакция на него возникает стрем-

¹ См.: Кочиев Л.Н., Дзайнукова М.И. К вопросу о межнациональных конфликтах в Грузии // Вопросы политологии, истории и социологии: Сб. научн. трудов. – Владикавказ, 2000. – Вып. 3. – С. 66.

² См.: Южная Осетия 1988-1992 (хроника событий грузинской агрессии). – Цхинвал, 1996. – С. 6-8.

ление к оформлению определенных символов своей групповой легитимности и защищенности».¹ Поэтому в общественном сознании Южной Осетии стали утверждаться и доминировать настроения необходимости своевременного и надежного обеспечения безопасности и защиты автономии и этноса в свете предстоящей грузинской угрозы, поскольку грузинские позиции ставили южных осетин перед проблемой выживания как этноса.² Это означало, по сути, осознание необходимости самостоятельного решения в одностороннем порядке проблемы сохранения и легитимации своей этнонациональной идентичности.

Проблема самоопределения резко актуализировалась вследствие антиосетинского характера грузинских позиций и массовой депривации ожиданий в югоосетинском обществе. При этом радикальная и бескомпромиссная постановка этой проблемы в Южной Осетии была обусловлена самой спецификой сложившейся ситуации, когда Южная Осетия в силу сложившихся обстоятельств оказалась перед довольно жесткой дилеммой: остаться в составе обретающей независимость Грузии или же разорвать с ней и попытаться воссоединиться с Северной Осетией и Россией. Следует при этом иметь в виду, что в Южной Осетии в тот период, несмотря на удрученность ситуации, не было сил, всерьез рассматривающих или тем более ставящих на практическую плоскость достижение национальной независимости в том или ином варианте и построение собственного независимого государства. По мнению Г.И.Мирского, «никакого серьезного движения, ставившего перед собой цель создать осетинское государство в Южной Осетии, не существовало».³

С одной стороны, позиции Грузии по осетинскому вопросу убедили югоосетинское общество в том, что оставаться в составе рвущейся к независимости Грузии с осетинской точки зрения становилось невозможно и опасно, поскольку события вполне могли развиваться по образцу 1920-го года.

¹ Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования) / Под ред. Е.И. Степанова. – М., 1999. – С. 223.

² См.: Южная Осетия 1988-1992 (хроника событий грузинской агрессии). – Цхинвал, 1996. – С. 6-8.

³ Мирский Г.И. Еще раз о распаде СССР и этнических конфликтах // МЭМО. – 1997. – №2. – С. 17.

С другой стороны, такие грузинские позиции привели Южную Осетию к необходимости поиска такой альтернативы вхождению в Грузию, которая бы могла обеспечить сохранение для Южной Осетии существующего статус-кво. Решение проблемы югоосетинского самоопределения осознавалось в тот период преимущественно на путях поиска наиболее разумной альтернативы, которая в виду общей ориентации на Россию инстинктивно представлялась в виде сближения и последующей интеграции с Северной Осетией, входящей в состав Российской Федерации. По мнению А. Зверева «ответом южных осетин на грузинские требования было либо попытаться добиться федеративного статуса внутри Грузии, либо, если это окажется невозможным, стремиться к воссоединению с Северной Осетией, входящей в состав России».¹

Помимо этого, в пользу такого решения Южную Осетию подталкивала и проблема разделенности осетинского этноса, когда в начале 1920-х годов Северная Осетия была включена в состав Российской Федерации, а Южная - в состав Грузинской ССР. Хотя острота проблемы в определенной мере сглаживалась нахождением обеих Осетий в едином политико-правовом пространстве Советского Союза, разделение этноса актуализировало проблему отношений Юга и Севера, поскольку разделенность создавала определенные препятствия свободному развитию этнической культуры на единой основе. Так, например, в 1930 – 1950-х гг. Северная Осетия была переведена с латинской графики письма на русскую, а Южная - на грузинскую, а затем и грузинский язык образования и делопроизводства. В дополнение к этому ситуация кризиса и распада СССР создавала в общественных настроениях определенные иллюзии разрешения этой проблемы. Поэтому в Южной Осетии стали созреть определенные общественные настроения в пользу такой альтернативы, формулировавшие вопросы о возможности воссоединения с Северной Осетией.²

Однако, реализация такого варианта самоопределения являлась в действительности не таким уж простым делом. Воссоединение с Северной Осетией при

¹ Зверев А. Этнические конфликты на Кавказе, 1988-1994 // Спорные границы на Кавказе / Под ред. Б. Коппирса. – М., 1996. – С. 44.

² См.: Интервью с лидером Народного Фронта Южной Осетии А. Чочиевым // Ир. – 1990. – №4-5.

ее практическом исполнении автоматически превращалось в присоединение к Российской Федерации, нереальность и трудность которого хорошо осознавались в Южной Осетии. Это понимание исходило из отсутствия какого-либо подобного прецедента в прошлом. В Южной Осетии прекрасно было известно о том, что неоднократные попытки народа и руководства Абхазии в 1976, 1978, 1989 гг. выделиться из состава Грузинской ССР и войти в состав Российской Федерации всегда оканчивались безрезультатно.

Сам факт отторжения территории от одной союзной республики и присоединения ее к другой не встречал никакой поддержки в Москве, поскольку создавал опасность передела границ и возникновения очагов этнокризисов и конфликтов почти по всей территории СССР, изобилующей подобными претензиями. Тому наглядным свидетельством становилась ситуация вокруг Нагорного Карабаха, где к тому времени уже второй год, с 1988 г., фактически шла война между азербайджанцами и армянами, пытавшимися присоединить Нагорный Карабах к Армении, что вызывало жесткое противодействие союзного центра.

Воссоединение с Северной Осетией создавало и другую, не менее острую проблему – проблему разрыва с Грузией и выхода из ее состава. Эта проблема также легко могла вылиться в вооруженный конфликт, к которому Южная Осетия ни морально, ни материально - в плане военных сил и финансирования – в отличие от Карабаха, пользующего всесторонней поддержкой Республики Армения, не была готова. К тому же неудачный опыт войны 1920 года с Грузией не оставлял совершенно никаких иллюзий насчет ее исхода.

Поэтому, чаша весов в общественном сознании в Южной Осетии стала склоняться к пониманию того, что воссоединение с Северной Осетией и присоединение к России, хотя и весьма и желанная, но достаточно труднодостижимая, нереальная и посему опасная цель, т.к. грозила вероятностью превращения ситуации во второй Карабах. С другой стороны оставаться в составе Грузии, отчетливо декларировавшей свои антиосетинские позиции, становилось также не менее опасно.

Разрешение этой жесткой дилеммы осознавалось в Южной Осетии как практически безвыходная ситуация, автоматически ставившая югоосетинское общество в состояние крайней неопределенности и замешательства, дестабилизировавшая общественно-политическую ситуацию и радикализировавшая общественное сознание.

Решение проблемы югоосетинского самоопределения сформулировалось, в конечном счете, в пользу разрыва с Грузией и воссоединения с Северной Осетией. Такое решение в югоосетинском обществе было обусловлено преимущественно выбором «меньшего зла».

Одним из элементов этого выбора стало убеждение том, что Южная Осетия должна пойти на разрыв с Грузией, и как можно быстрее, в предельно короткие сроки, предвосхитив тем самым уже обозначившийся выход Грузии из СССР. Эта установка обосновывалась в общественном сознании на представлениях о том, что в случае грузино-осетинского столкновения эта акция сохранит для Южной Осетии возможность апеллировать к помощи традиционных союзников на севере или же к мировому сообществу. В противном случае, по мнению осетинской стороны, она будет лишена этой возможности, поскольку ее проблема превратится во внутреннее дело независимого грузинского государства. Поэтому «идея отделения от Грузии, которая вначале была воспринята лишь частью осетинской общины в Грузии, получила массовую поддержку и стала рассматриваться практически всем осетинским населением Грузии как условие выживания нации».¹

Таким образом, полное отрицание грузинской стороной югоосетинской легитимности подталкивало, а порой и заставляло Южную Осетию в целях самосохранения идти на полный разрыв всех отношений с Грузией и искать защиты и покровительства у традиционных союзников и в первую очередь у России. При более терпимом и благоприятном отношении грузинской стороны к осе-

¹ Никитин А.И., Хлестов О.Н., Федоров Ю.Е., Демуренко А.В. Миротворческие операции в СНГ: международно-правовые, политические, организационные аспекты. – М., 1998. – С. 37.

тинской проблеме Южная Осетия не могла рисковать разрывом и осложнением двусторонних отношений.

По мнению отечественных исследователей, «в Южной Осетии не было серьезного националистического движения, стремящегося объединить эту часть Грузии с Северной Осетией, входящей в Российскую Федерацию. В данном случае вина ложится, прежде всего, на Гамсахурдиа с его шовинистической политикой, нацеленной на ликвидацию автономий внутри Грузии. **Как реакция на это** (выделено мной – И.С.) стал молниеносно расти южноосетинский «матрешкин национализм», и был поставлен вопрос об объединении двух Осетий (впрочем, эта идея не слишком популярна ни в одной из них)».¹

В целом формирование и последующее столкновение грузинских и осетинских этнических позиций в условиях развала советской национально-государственной системы имело результатом ожесточенную идеологическую борьбу, основными участниками которой с обеих сторон выступила этническая интеллигенция.

Идейное противоборство развернулось преимущественно в средствах массовой информации, «сыгравших существенную роль в разжигании грузино-осетинского конфликта».² Оно было инициировано грузинскими СМИ, начавшими раскручивать «осетинский вопрос» со второй половины 1988 года. Вследствие ответного подключения осетинских СМИ идейное противостояние приобрело завершённые формы и сосредоточилось на обсуждении весьма широкого круга вопросов межэтнических отношений. На повестку дня были выдвинуты политические, исторические, культурные, языковые, географические и другие проблемы. Поскольку грузинские СМИ значительно превосходили осетинские по своему тиражу и включали еще и телевидение, отсутствовавшее в Южной Осетии, то грузино-осетинское идейное противостояние приобрело отчетливо выраженный асимметричный характер, вылившийся на практике в

¹ Мирский Г.И. Еще раз о распаде СССР и этнических конфликтах // МЭМО. – 1997. – №2. – С. 17.

² Дзебисашвили Кахабер. Масс-медиа и конфликты на Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. – 1999. – №6. – <http://www.ca-c.org>

форму односторонних нападков с грузинской стороны и столь же односторонних ответов с осетинской.

К примеру, эффект разорвавшейся бомбы вызвала в Южной Осетии статья профессора Тариэла Кванчилашвили «Что нас ждет потом?», опубликованная 30 сентября 1988 года в одной из наиболее авторитетных республиканских газет «Литератури Сакартвело», в которой автор недвусмысленно призвал к искусственному ограничению рождаемости у нацменьшинств.¹ В статье автор подверг резкой критике принципы интернационализма в межнациональных отношениях с позиций явного этноцентризма и шовинизма, выдвинув в частности тезис о том, что именно интернационализм наносит масштабный урон грузинской нации. Подобная трактовка интернационализма, примененная автором к проблеме нацменьшинств в Грузии, привела его к совершенно запелляционным выводам о «необходимости искусственного по примеру Китая ограничения деторождаемости у национальных меньшинств, создающих опасность перерождения грузинской нации». При этом автор статьи указывал на совершенную недопустимость «широкого расселения осетин не только на территории Шида Картли (Южная Осетия – И.С.), но и по всей Грузии недопустимо быстрыми темпами», не забыв при этом подчеркнуть и все обстоятельства «появления на территории Грузии осетин, переселившихся к нам с Северного Кавказа, т.к. там были гонимы».² Это была одна из первых публичных постановок т.н. «осетинского вопроса», осуществленная грузинской стороной в демографическом разрезе, и получившая довольно шумный резонанс в Южной Осетии.

В качестве ответной меры на статью Кванчилашвили, воспринятой в Южной Осетии как проявление открытого фашизма и расизма, в югоосетинских СМИ была опубликована статья известного осетинского профессора Нафи Джусойти «Что такое подлинный интернационализм?», выдержанная в традиционном советском духе «дружбы народов» и призывавшая к проявлению толерантности в межэтнических отношениях. В ней автор попытался определить

¹ См.: Кванчилашвили Т. Что нас ждет потом // Литератури Сакартвело. – 1988. – 30 сент.

² Там же.

разницу между реальным, подлинным интернационализмом, как необходимым условием согласованного взаимодействия этносов, и ложно понятым интернационализмом, призвав оба народа жить в мире и согласии.¹ Такая межэтническая полемика в СМИ способствовала усиленному раскручиванию конфликтной спирали в межэтнических грузино-осетинских отношениях и «не вела никуда, кроме как к обострению ситуации в Грузии».²

Вышеприведенный анализ столкновения этнических позиций сторон доказывает наличие начального (первого) этапа в разворачивании грузино-осетинского конфликта, когда «образуется «воронка» противостояния в результате предъявленных (односторонних или взаимных) претензий, призывов радикально изменить существующее положение».³ На практике подобная «воронка» противостояния свидетельствовала о возникновении в грузино-осетинских отношениях кризиса, «когда две или более политические силы осознают, что преследуют несовместимые цели»,⁴ или вызревании **конфликтной ситуации**. Основная суть этой ситуации, по мнению В.И. Сперанского, «это, по сути, социальная напряженность – психологическое состояние значительных социальных групп, т.е. групповые эмоции, возникающие из-за групповой неудовлетворенности».⁵ Поэтому основными признаками этой ситуации стали дестабилизация общего состояния грузино-осетинских отношений, рост межэтнической напряженности и отчуждения друг от друга, небывалый всплеск массовых эмоций и как следствие всего этого – активная вовлеченность самых широких слоев населения в этнополитический процесс. По мнению А.В.Дмитриева «конфликтная ситуация свидетельствует о протекании в обществе социально-дезорганизационных процессов, о кратковременной или длительной, более или

¹ См.: Джусойти Н.Г. Что такое подлинный интернационализм? // Советская Осетия. – 1988. – 25 окт.

² Дзедзисашвили Кахабер. Масс-медиа и конфликты на Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. – 1999. – №6. – <http://www.ca-c.org>

³ Михайлов В.А. Принцип «воронки», или механизм разворачивания межэтнического конфликта // Социс. – 1993. – №5. – С. 57.

⁴ Нэх В. Ф. Политический конфликт, технология инициирования, регулирования, разрешения // Вестник МГУ. Политические науки. – 1995. – №5. – С. 50.

⁵ Сперанский В.И. Конфликтная ситуация и Инцидент // Социс. – 1995. – №5. – С. 132.

менее глубокой, иногда необратимой дезинтеграции важнейших общественных структур, обеспечивающих стабильность данного общества или общности».¹

Таким образом, анализ столкновения грузинских и осетинских этнических позиций свидетельствует о том, что грузино-осетинские отношения в конце 1980-х гг. оказались в состоянии **конфликтной ситуации**, когда стороны приходят к осознанию несовместимости своих интересов и конечных целей.

¹ Дмитриев А.В. Конфликтология. – М., 2002. – С.74.

1.3. Две парадигмы национализма как идейная основа эскалации грузино-осетинского конфликта

Анализ причин столкновения грузинских и осетинских этнических позиций, приведшего к возникновению конфликтной ситуации, следует рассматривать как актуальную теоретическую и практическую проблему, учитывая то обстоятельство, что идейное противостояние, проявившееся в результате этого столкновения, фактически привело к разведению сторон по разные стороны баррикад уже летом 1989 года и сыграло роль своеобразного идеологического фона, на котором стало разворачиваться все последующее грузино-осетинское противостояние, включая вооруженный конфликт 1991-1992 гг. и даже постконфликтное взаимодействие. Поэтому выявление причин этого «конфликта идей, характерной чертой которого является выдвижение тех или иных притязаний»,¹ имеет определяющее значение в плане дальнейшего анализа грузино-осетинского конфликта и определения его идейных предпосылок.

Этническая конфликтология рассматривает идеологию национализма в качестве одного из важнейших источников этнических конфликтов. Согласно точке зрения одного из ведущих отечественных конфликтологов Е.И. Степанова, «национализм вносит в межнациональные отношения такой элемент противостояния и конфронтации, который не только порождает межнациональные конфликты, но и создает опасность острых национальных кризисов и катастроф. Именно поэтому он представляет для этноконфликтологических исследований первостепенный интерес в качестве предмета анализа, концептуализации, прогнозирования и практического регулирования».²

Такая роль национализма в этнических конфликтах обусловлена, на наш взгляд, некоторыми его специфическими характеристиками.

¹ Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования) / Под ред. Е.И. Степанова. – М., 1999. – С. 224.

² Степанов Е.И. Региональные межнациональные конфликты: подходы к анализу и регулированию // Социальный конфликт. – 2000. – №1. – С. 22.

Во-первых, в социально-психологическом плане – это амбивалентность самой национальной идеи, содержащей как позитивную сторону - рост национального самосознания, обретение национальной идентичности, возрождение самобытности и т.д., так и негативную – усиление межнационального противостояния, взаимоотторжение, самоизоляция, стимулирование межнациональной розни и т. д. При этом обе эти стороны национальной идеи имеют не случайный, конъюнктурный, а в значительной степени закономерный характер, обусловленный «самой диалектикой самоидентификации, предполагающей фиксирование различий, а не сходства, акцентирование собственных позитивных самохарактеристик за счет умаления чужих и закрепляющий таким образом тенденцию, ведущую не к сближению, а к отчуждению».¹

В силу подобной специфики национализма отношения между этносами могут принимать такой характер, когда «запросы одного этноса по воспроизводству и укреплению своих культурных традиций и ценностей принимают форму экспансии, настойчивого навязывания их другому этносу, воспринимаясь, поэтому последним как ущемление его собственных этнокультурных устремлений, требующих в этой связи защиты».² Отсюда «национализм следует понимать с точки зрения конфликтологии, как особую концепцию видения мира, когда различные этносы представляются соперниками в борьбе за выживание, за достижение преимущественного положения за различные блага, т.е. акцентируется фактор вражды по отношению к другим нациям».³ Именно поэтому «если национальная идея бытует в качестве актуальной в полиэтничном обществе, она непременно проявляет себя межнациональной конфликтностью».⁴

Во-вторых - это важнейшая характеристика национализма как «политической доктрины»,⁵ выражающей и обосновывающей основные направления и принципы национально-государственного строительства. Будучи представлен-

¹ Кандель П.Е. Национализм и проблема модернизации в посттоталитарном мире // Полис. – 1994. – №6. – С.12.

² Степанов Е.И. Региональные межнациональные конфликты: подходы к анализу и регулированию // Социальный конфликт. – 2000. – №1. – С. 21.

³ Там же. – С. 21.

⁴ Кандель П.Е. Национализм и проблема модернизации в посттоталитарном мире // Полис. – 1994. – №6. – С. 11.

⁵ Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. – Ставрополь, 2001. – С. 55.

ной двумя основными концепциями нациестроительства – гражданской и этнической, отражающими объективное существование «двух типов наций как социального феномена – нации-согражданства и этнонации»,¹ национализм в полиэтническом обществе несет в себе значительный конфликтный потенциал. И вот почему.

Гражданская концепция национально-государственного строительства направлена на формирование нации на основе единой гражданской культуры. При этом используются не исторические, а существующие современные юридические и социально-политические реалии. Универсальным критерием, определяющим формирование гражданской нации, является использование «права почвы», согласно которому участие в консолидационном процессе принимают все граждане и группы, объединенные общностью территории и политической культуры (универсализм). Однако, «в основе формирования наций-государств также лежит определенный этнический компонент».² С другой стороны, универсализм гражданской концепции предполагает ассимиляцию для того, «чтобы новая общность оказалась эмоционально значимой для всех своих членов».³ При этом, как пишет В.В.Коротеева, «путь ассимиляции более эффективен, чем построения абсолютно новой символической системы, включающей культурный багаж нескольких объединяемых групп, но в таком случае не исключено **сопротивление меньшинств** (выделено мной – И.С.), не желающих расстаться со своим культурным своеобразием. Поэтому следует высказать пессимизм по поводу возможностей политической (гражданской) нации в современных условиях».⁴

Этнонациональная же концепция нациестроительства формируется путем выделения этнических корней и подчеркивания на этой основе общности происхождения этнонациональной группы. Это предопределяет в этническом соз-

¹ Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. – Ставрополь, 2001. – С. 48-51.

² Там же. – С. 48.

³ Коротеева В.В. Энтони Смит: Историческая генеалогия современных наций // Политическая наука. 1999-1. Нация и национализм. – М., 1999. – С. 52.

⁴ Коротеева В.В. Энтони Смит: Историческая генеалогия современных наций // Политическая наука. 1999-1. Нация и национализм. – М., 1999. – С. 52.

нении использование истории и естественного права при формировании этнонациональных задач. Наиболее мощным этническим аргументом в этом плане является использование в этнической концепции нации т.н. «права крови», формирующего и выражающего единый этнический критерий этнонациональной консолидации. Согласно ему в консолидационных процессах этнической группы могут принимать участие лишь индивиды и группы, объединенные на основе единокровного происхождения и связанные друг с другом едиными этническими корнями (дифференциализм).

Согласно Э.Смиту «этническая концепция нации стремится заменить обычаями и диалектами юридические коды и институты, которые образуют основу гражданской нации. Даже общая культура и «гражданская религия» (патриотизм) гражданской нации имеет свой эквивалент в этнической концепции – своего рода мессианский нативизм, вера в искупительные качества и уникальность этнической нации. В этнической концепции нации «история» становится двойником «культуры» в гражданской концепции».¹

В силу большей роли этничности в процессах национально-государственной консолидации этническая концепция национализма по сравнению с гражданской содержит более значительный конфликтный потенциал. По мнению В.А.Авксентьева, «нельзя не согласиться с тем, что этнонации содержат в себе определенный конфликтный потенциал: соединение этничности и государственности в полиэтничных государствах чревато многими проблемами, начиная от этнического распределения власти и до сепаратизма с его тяжелейшими последствиями».² Отсюда можно заключить, что «основой межнационального конфликта выступает национализм, выдвигающий этноцентризм в качестве основной мотивации в межэтнических отношениях. И везде, где он выступает ведущим мотивом конфликтного поведения, мы имеем дело с межнациональным конфликтом в собственном смысле».³

¹ Smith A. The Ethnic origins of nations. – Oxford, 1986. – P. 137-138.

² Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. – Ставрополь, 2001. – С. 50.

³ Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования) / Под ред. Е.И. Степанова. – М., 1999. – С. 72.

Анализ столкновения грузинских и осетинских этнических позиций и развернувшейся идеологической борьбы между двумя этносами, проведенный в предыдущих параграфах, позволяет высказать предположение о том, что грузино-осетинские межэтнические отношения подверглись мощному воздействию и влиянию идеологии национализма, возродившейся в Грузии в конце 1980-х гг.

Национальная идея актуализировалась в Грузии вследствие распада СССР и обретения независимости, при этом идея политической независимости стала стержневой доминантой грузинского массового общественного сознания. Независимость стала рассматриваться при этом как панацея, как решение всех экономических, политических и других проблем национального развития и осознаваться как настоятельная этническая потребность. По мнению грузинских исследователей «В Грузии восстановление утерянной в 1801 и в 1921 гг. государственности стало заветной мечтой сперва элитарной части населения, а позже — всей нации. И в XIX веке, и в советское время грузинская интеллигенция воспитывала народ именно в таком практическом духе. Достижение политической независимости Грузии стало чуть ли не самоцелью для подавляющей части нации и никакие экономические и военно-стратегические контраргументы не принимались в расчет. Таков был характер грузинского общественного сознания».¹

Обретение политической независимости, безусловно, стимулировало процессы национально-государственной консолидации в грузинском обществе. Особенностью этих процессов в Грузии стало их протекание в русле **этнической концепции** национально-государственного строительства, направленной на формирование этнической нации и государства. Этническая концепция нации, таким образом, становилась важнейшей характеристикой возрождавшегося грузинского национализма как теории и практики нациестроительства, предопределившей в конечном счете формирование в Грузии этнонации. По мнению грузинских ученых «грузинский национализм предпочитает дифференциа-

¹ Гачечиладзе Р.Г. Правда о грузинской зиме // Социс. — 1992. — №8. — С. 6.

лизм, т.е. «право крови», как в Германии, а не «право почвы», т. е. в грузинском обществе преобладает не общегражданское сознание, а этническое».¹

Среди важнейших признаков грузинского национализма, позволяющих идентифицировать его как этнонационализм, - это апелляция к естественному праву, включая и «право крови». Так, базовая формула грузинского национального проекта декларирует: «Мы ничего не хотим сверх того, что нам принадлежит **по праву** (выделено мной – И.С.), но то, что наше, мы не отдадим»,² а право крови служит доказательством этнических прав на территорию. «Земля Шида Картли, где каждая пядь земли окрашена кровью предков, исконно грузинская земля...», - писал в 1988 году уже упоминаемый нами профессор Т.Кванчилашвили.³

«Выбор» этнической концепции национально-государственного строительства был осуществлен в грузинском обществе в силу ряда современных и исторических предпосылок. Так в процессе формирования в Грузии этнической концепции решающую роль сыграло нациестроительство в бывшем СССР, осуществлённое именно на этнической концепции нации. Поскольку попытки преодоления этих представлений в Советском Союзе не достигли конечной цели и не привели к формированию единой гражданской нации, то после распада СССР «этнокультурное представление, преобладавшее в Советском Союзе, было унаследовано всеми сменившими его государствами».⁴

Более того, этнокультурный опыт советского федерализма нашел в Грузии благоприятную почву, соединившись с историческими традициями грузинского национализма. В этом плане национальная грузинская идея уходила корнями в средневековье. Тогда этническая концепция определяла Грузию как «те земли, где церковная служба и все молитвы произносятся на грузинском языке»,⁵ придавая лингвистической основе религиозную форму. Патриарх грузинского ли-

¹ Нодиа Г. Конфликт в Абхазии: Национальные проекты и политические обстоятельства // Грузины и абхазы: Путь к примирению / Под ред. Б. Коппитерса. – М., 1998. – С. 25.

² Там же. – С. 26.

³ Кванчилашвили Т. Что нас ждет потом // Литератури Сакартвело. – 1988. – 30 сент.

⁴ Коротеева В.В. Роджерс Брубейкер: Национализм как «политическое поле» // Политическая наука. 1999-1. Нация и национализм. – М., 1999. – С. 52.

⁵ Gachechiladze R. The new Georgia: Space, Society, Politics. – Texas, 1995. – P. 19-20.

берального национализма XIX века И. Чавчавадзе слегка видоизменил эту формулу, поставив религию на последнее место, но сохранив основу: «язык, отечество, вера». Однако основные составляющие грузинского национализма окончательно оформились в 1918-1921 гг. в период политической независимости Грузии, а «национально-освободительное движение периода перестройки восстановило эту парадигму почти без изменений».¹

Возрождение этнонациональной концепции нациестроительства в Грузии в конце 1980-х гг., сопровождалось на практике значительной конфликтностью в сфере межэтнических отношений. В отношении осетинской проблемы конфликтогенность этнонационализма наиболее отчетливо проявилась в двух аспектах: в определении позиций по «осетинскому вопросу» и в особенности их аргументации.

Позиции по «осетинскому вопросу» формировались в процессе специфической трактовки двух ключевых проблем: осетинской автономии и проблемы осетинского этноса. Актуализация обеих этих проблем носила вполне объективный характер в свете развернувшихся в Грузии национально-консолидационных процессов и была обусловлена необходимостью их интеграции и определением их роли в этом процессе. Однако проблемность ситуации проистекала не столько от необходимости интеграции автономий и этнических меньшинств в целом в строящееся грузинское государство, сколько от того варианта решения этой проблемы, который был сформулирован этнонационализмом.

Согласно этнотерриториальной, или же политической, парадигме этнонационализма осетинская автономия, как и две другие автономии в Грузии – Абхазская и Аджарская – не имела права на существование и должна была быть упразднена независимо от любых политико-правовых обстоятельств, поскольку «в независимой и суверенной Грузии не должно быть никаких автономных эт-

¹ Нодия Г. Конфликт в Абхазии: Национальные проекты и политические обстоятельства // Грузины и абхазы: Путь к примирению / Под ред. Б. Коппитекса. – М., 1998. – С. 23.

нических образований».¹ Подобная категоричность, безусловно, провоцировала конфронтацию с автономиями, поскольку совершенно не учитывались сложившиеся на тот момент в регионе социально-политические реалии, а также коллективные права образующих эти автономии этнических групп.

Особенное недовольство автономий эти позиции вызывали в условиях широко развернувшегося в тот период «парада суверенитетов», когда этнотерриториальные образования в СССР в одностороннем порядке декларировали повышение своих политических статусов. На этом фоне из всех республик СССР Грузия оказалась единственной, открыто и официально высказавшей свое стремление ликвидировать автономии.² В дополнение к этому такие грузинские позиции вступали в явное противоречие и с международной практикой, когда «девятая часть мира имеет федеративное устройство и в двадцати одной федерации на планете проживает одна треть населения земного шара».³

Подобная жесткость в отношении проблемы автономий, на первый взгляд казалась совершенно иррациональной, поскольку провоцировала сопротивление меньшинств и этнические кризисы в республике, усложняя, таким образом, борьбу самого грузинского этноса за независимость. Однако, с точки зрения базовых принципов национально-государственного строительства такие позиции имели вполне рациональное объяснение. В этом плане этнотерриториальная парадигма грузинского национализма базировалась на полном отказе от федералистской структуры Грузинской ССР, демонтаже его национально-государственного устройства и стремлении создать **унитарное государство** с централизованным управлением, наделив при этом всеми властными функциями управления титульный этнос, при этом этнические меньшинства лишались возможности самоуправления на собственных территориях.

Формирование таких подходов в грузинском обществе в значительной степени было обусловлено актуализацией проблемы территории и границ в про-

¹ Анчабадзе Ю.Д. Грузия-Абхазия: трудный путь к согласию // Грузины и абхазы: Путь к примирению / Под ред. Б. Копитерса. – М., 1998. – С.109.

² См.: Васильева О. Грузия как модель посткоммунистической трансформации. – М., 1993. – С. 29.

³ Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования) / Под ред. Е.И. Степанова. – М., 1999. – С.231.

цессе грузинского нациестроительства. Согласно А.Смиту «этническая нация сначала должна очертить свои границы, и, если они не совпадают с областью расселения, то этническая нация начинает отрицать статус-кво».¹ Поэтому проблема территории и границ интерпретируется в Грузии в чисто этнических категориях – этнический контроль над территорией и определение этнических границ воссоздаваемого государства: «В Грузии нет негрузинской земли».² Согласно этнотерриториальной парадигме грузинского этнонационализма границы воссоздаваемого государства должны быть очерчены по максимально-предельной траектории, поэтому этнические границы этого государства должны быть совмещены с существующими административными границами ГССР. Поэтому «этническое грузинское сознание более или менее точно очерчено границами Советской Грузии», - пишет Гиа Нодиа.³

Этнический контроль над территорией со своей стороны объективно невозможен без полного политического контроля, в связи с чем в качестве важнейшей предпосылки его осуществления рассматривается унитарное построение государства. Поэтому существование в Грузии автономий вступало в противоречие с принципами формирования грузинского государства и в первую очередь основами его национально-государственного устройства. Следовательно, отрицание легитимности автономий проистекало от принципиальной невозможности их существования в составе новой Грузии вообще. В этом плане осетинская автономия как таковая ставила под серьезное сомнение возможность установления полного грузинского контроля над территорией Южной Осетии, а значит и этнических границ воссоздаваемого грузинского государства. Поэтому существование этой автономии вступало в слишком очевидное противоречие с грузинскими этническими целями.

Проблема осетинского этноса интерпретировалась в рамках другой, этнокультурной парадигмы этнонационализма, согласно которой только грузинский

¹ Smith A. The Ethnic origins of nations. – Oxford, 1986. – P. 140.

² Анчабадзе Ю.Д. Грузия-Абхазия: трудный путь к согласию // Грузины и абхазы: Путь к примирению / Под ред. Б. Коппитекса. – М., 1998. – С. 110.

³ Нодиа Г. Конфликт в Абхазии: Национальные проекты и политические обстоятельства // Грузины и абхазы: Путь к примирению / Под ред. Б. Коппитекса. – М., 1998. – С. 25.

этнос имел полное право на участие в национально-государственной консолидации, а осетинский этнос и все другие этнические меньшинства в Грузии из этого процесса исключались. По свидетельству достаточно авторитетного и уважаемого в Грузии академика Д.Л. Мухелишвили «создание единой национальной государственности является творчеством одного народа».¹

Проблема объективно заключалась в том, что этнические меньшинства не допускались к грузинскому нациестроительству, несмотря на их интегрированность в грузинское общество. И в этом плане создавалась парадоксальная ситуация в Грузии: даже в случае согласия осетин жить на «грузинской земле» и по грузинским законам у них здесь не могло быть родины. Их родина, определяемая в этническом грузинском сознании как «историческая», находилась на Северном Кавказе, и осетины в любом случае оставались в Грузии «чужаками». Согласно официально декларируемым идеям национального движения Грузии того периода осетин следовало изгонять из Грузии: «Некоторые осетины перенесли свои фамилии на грузинские и себя считают грузинами, многие уже не владеют осетинским языком, но не верьте им. Выгоняйте их голодными и раздетыми. Они к нам ничего не привезли и ничего не заберут».²

Подобное отношение к этническим меньшинствам фактически оставляло за бортом грузинского нациестроительства до 1/3 населения Грузинской ССР и «приводило к вынужденной эмиграции большого количества представителей негрузинских этносов».³ За сравнительно короткий промежуток времени (не более года) титульный этнос умудрился испортить отношения практически со всеми этническими меньшинствами по всей территории ГССР, вызвав их повсеместное недовольство. По мнению исследователей «курс на создание по эт-

¹ Мухелишвили Д.Л. Грузия – «Малая империя?!» // Грузия – Малая империя?! Библиотека Общества Руставели. – Тбилиси, 1990. – С. 18.

² Выступление Гамсахурдиа на митинге в г. Гори 28.11.1989 // Личный архив А.Г.Маргиева: Сборник документов и материалов. – Т. 1. – С.15.

³ Русецкий А. От этноцентризма к общенациональной идее. Факторы устойчивого развития полиэтнического общества. – Тбилиси, 2000. – С. 31.

ническому принципу «единой грузинской нации» усугубило межнациональные проблемы в Грузии в целом».¹

Феномен подобного отторжения этнических меньшинств титульным этносом объяснялся в действительности т.н. «принципом исключения», на котором базировалась этнокультурная парадигма этнонационализма. Принцип исключения, или же эксклюзивный принцип нациестроительства, опирался при этом на «право крови» и общность происхождения и был направлен на формирование чисто этнокультурных исключаяющих представлений о нации и государстве, т.е. дифференциализм.

Внешним проявлением и лейтмотивом формировавшейся в грузинском обществе этнокультурной парадигмы стал лозунг и массовый призыв национального движения Грузии «Грузия для грузин!». Подобного рода лозунги объективно были направлены против всех негрузинских этносов и, безусловно, содержали в себе достаточно высокую конфликтогенность. По мнению исследователей «консолидация грузинской этнической группы в единый этнонациональный организм на базе лозунгов «Грузия для грузин», «Уезжай домой, Ваня», «Вы - гости на этой земле» и призывы к негрузинским этносам не вмешиваться в общественно-политический процесс в стране привела к неустойчивому развитию общества и к внутренней конфронтации, развалу экономики, массовому насилию и агрессивности».²

Принцип исключения был призван подчеркнуть роль только своего этноса в процессе нациестроительства. Исключение других приводило к возведению своих в ранг исключительности, что способствовало формированию грузинского этноцентризма, призванного обосновать особую роль собственной нации, когда «идея национального превосходства над малыми народами после событий в Абхазии весной-летом 1989 года еще более укрепились в умах грузинской интеллигенции, части правящей элиты и значительного количества простых гру-

¹ Малышева Д.Б. Россия и государства Закавказья в поисках устойчивой стабильности // Ксенофобия на Юге России: сепаратизм, конфликты и пути их преодоления. – Вып.6. – М., 2003. – <http://www.ipk.rsu.ru>

² Русецкий А. От этноцентризма к общенациональной идее. Факторы устойчивого развития полиэтнического общества. – Тбилиси, 2000. – С. 31.

зин».¹ Такие процессы привели неизбежно к формированию ситуации, когда по мнению отечественных исследователей «порождаются крайне неблагоприятные синдромы – либо национальной уязвленности, либо былого величия и мнимого превосходства, своего рода трайбализм – приоритет этнических ценностей и интересов над общечеловеческими. На этом фоне откровенно пропагандируется этноцентризм, несовместимый с демократией и принципами гражданского общества».²

Подобные процессы привели в Грузии к тому, что по свидетельству Р.Сюни, «национализм со всеми своими прошлыми движениями достиг своих пределов в Грузии, а этнонационализм исключительного типа явно опасен, даже саморазрушителен, что продемонстрировал эпизод с Гамсахурдиа».³

Наибольшую конфликтность, однако, в грузино-осетинских отношениях вызывала аргументация этнонационализмом своих идейных установок. Она апеллировала к односторонним этническим интересам грузинского этноса и совершенно не оставляла шансов для согласия и примирения. Центральное место в этой аргументации занимала **История**, призванная обосновать правомерность грузинских позиций и требований.

Проблема в этом плане проистекала из попыток исторических интерпретаций современных юридических и политических реалий, а «поскольку прошлое не может быть отрегулировано»⁴ и объективность исторических выкладок всегда относительна в кризисные периоды, то такая аргументация далеко не способствовала разрешению возникших проблем и противоречий. Более того, зачастую противореча элементарному здравому смыслу, она привносила в межнациональные отношения дополнительный заряд групповых эмоций, так как «вновь привлекая внимание к истории, этнонационализм также возвращает ис-

¹ Жидков С. Бросок малой империи. – Майкоп, 1996. – С. 70.

² Кузнецов В.А., Чеченов И.М. История и национальное самосознание (проблемы современной историографии Северного Кавказа). – Владикавказ, 2000. – С. 102.

³ Сюни Р. Г. Живя с другими: конфликт и сотрудничество между кавказскими народами // Кавказские Региональные Исследования. – 1997. – Вып.1. – Т. 2. – С. 9.

⁴ Янс, М. Т. Теория и опыт регулирования этнонациональных конфликтов: их применимость к грузино-абхазскому конфликту // Грузины и Абхазы: путь к примирению / Под ред. Б.Коппитерса. – М., 1998. – С. 201.

торические обиды и травмы на авансцену политики и конфликта».¹ Поэтому, по мнению отечественных исследователей «современная параистория, реализующая идеи этнонационализма, несет в себе опасность раскачивания межнациональных отношений на полиэтнической почве Кавказа и нарушения устойчивости сложившихся этносоциальных систем».²

К примеру, «гостевой» статус осетинского этноса обосновывается с помощью тезиса о переселении. Согласно этому тезису «гостевой» статус осетин обусловлен «их пришлостью».³ Для доказательства этого этнонационализм использует огромное количество исторического материала, призванного обосновать факт осетинского переселения. Поскольку в обозримом прошлом не существует какой-либо фиксированной общеизвестной даты «осетинского переселения», то время переселения определяется у разных авторов по-разному и поэтому «соответственно и диапазон датировок этого процесса колеблется от III в. до н. э. до XVII в.».⁴

Однако, по признанию самих грузинских авторов дело обстояло таким образом, что острые дискуссии о времени переселения осетин были призваны лишь подчеркнуть сам факт переселения, имевший в этническом сознании определяющее значение. По свидетельству одного из наиболее популярных и почитаемых в грузинском обществе авторов по осетинской проблеме профессора А.Бакрадзе «осетины когда-то переселились на грузинскую землю, когда и как это не имеет никакого значения».⁵ Поэтому в реальности фактом переселения в прошлом этнонационализм пытается аргументировать гостевой статус осетинского этноса со всеми вытекающими отсюда политическими и демографическими последствиями.

¹ Янс, М. Т. Теория и опыт регулирования этнонациональных конфликтов: их применимость к грузино-абхазскому конфликту // Грузины и Абхазы: путь к примирению / Под ред. Б.Коппитерса. – М., 1998. – С. 201.

² Кузнецов В.А., Чеченов И.М. История и национальное самосознание (проблемы современной историографии Северного Кавказа). – Владикавказ, 2000. – С. 102.

³ Бердзенишвили Д., Сакварелидзе Ф. Особенности политического процесса в постсоветской Грузии // Центральная Азия и Кавказ. – 2001. – №6 – <http://www.ca-c.org>.

⁴ Гаглойти Ю.С. Проблемы этнической истории южных осетин. – Цхинвал, 1996. – С. 3.

⁵ Бакрадзе А. С декабря по декабрь // Мамули (на груз. яз.). – 1989. – декабрь.

Подобная аргументация не выдерживала критики в силу неясности вопроса о том, какая историческая дата может считаться допустимой и какой исторический период достаточным для признания укоренелости этноса на территории своего проживания.

Другой объект исторических интерпретаций этнонационализма – это осетинская автономия. Так, согласно версии другого популярного в тот период в Грузии автора по осетинскому вопросу доктора исторических наук Дж. Гвасалиа, автономии должны быть ликвидированы в обязательном порядке постольку, поскольку «в прошлом в Грузии никаких автономий не существовало, и в прошлом у южных осетин никакой государственности не было».¹ Подобная аргументация дает возможность вывести свой окончательный вердикт: «На исторической грузинской земле не может быть никаких государственных и полугосударственных образований».² Причины же появления все-таки автономии вопреки всем грузинским прогнозам, этническое грузинское сознание относит за счет не объективных, а довольно субъективного фактора – вмешательства «третьей силы – России». «Автономная область создана Россией искусственно в 1922 г. в качестве мины замедленного действия для давления на Грузию», – подчеркивалось в одном из наиболее популярных изданий национального движения газете «Сакартвело» – органе Народного Фронта Грузии.³

Подобная аргументация упразднения автономий вызывала недовольство в Южной Осетии и в других автономиях, возражавших о том, что отсутствие в составе Грузии в далеком прошлом национальных автономий совершенно не дает оснований их ликвидировать в настоящем. По мнению меньшинств этно-территориальные образования не обязательно должны иметь длительную предысторию и их образование в любой исторический промежуток может носить вполне правомерный и обоснованный характер.⁴ То же самое касается в прин-

¹ Гвасалиа Дж. К вопросу переселения осетин в Картли // Грузия – «Малая империя?!». Библиотека Общества Руставели. – Тбилиси, 1990. – С. 39.

² Там же. – С. 39.

³ Харадзе К. Всему отвести свое место // Сакартвело. – 1989. – 15 дек.

⁴ См.: Дзайнукова М.И. Проблема национального самоопределения южных осетин (1918-2002): Автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Владикавказ, 2002. – С. 18.

ципе и государств, которые то возникают, то исчезают в различные исторические периоды, чему примером могло стать само грузинское государство, распавшееся фактически уже в XIII веке и воссозданное в его тогдашних границах лишь в 1918 году и то просуществовавшее лишь три года.

Между тем историческая трактовка вполне отвечала грузинским этническим целям и позволяла легитимировать этнические требования упразднения в соответствии с субъективно осознаваемыми этническими интересами. В случае же признания объективно-исторического характера появления автономных образований грузинская сторона лишалась возможности их устранения, а историческая аргументация становилась абсурдной. Поэтому ликвидация автономий упрощенно приравнивалась к устранению вмешательства России во внутренние дела Грузии.¹

Однако конечной целью исторических интерпретаций этнонационализма являлась **территория**, поскольку «для этноса достаточно быть ассоциированным с территорией, а нация должна обладать компактной территорией и добиваться полного контроля над ней».² Поэтому исторические аргументы используются этнонационализмом для легитимации этнических территориальных прав, когда «национальные идеологии, ввязанные в этнический конфликт, подходят к истории с требованием доказать ПРАВА на спорные территории».³

Доказательство этих прав этнонационализм осуществляет по следующей схеме: осетины – в прошлом переселенцы-мигранты, а значит гости – некоренные, следовательно, они по статусу гостя не имеют прав на территорию своего проживания, которая принадлежит коренным – хозяевам, т.е. грузинам. Такой подход позволяет профессору, доктору исторических наук, также одному из видных специалистов по осетинской проблеме Нодару Ломоури формулировать права на территорию чисто риторически: «Чья она, грузинская земля?». Ответ

¹ См.: Нодиа Г. Конфликт в Абхазии: Национальные проекты и политические обстоятельства // Грузины и абхазы: Путь к примирению / Под ред. Б. Коппитерса. – М., 1998. – С. 24.

² Коротеева В.В. Энтони Смит: Историческая генеалогия современных наций // Политическая наука. 1999-1. Нация и национализм. – М., 1999. – С. 44.

³ Цуциев А.А. Осетино-ингушский конфликт (1992 -..): его предыстория и факторы развития. – М., 1998. – С.6.

на риторический вопрос предопределен: «Земля Шида Картли (Южная Осетия – И.С.) – исконно грузинская территория, древняя грузинская земля». ¹

По мнению А.Бакрадзе: «Имеют ли осетины право на эту землю? Осетины в прошлом беженцы на этой земле и теперь они не имеют прав на нашу землю. Земля принадлежит тем, кто на ней проживал испокон веков». ² Противопоставление грузинских и осетинских этнических прав на территорию Южной Осетии предопределяет невозможность законного проживания негрузинского этноса на своей территории.

Более того, если осетины «хотят жить на своей территории, то пусть выселяются на Север, где находится их реальная историческая родина». ³ Определение осетинской территории на Севере является дополнительным аргументом в пользу грузинских прав, поскольку позволяет автоматически идентифицировать грузинскую территорию на Юге и снять все осетинские к ней претензии. Граница в таком случае между двумя территориями по грузинской версии определяется легко и удобно: «Кавказ - естественная граница Грузии». ⁴

Историческая аргументация прав на территорию приводит неизбежно также к столкновению и противопоставлению истории и современности и при этом истории отдается предпочтение. По свидетельству Н.Ломоури «Каждое государство имеет свою исторически сложившуюся территорию и никакие ни морально-общественные, ни международно-правовые нормы не могут оправдать отторжение от этой территории ее части». ⁵

Таким образом, этнонационализм использует историю по политическим мотивам в угоду конъюнктурным этническим целям. По мнению исследователей «история подвергается манипулированию по политическим мотивам и, в частности, используется для легитимации этнических прав на территорию. При

¹ Ломоури Н. Чья она, грузинская земля? // Свободная Грузия. – 1991. – 29 мая.

² Бакрадзе А. С декабря по декабрь // Мамули (на груз. яз.). – 1989. – декабрь.

³ Там же // Мамули (на груз. яз.). – 1989. – декабрь.

⁴ Там же // Мамули (на груз. яз.). – 1989. – декабрь.

⁵ Ломоури Н. Земля Шида Картли неприкосновенна и неотделима от Грузии // Заря Востока. – 1991. – 22 янв.

этом историческая аргументация является мощным фактором воздействия на массовое этническое сознание».¹

Историческая аргументация прав на территорию имела и имеет до сих пор в грузино-осетинских отношениях наиболее конфликтогенный характер, поскольку лишает практически обе стороны какой-либо возможности договориться и фактически обрекает оба этноса на постоянную конфронтацию. Использование грузинской стороной исторических аргументов было обусловлено самой спецификой этнической концепции нациестроительства, когда этнонационализм «на место юридических реалий ставит более мощные аргументы – «естественные права» этого этноса; отсюда апелляция к древним связям, которые кажутся столь же органическими, как и сама природа».²

При этом обращение этнонационализма к таким «мощным аргументам» имело и вполне прагматическое обоснование: использование истории также объяснялось и тем, что аргументировать этнические и политические притязания с точки зрения существующих реалий никак не представлялось возможным. Осетинская автономия реально существовала на данный момент и имела подавляющее большинство осетинского населения, а вот в прошлом ее действительно не было. Поэтому современность объективно вступала в противоречие с грузинскими этническими целями, а история вполне им благоприятствовала.

В Абхазии, к примеру, имевшей древнюю государственность, апелляции к истории были бессмысленны и грузинская сторона, обладавшая здесь демографическим преимуществом, обращалась в своей аргументации к международному праву, хотя и здесь достаточно были распространены различные теории о «пришлости абхазов» с Северного Кавказа.³

Повышенную конфликтность национализм вызывал дополнительно в силу своей высокой психоэмоциональной загруженности, проявлявшейся в небывалом для того периода всплеске массовых эмоций в Грузии, фиксировавшемся

¹ Тархан-Моурави Г. Грузино-абхазский конфликт в региональном контексте // Грузины и абхазы: Путь к примирению / Под ред. Б. Коппитерса. – М., 1998. – С. 127.

² Smith A. The Ethnic origins of nations. – Oxford, 1986. – P. 140.

³ См.: Нодия Г. Конфликт в Абхазии: Национальные проекты и политические обстоятельства // Грузины и абхазы: Путь к примирению / Под ред. Б. Коппитерса. – М., 1998. – С. 49.

грузинскими экспертами уже в начале 1989 года: «Кипение национальных страстей стало фактом общественного сознания».¹ Рост коллективного национального чувства усиливал и иррационализм подходов к решению межэтнических проблем, когда «никакие экономические и военно-стратегические, контраргументы не брались в расчет».²

Под воздействием национализма и его лозунгов грузино-осетинские отношения, отличавшиеся относительной стабильностью в прежние годы, вступили в полосу глубокого кризиса и депрессии. Резкое обострение межэтнических отношений при этом произошло не только в самой Южной Осетии, но и в т.н. «внутренних районах» Грузии и в самой столице республики – городе Тбилиси, где в количестве около 100 тысяч человек проживала осетинская диаспора, весьма далекая первоначально от политических проблем Южной Осетии и Грузии. Она первой подверглась натиску антиосетинских репрессий, когда «в отношении национальных меньшинств распространяются необоснованные обвинения, прямые угрозы, массовые противоправные действия (погромы, грабежи, изгнания и др.)».³ Сотни и тысячи людей осетинского происхождения, родившиеся в Грузии и успевшие интегрироваться в грузинское общество, в одночасье оказались в социальной изоляции. Потеря жизненной ориентации, отчуждение, разочарование и страх за будущее сделали жизнь этих людей в Грузии невыносимой.

Преследование по этническому признаку привело к массовому исходу и переселению ни в чем не повинных людей с мест своего исконного проживания на территорию Южной Осетии и Российскую Федерацию. Это оказалось возможным в силу того, что в грузинском обществе стал на практике реализовываться принцип этнонационализма «Грузия для грузин», фактически означавший установку на массовое выселение осетин, как из автономной области, так и внутренних районов Грузии на Северный Кавказ.

¹ Нодия Г. Нация и Демократия // Литературная Грузия. – 1989. – №2. – С. 150.

² Гачечиладзе Р.Г. Правда о грузинской зиме // Социс. – 1992. – №8. – С. 6.

³ Аствацатурова М.А. Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление (Северо-Кавказский регион). – Ростов-на-Дону – Пятигорск, 2002. – С.259.

Фактор этнонационализма оказал дестабилизирующее воздействие не только на грузино-осетинские, но и на общее состояние межэтнических отношений в Грузии. Этнонационализм, основанный на «праве крови», затруднял практическую интеграцию этнических меньшинств в грузинское общество. Принцип исключения означал для них невозможность дальнейшего проживания в Грузии, поскольку независимо от своей политической ориентации представители меньшинств оказывались лишними людьми. И даже в случае выражения своей политической лояльности титульному этносу, они не могли рассчитывать на статус полноправных грузинских граждан, т.е. обрести в Грузии заново свою родину. Поэтому этнонационализм приводил вместо интеграции этнических меньшинств к их дезинтеграции и дистанцированию от грузинского общества и государства.

Особенное непонимание и откровенную тревогу меньшинств вызывали призывы к искусственному ограничению рождаемости у меньшинств, которые однозначно воспринимались ими как проявления геноцида, расизма и фашизма. Подобная идеология имела неизбежным результатом «этнические чистки в виде морального насилия в Грузии».¹ На практике это привело к тому, что за сравнительно короткий срок около 1/3 населения Грузинской ССР совершенно неожиданно для себя оказались в условиях противостояния по отношению к титульному этносу и ощутили несправедливость своего положения. Этим объяснялись межэтнические столкновения грузин с абхазами, азербайджанцами, лезгинами в Кахетии, армянами в южной Грузии, греками в Цалке и практически всеми этническими меньшинствами. Летом 1989 года Грузию покинули русские духоборы (религиозное меньшинство), поселившиеся в Грузии в XIX веке, «несколько деревень которых, благодаря их трудолюбию и эффективной организации труда, давало больше мясо-молочной продукции, чем весь субрегион».² Большое количество русских и русскоязычных граждан стало покидать

¹ Тощенко Ж.Т. Этнократия: История и современность. Социологические очерки. – М., 2003. – С.122.

² Русецкий А. От этноцентризма к общенациональной идее. Факторы устойчивого развития полиэтнического общества. – Тбилиси, 2000. – С. 11.

Грузию, в том числе ее столицу Тбилиси, убедившись в бесперспективности своего дальнейшего там проживания.

Подобные процессы неизбежно сопровождались повышением общего уровня конфликтности и противостояния в грузинском обществе, что объективно закладывало основы будущих межэтнических кризисов и конфликтов. По свидетельству исследователей «грузинская национальная доктрина вела к эскалации межэтнических конфликтов и действовала против основ государственной и общественной безопасности, ставя под сомнение существование единого грузинского государства и защиту прав меньшинств, не учитывая специфические особенности многосоставного грузинского общества».¹ Поэтому «выход на арену национализма, т.е. идеи национального государства как универсальной модели государственного строительства являлся коренной причиной конфликтов в Грузии».²

Таким образом, анализ идейных основ грузино-осетинского противостояния приводит к выводу о том, что конфликтная ситуация в грузино-осетинских отношениях конца 1980-х гг. сложилась в значительной степени под мощным влиянием **этнонационализма** в Грузии, базировавшегося на принципе т.н. «права крови» и представленного в виде идеи унитарного моноэтнического государства как основной концепции грузинского нациестроительства.

¹ Русецкий А. От этноцентризма к общенациональной идее. Факторы устойчивого развития полиэтнического общества. – Тбилиси, 2000. – С. 34.

² Нодиа Г. Конфликт в Абхазии: Национальные проекты и политические обстоятельства // Грузины и абхазы: Путь к примирению / Под ред. Б. Коппитерса. – М., 1998. – С. 38.

1.4. Грузино-осетинский конфликт как конфликт идентичностей

Анализ этнонационализма как ведущей идейной основы столкновения грузинских и осетинских позиций и рассмотренный в предыдущих параграфах, в значительной степени предопределяет рассмотрение грузино-осетинского противостояния как конфликта двух идентичностей. По мнению И.О.Бабкина в этническом конфликте «всегда немалую роль играет групповая идентичность, что обуславливает функционирование такого конфликта как конфликта идентичностей».¹ При этом под конфликтом идентичностей мы будем понимать, прежде всего, конфликт ценностей, поскольку «в последние годы вместо ценностей в качестве основания конфликта часто рассматривается идентичность, но смысл остается по существу прежним: направлены ли устремления участников конфликта на достижение чего-либо вполне осязаемого, конкретного, «земного» либо их мотивы могут иметь надличностный, культурно-исторический характер».²

При анализе причин этнических конфликтов очень важно различать конфликты интересов и конфликты ценностей, поскольку «различение этих двух типов конфликтов необходимо, так как позволяет обнаружить и объяснить различия в механизмах мотивации участия в конфликте элиты и народных масс».³ При этом, если конфликты интересов «коренятся в объективных противоречиях потребностей и интересов различных этнических групп»,⁴ то конфликты ценностей происходят от «обобщенных представлений людей относительно целей и норм своего поведения».⁵

По мнению исследователей «в конкретном социальном конфликте всегда присутствуют и интересы, и ценности как мотивы деятельности, но их соотношение различно, что и дает возможность идентифицировать тот или

¹ Бабкин И.О. Феномен этнического сепаратизма: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. – Ставрополь, 2001. – С. 14.

² Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. – Ставрополь, 2001. – С. 63.

³ Там же. – С. 152.

⁴ Там же. – С. 150.

⁵ Дмитриев А.В. Конфликтология. – М., 2002. – С. 85.

иной конфликт как конфликт интересов или ценностей».¹ В этническом конфликте на наш взгляд можно говорить о весьма существенной роли, а возможно и частом преобладании ценностных систем в конфликтной мотивации этнических групп. Это в значительной степени обусловлено тем, что в феномене этничности и нации «особую конституирующую роль играют историко-культурные факторы»,² поэтому «можно сказать, что межнациональные конфликты – это чаще всего *конфликты культур* как результат различного понимания, различного отношения к жизненным реалиям, их толкования».³

Несомненно, такая важная роль ценностей и идентичностей в конфликтном восприятии обусловлена тем, что «идентичность – это одна из основных социальных потребностей человека, главным условием которой является осознание себя единым, целым, входящим в конкретную социальную общность, индивидом».⁴

Определенная «конфликтность» идентичности обусловлена в значительной степени ее уязвимостью, поскольку «случаются ситуации, когда группа ощущает угрозу своей безопасности и реагирует на такую ситуацию как угрозу именно своей групповой идентичности, что побуждает членов группы к действиям, которые для стороннего наблюдателя представляются неадекватными угрозе».⁵ Однако на наш взгляд основная конфликтность идентичности происходит от её чисто субъективного характера, формирующегося в процессе самоидентификации, предполагающей противопоставление «мы-они».

Определение этнонациональной идентичности происходит в результате этнической самоидентификации и осознания на социально-психологическом

¹ Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. – Ставрополь, 2001. – С. 66.

² Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования) / Под. ред. Е.И.Степанова. – М., 1999. – С. 224.

³ Там же. – С. 224.

⁴ Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования) / Под. ред. Е.И.Степанова. – М., 1999. – С. 281.

⁵ Бабкин И.О. Феномен этнического сепаратизма: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Ставрополь, 2001. – С. 15.

уровне отличительных этнических и политических характеристик своей общности, осуществляющихся в процессе ответов на вопросы «кто мы?» и «что есть наша страна?». Осознание себя при этом как некоей особой группы «мы» осуществляется через противопоставление другой группе «они», формируя, таким образом, антитезу «мы - они». В социально-психологическом плане бинарная оппозиция «мы - они» имеет конечной целью формирование положительного автостереотипа и отрицательного гетеростереотипа. В силу этой особенности «свой» этнос наделяется максимально положительными характеристиками, а «чужой» - максимально отрицательными.

В условиях стабильности противопоставление «мы - они» осуществляется на базе взаимного признания различий – комплементарности – и тогда осуществляется мирное сосуществование этнических общностей.

Но в кризисные периоды (в данном случае развал СССР) это противопоставление может принять форму акцентирования взаимных различий – дихотомизации, и тогда развитие этнического сознания может пойти по пути собственной абсолютизации и этноцентризма, что создает предпосылки для обострения межэтнических отношений и возникновения конфликтов.

Оппозиция «мы - они» в таких случаях эволюционирует по формуле «свои - чужие» и межэтнические отношения строятся по принципу «свой к своему за своим»,¹ что предопределяет всеобщий бойкот «чужих» и формирование образа врага. Так формируются основы конфликтного восприятия этносами друг друга: «дихотомия «свои-чужие» как основа политических оценок имеет ярко выраженный конфронтационный характер и ориентирована на деструктивные формы разрешения конфликтов».²

В дополнение к этому процессы осознания своей этнонациональной идентичности на групповом уровне сопровождаются значительным присутствием также групповых эмоций и иррационального поведения,

¹ См.: Яновский М. Нация, эмоции, пограничье в работах Юзефа Хлебовчика // Политическая наука. 1999-1. Нация и национализм. – М., 1999. – С. 126.

² Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования) / Под. ред. Е.И.Степанова. – М., 1999. – С. 284.

способствующих усилению конфликтного восприятия между этническими группами. Согласно В.А.Авксентьеву «Этническая самоидентификация – это аскриптивный тип социальной идентификации, что повышает эмоциональную насыщенность этнического конфликта. Поэтому в этнических конфликтах люди часто действуют вопреки логике и здравому смыслу (иррациональный компонент конфликта)».¹

Существенным моментом, позволяющим рассматривать грузино-осетинский конфликт как конфликт идентичностей, на наш взгляд, является сохраняющаяся уже более десяти лет его неразрешенность. Так, по мнению исследователей, конфликты интересов в принципе разрешимы «прежде всего потому, что объекты этих конфликтов, как правило, делимы либо могут использоваться совместно».² Что же касается конфликта ценностей, то здесь большинство исследователей по этой проблеме «либо в конечном итоге переходит к обсуждению того, что можно определить не более чем *урегулирование* конфликтов (возникло немалое количество самостоятельных терминов для того, чтобы зафиксировать различные нюансы в степени достигнутого успеха в этом направлении), либо появляются явные нотки утопичности».³

Подобная картина с проблемой исхода конфликтов ценностей объясняется, прежде всего, тем, что практически невозможно представить себе ситуацию раздела или же совместного использования уже сложившихся в процессе весьма длительного этнокультурного развития ценностей или идентичностей. Поэтому в случае конфликтов ценностей или идентичностей оптимальным выходом из конфликтов «может быть, прежде всего, *урегулирование* конфликта, которое в принципе можно рассматривать как *неполное разрешение* конфликта, т.е. достижение согласия по взаимодействию вокруг объектов и предметов конфликта».⁴

¹ Авксентьев В.А. Этнические конфликты: история и типология // Социс. – 1996. – №12. – С.44.

² Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. – Ставрополь, 2001. – С. 70.

³ Там же. – С. 70.

⁴ Там же. – С. 72.

Такое *неполное разрешение*, на наш взгляд, определяет ситуацию вокруг современного состояния грузино-осетинского противостояния: стороны в 1996 году достигли соглашения о неиспользовании вооруженных акций и насилия во взаимоотношениях друг с другом и по сегодняшний день находятся в состоянии непрекращающегося с момента начала конфликта спора, или же «взаимодействия вокруг объектов и предметов конфликта» - статуса Южной Осетии, проблемы южных осетин, проблемы территории и границ и т.д.

Следует признать, что подобная картина грузино-осетинского урегулирования в преобладающей степени обусловлена, на наш взгляд, сохраняющимся сильным «доминированием этнонационального дискурса в политическом сознании и высоким уровнем мобилизации вокруг этнонациональных лозунгов».¹ Именно поэтому «даже если дипломаты и посредники найдут план урегулирования, который покажется более или менее приемлемым для политических лидеров, очень маловероятно, что последние возьмут на себя политический риск, который необходим для принятия и выполнения непопулярного решения».²

Этот тезис подтверждается также и данными социологических исследований. Так материалы социологических опросов, как в Грузии, так и в Южной Осетии, проведенные в постконфликтный период, показывают достаточно высокий процент респондентов – 43% в Грузии³ и 59,4% в Южной Осетии,⁴ ставящих на передний план не разрешение или же урегулирование грузино-осетинского конфликта в том или ином варианте, а решение в первую очередь этнонациональных задач. Поэтому подавляющее большинство опрошенных респондентов, к примеру, в Южной Осетии, – до 82,4% - высказывают мнение о том, что разрешение грузино-осетинского конфликта

¹ Южный Кавказ – нестабильный регион «замороженных» конфликтов: Материалы международной конференции по Кавказу. Берлин. 26-27 ноября 2001г. – Тбилиси, 2002. – С. 89.

² Там же. – С.90.

³ См.: Арутюнян Ю.В. Грузия: перемены в общественном сознании // Социс. – 1995. – №12. – С. 75.

⁴ См.: Кобахидзе Е.И., Павловец Г.Г. Общественно-политическая ситуация в Республике Южная Осетия // Работы Центра социологических исследований. – Владикавказ, 1999. – №10. – С. 84.

собственными силами сторон практически невозможно.¹ Следовательно, именно противоречия ценностных систем в случае грузино-осетинского конфликта обусловили возникновение ситуации, когда «относительно благополучное сообщество бывшей Юго-Осетинской автономной республики оказалось в глубоком конфликте».²

Грузино-осетинский конфликт на уровне ценностных систем этносов, или же этнических идентичностей, сложился в результате столкновения двух базовых этнических идентификаций-ответов на вопрос «Что есть Южная Осетия и южные осетины?» - грузинской и осетинской. По аналогии с грузино-абхазским столкновением, где «стороны имели радикально отличные ответы на вопрос «Что есть Абхазия?»: для грузин ответ был «Абхазия – это Грузия, это точно такая же неотъемлемая часть Грузии, как любая другая её историческая провинция: Кахетия, Имеретия, Мегрелия и т.д., для абхазов же – «Абхазия – это Абхазия», а также «Абхазия – это Россия», т.е. в знаменателе было – «Абхазия – не Грузия»³, грузинская и осетинская версии ответов на этот вопрос кардинально различались. Согласно грузинской версии: «Южная Осетия это никакая не Осетия, а самая что ни на есть исконная Центральная Грузия».⁴ Для осетин же «Южная Осетия – это собственно Южная Осетия».⁵ И в этом плане конфликт в Южной Осетии был также неизбежен,⁶ как «неминуем был и конфликт в Абхазии, поскольку это был фундаментальный конфликт между представлениями подавляющегося большинства грузин и абхазов (в данном случае осетин-И.С.) и здесь очень трудно было достичь компромисса».⁷ Следовательно, именно это противоречие, как и в грузино-абхазском

¹ См.: Харебов Б.К. Южная Осетия: грузино-осетинские отношения в зеркале общественного мнения // Бюллетень Центра социальных и гуманитарных исследований Владикавказского института управления. – 1999. – №3. – С.55.

² Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). – М., 2001. – С.36.

³ Нодиа Г. Конфликт в Абхазии: Национальные проекты и политические обстоятельства // Грузины и Абхазы: путь к примирению / Под ред. Б.Коппитерса. – М., 1998. – С. 34.

⁴ Осетинский вопрос. – Тбилиси, 1994. – С. 267.

⁵ Гаглойти Ю.С. Южная Осетия (К истории названия). – Цхинвал, 1993. – С. 3.

⁶ См.: Осетинский вопрос. – Тбилиси, 1994. – С. 267.

⁷ Нодиа Г. Конфликт в Абхазии: Национальные проекты и политические обстоятельства // Грузины и абхазы: Путь к примирению / Под ред. Б. Коппитерса. – М., 1998. – С. 34.

противостоянии,¹ следует признать в качестве основы грузино-осетинского конфликта, или же главного «противоречия, фазой которого является конфликт».²

Подобная разность в подходах, составившая основу грузино-осетинского конфликта, свидетельствовала на наш взгляд о столкновении двух отличных друг от друга и разнонаправленных идентичностей – осетинской и грузинской, а точнее – их нескольких принципиально различающихся качественных характеристик: этностатусных представлений и политических ориентаций.

Характерной чертой этностатусных представлений сторон, как и для их политических ориентаций, было **сохранение** прежних представлений для осетинской стороны и определённая их **трансформация** для грузинской. При этом очень важно подчеркнуть роль таких представлений в конфликтном восприятии этносами друг друга, обусловленную их местом в общей системе взглядов и идей этносов. По мнению исследователей «этностатусные представления приводят к повышению конфликтного потенциала группы»³ когда «в переломные моменты общественного развития, в его «минуты роковые» представления об этностатусной системе активно «выталкиваются» на более высокий уровень сознания и формируются в определённую идеологию».⁴

Осетинские этностатусные представления фокусировались вокруг образованной в апреле 1922 года этнотерриториальной автономии как «способе обеспечения прав этнического сообщества».⁵ Основная суть подобных представлений была сформулирована и выражена представительными органами Южной Осетии ещё в тот период: «Так как географически Юго-Осетия

¹ См.: Нодия Г. Конфликт в Абхазии: Национальные проекты и политические обстоятельства // Грузины и абхазы: Путь к примирению / Под ред. Б. Коппитерса. – М., 1998. – С. 34.

² Авксентьев В.А. Проблема исхода этнических конфликтов: современные воззрения // Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества: Сборник научных статей. – М. – Ставрополь, 2002. – С. 6.

³ Савва М.В. Этнический статус в идеологии и политике // Полис. – 1999. – №4. – С. 141-145.

⁴ Савва М.В. Этнический статус (конфликтологический анализ социального феномена). – Краснодар, 1997. – С. 112.

⁵ Аствацатурова М.А. Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление (Северо-Кавказский регион). – Ростов-на-Дону – Пятигорск, 2002. – С.263.

составляет одно сплошное целое в пределах своих границ, население её этнографически однородно с особым национально-бытовым укладом жизни, и хозяйственный быт её обладает особыми чертами, а степень классового расслоения и самосознания трудовых масс настолько высока, что обеспечивает республике нормальное развитие ее культурно-экономических сил — необходимо образовать из нее Советскую социалистическую республику».¹

Особенностью осетинских этностатусных представлений и образованной осетинской автономии являлось то обстоятельство, что они были реализованы на основе официального признания стремления южных осетин к самоуправлению на высшем государственном уровне в Москве. Поэтому факт образования Югоосетинской автономной области выступает в определяющей степени как результат пророссийской ориентации и российско-осетинского договора и согласия в противовес грузино-осетинскому противостоянию в этой сфере.

Необходимо при этом также подчеркнуть роль и значение образования автономии южных осетин, когда «создание автономии способствовало поднятию национального самосознания осетинского этноса, дало определенный опыт государственного строительства, создавало условия для формирования национальных кадров, а также (и это было для этноса самым важным) давало импульс для развития этнической культуры».²

Грузинские этностатусные представления в кризисный период характеризовались формированием и возрождением определенного рода идей об образцах и конечной модели грузинского национального государства, что, в конечном счете, означало формирование в грузинском сознании собственной концепции государствообразования.

Формирование подобных идей и представлений в грузинском этническом сознании имело свои ярко выраженные черты и особенности.

¹ Краткая объяснительная записка к постановлению Ревкома и парткома Южной Осетии от 6-8 сентября 1921 года // Осетинский вопрос. — Тбилиси, 1994. — С. 298.

² Ледович Т.С. Социально-философский анализ проблем разделенных народов: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. — Ставрополь, 1999. — С. 17.

В историческом плане, в процессе обретения независимости и воссоздания национального государства этническое самосознание обращается к самому ближайшему опыту существования независимой государственности – Грузинской Демократической Республике периода 1918-1921 годов. Этот образ формулируется и преподносится в качестве образца для подражания и исполнения почти в буквальном смысле, включая Конституцию и всю государственную атрибутику.

В идейном плане грузинское сознание реанимирует и воссоздает идеологическую систему этой государственности – идеологию грузинского этнонационализма, призванную обосновать и аргументировать легитимность вновь создаваемого государства, подчеркнуть его преемственность и неразрывность с государственностью того периода, несмотря на семидесятилетний советский период вынужденной утраты государственности. По оценкам грузинских исследователей «полная политизация грузинского национализма произошла в тот период, когда исторические обстоятельства – сначала распад Российской империи в результате большевистского переворота 1917 года, а затем провал идеи Закавказской федерации в 1918 году – подтолкнули страну к провозглашению полной независимости. Парадигма грузинского политического национализма сформировалась именно в это время. Национально-освободительное движение периода перестройки восстановило эту парадигму почти без изменений. Пройдя через период полной независимости в 1918-1921 гг. (прерванный вооруженным вторжением уже коммунистической России), политические амбиции грузин уже не могли удовлетвориться чем-либо меньшим».¹

Однако в более широком плане грузинские этностатусные представления содержат более глубокие апелляции, свидетельствующие об основных источниках их формирования в грузинском обществе.

¹ Нодия Г. Конфликт в Абхазии: Национальные проекты и политические обстоятельства // Грузины и Абхазы: путь к примирению / Под ред. Б.Коппитекса. – М., 1998. – С. 23.

Основным здесь выступало обращение к раннему прошлому грузинской нации. Именно здесь этническое сознание пытается обнаружить, найти и использовать главные модели и образцы для воссоздания национального государства.

Особенностью этого процесса выступало то, что этническое самосознание вытаскивает из глубины веков исключительно положительный материал. Образы прошлого преувеличенно идеализируются и идеологизируются. В этом плане характерно стремление создать в массовом общественном сознании образ «идеального отечества», «Великой Грузии» как определенной цели, этнического стереотипа, который, естественно, не связан напрямую с решением практических задач и нагружен высокой эмоциональностью.

Основные параметры, идеализирующие образ прошлого идеального отечества это – древность, могущество, границы, этнокультурная идентичность и отсутствие деления – унитаризм. Так, согласно грузинской точке зрения, «Грузия – это страна, государственное устройство которой насчитывает тысячелетия, или двадцать пять веков».¹ По сравнению с историей государственности окружающих грузин народов (русских, осетин, абхазов – IX X вв.) «у грузин государственность образовалась гораздо раньше».² Более раннее происхождение государства этническое самосознание использует как аргумент в пользу «больших (естественных) прав» грузин на независимую государственность.

С другой стороны – это могущество древнего грузинского государства. Хотя история знает периоды как расцвета, так и упадка древних и средневековых государств, в том числе и Грузии, однако, грузинское этническое сознание обращается лишь ко временам наибольшего расцвета и развития своей государственности. Поэтому особое внимание грузинская пресса и историки сосредотачивают на времени правления грузинских

¹ Мусхелишвили Д.Л. Грузия – «малая империя»? // Грузия – «малая империя»? Библиотека Общества Руставели. – Тбилиси, 1990. – С.3.

² Там же. – С. 3.

правителей – Давида Строителя и царицы Тамары. Успехи внутренней и внешней политики государства того периода выдаются за окончательные и перманентные, исконно присущие грузинскому духу. При этом общественное мнение сознательно игнорирует периоды упадка и прямого развала грузинской государственности, имевшие место в разное время, так же как и непродолжительность периода существования единого грузинского государства (XI-XIII вв.).¹

Особое внимание обращается на границы и территориальную идентичность грузинского государства в периоды его наивысшего развития, делая акцент на проблеме «спорных» к настоящему моменту автономных территорий. Обнаруженный в прошлом материал о периодах наибольшего распространения границ или влияния Грузии на эти территории, также искажается в угоду этническим целям: «Грузинское государство (которое в исторических источниках известно как «Грузинское царство», или же «Вся Грузия») образовалось в III веке до н. э. и занимало всю территорию современной Грузии плюс земли (немногим менее половины нынешней территории Грузии), которые находятся в составе Турции, Армении, и Азербайджана. Поэтому протекавшие на этой территории все политико-культурные процессы должны быть рассматриваемы как проходившие в Грузии, а не в ином географическом ареале».²

Хотя образовавшееся грузинское царство и было значительно меньше теперешних своих размеров, а государства древности постоянно то увеличивались, то уменьшались, фиксирование наибольшей территории как наиболее вероятной своей границы – это ничего более, как стремление этнического сознания создать «идеальное отечество» по линии максимальных границ, в данном случае, административных границ Грузинской ССР.

¹ См.: Мухелишвили Д.Л. Грузия – «малая империя»? // Грузия – «малая империя»? Библиотека Общества Руставели. – Тбилиси, 1990. – С. 3.

² Из истории взаимоотношений грузинского и осетинского народов (Заключение Комиссии по изучению статуса Югоосетинской области). – Тбилиси, 1991. – С. 5.

Этническое сознание при этом стремится подчеркнуть этнокультурную идентичность «идеального отечества». Оно - чисто грузинское. Население «идеального грузинского отечества» – этнические предки современных грузин - колхи и иберы- носители древнейшей грузинской этнической культуры. Официальным языком такого отечества является «язык Шота Руставели», а официальной религией – «грузинское христианство».¹ При этом в массовом сознании активно насаждается миф о Грузии как единственном оплоте христианства в мусульманском окружении.

Таким образом, история помогает обнаружить и выявить основные характеристики элементов, на базе которых можно было бы конструировать новую идентичность – религии, языка, культуры и государственности.

Конструкция «идеального отечества» прошлого проецируется на будущее не сразу, не автоматически, а через сравнение с другим образом – образом «современного отечества». Отождествление мифологизированного и в значительной степени идеологизированного образа «идеального отечества - древняя Великая Грузия» с другим этническим стереотипом – «современным отечеством - Грузинской ССР» создает в этническом самосознании безрадостную картину на основе заниженной самооценки и формирует комплекс ущемленного национального чувства. Основные признаки такой картины пронизаны негативизмом, а образы настоящего окрашены в черно-белые тона. Поэтому если «идеальное отечество» - это исключительно положительный образ, то «современное отечество» - это образ преимущественно отрицательный.

Так, положение «современного отечества» этническое сознание характеризует как катастрофическое. Для Грузинской ССР характерны такие признаки, как «деградация» и «культурный застой». По оценкам грузинских СМИ и авторитетных ученых национальный язык деградирует, а «грузинское христианство» забыто. Наибольшую тревогу вызывает демографическая

¹ Мусхелишвили Д.Л. Грузия – «малая империя»? // Грузия – «малая империя»? Библиотека Общества Руставели. – Тбилиси, 1990. – С. 10.

картина в республике. «Создалась опасность того, что коренное население в своей собственной республике, стране великой истории и славного прошлого, окажется в меньшинстве. Нет нужды скрывать, что прирост грузин весьма мал в республике, а прирост представителей других народов идет ускоренными темпами», – подчеркивали грузинские СМИ.¹

Экономическое состояние Грузинской ССР также крайне неблагоприятное. Этническое сознание, пренебрегая фактом достаточно высокого жизненного уровня Грузии в СССР, старается опираться на мировые показатели и заключает, что в Грузии он значительно ниже по сравнению с мировым. Общий итог грузинской картины мира довольно негативен и безрадостен: «Денационализация на собственной родине – может ли нация пасть ниже?». ²

Сравнение образов двух отечеств, прошлого и современного, актуализирует в этническом сознании фактор обид. Так, причина диссонанса «идеального» прошлого с «безрадостным» настоящим этническое самосознание усматривает в ряде чисто внешних факторов, определяемых как исторические обиды. «Грузин – понятие не просто национальное, но в определенной мере это и наказание, о чем свидетельствует вся наша история». ³

Один из центральных тезисов этих «обид» следующий: «Грузия – одна из самых многострадальных стран мира, страна – мученик...». ⁴ «Страдания» Грузии обусловлены тем, что на протяжении длительного исторического периода она подвергалась неоднократным кровавым и разрушительным завоеваниям разных иноземных завоевателей. «С незапамятных времен мы окружены врагами и понять нас некому». ⁵ Эти эмоции дополнительно были подогреты событиями 9 апреля 1989 года, имевшими трагические последствия. Они формировали в грузинском массовом сознании т. н. «синдром 9 апреля» – обиду и страх того, что очередная попытка этноса обрести независимость и

¹ Кванчиашивили Т. Что нас ждет потом // Литератури Сакартвело. – 1988. – 30 сент.

² Стура Д. Когда скрещиваются история и современность // Свободная Грузия. – 1991. – 4 окт.

³ Гамсахурдия З. Быть или не быть Грузии // Литератури Сакартвело. – 1990. – 8 июня.

⁴ Хоштария-Броссе Э. Документы свидетельствуют // Вестник Грузии. – 1991. – 26 марта.

⁵ Гамсахурдия З. Быть или не быть Грузии // Литератури Сакартвело. – 1990. – 8 июня.

возродить национальное государство могут опять в очередной раз окончиться неудачей: «В опасности завтрашний день всей Грузии!».¹ В силу этого разгон демонстрации был воспринят в грузинском обществе как национальная трагедия.

Поэтому образ «современного отечества» трактуется как страна, насильственно лишенная своей независимой государственности. При этом как следствие потери государственности рассматривается и федералистская структура ГССР, и существование на ее территории автономий, которые не являлись никогда в прошлом элементом национальной государственности. Поэтому нынешний федерализм ГССР - это всего лишь одна из исторических обид – причин «денационализации грузин на собственной территории».

Сравнение двух образов отечества, положительного и отрицательного, предопределяет в этническом сознании фактический выбор модели и образца для будущего отечества. Его строительство этническое сознание допускает лишь **по линии границ**, но ни в коем случае по **образцу** ГССР! Следовательно, оно должно быть воссоздано по образцу прошлого – «Великой Грузии». Поэтому образ «идеального отечества» прошлого проецируется на вновь создаваемую конструкцию «нового отечества», которая вбирает в себя его основные черты и характеристики.

Во-первых, будущее национальное государство должно быть унитарным, т.е. без автономных образований, так как «в Грузии никогда не существовало автономий».

Во-вторых, границы вновь создаваемого государства должны совпадать как минимум с административными границами ГССР, поскольку «идеальное отечество» прошлого занимало «всю территорию современной Грузии» и поэтому «идея «нашей земли» в грузинском сознании четко очерчена границами Советской Грузии.

Апелляция к естественным правам – дополнительный аргумент в определении границ «нового отечества»: «Кавказ– естественная граница

¹ Гамсахурдиа З. Быть или не быть Грузии // Литератури Сакартвело. – 1990. – 8 июня.

Грузии».¹ Это положение означает, что «спорные» территории автономий «должны» также войти в состав независимой Грузии, так как в прошлом все они «являлись» территорией грузинского государства.

В-третьих, официальным языком нового государства становится грузинский: «На всей территории Грузии официальным языком должен быть грузинский».² Это означает, что этнические меньшинства в полиэтнической Грузии должны признать грузинский язык в качестве единственного государственного, а также языка межнационального общения, в противном случае они могут столкнуться с перспективой «выселения из Грузии». Согласно заявлению грузинских «специалистов» по осетинской проблеме «если осетинский этнос уже не устраивает гарантированный нами комплекс национальной родины на нашей земле, и он считает невозможным и впредь жить в мире и дружбе с народом, с которым, кстати, не стесняются дружить и сотрудничать многие цивилизованные народы мира, так доброго им пути на свою национальную родину, которая, должно быть, давно скучает по ним».³

В результате, грузинское этническое сознание наделяет образ «нового отечества» максимально положительными характеристиками прошлого «идеального отечества», по аналогии с которым в массовом этническом сознании конструируется идеальная картина будущего: «Пусть прошлое придет к нам из будущего!».⁴ При этом представление о будущем государстве в грузинском сознании – чисто **этническое**. С этим соглашаются и грузинские эксперты, подчеркивающие, что в грузинском этническом сознании сформировалась «идея «чисто» национального государства как универсальной модели государственного строительства».⁵

Следовательно, складывание отличных друг от друга и совершенно несовместимых этностатусных представлений – осетинских о необходимости

¹ Осетинский вопрос. – Тбилиси, 1994. – С. 5.

² Мирианашвили Т. Время рассудит // Ахалгазда Комунисти. – 1989. – 24 сент.

³ Хуцураули Г. Что разрушает дружбу // Тбилиси. – 1989. – 7 июня.

⁴ Гамсахурдия З. Быть или не быть Грузии // Литератури Сакартвело. – 1990. – 8 июня.

⁵ Нодия Г. Конфликт в Абхазии: Национальные проекты и политические обстоятельства // Грузины и Абхазы: путь к примирению / Под ред. Б.Коппитерса. – М., 1998. – С. 38.

автономии и самоуправления и грузинских о строительстве унитарного этнического государства способствовало их неизбежному противопоставлению и последующему столкновению в условиях развала социально-политической системы СССР. Именно в силу этого столкновения и были сформулированы обеими сторонами довольно жесткие и подчас ультимативные требования: грузинские – о том, что осетинская автономия должна быть отменена как противоречащая модели грузинского «идеального отечества» и не вписывающаяся, в конечном счете, в схему грузинских этностатусных представлений, и осетинские – о том, что если в будущем независимом грузинском государстве нет и не может быть места для осетинской автономии, то Южная Осетия должна в обязательном порядке и немедленно разорвать все связи с Грузией и выйти из состава Грузинской ССР.

Характерной чертой политических ориентаций двух этносов, обусловившей в значительной степени их противопоставление, стало то обстоятельство, что они явились результатом выражения и осуществления не только чисто конъюнктурных политических интересов в кризисной ситуации развала СССР, но в значительной степени ценностных систем и ориентаций грузинского и южной части осетинского этносов.

Осетинская идентичность традиционно формировалась в русле «северной» ориентации Южной Осетии, имевшей для южных осетин, как политическую, так и важнейшую этнокультурную ценность и обусловленной как минимум двумя причинами.

В этнокультурном плане – это нахождение на Северном Кавказе сначала Аланского раннефеодального государства в средние века, а в более поздний период и Северной Осетии – большей части этнической родины осетин, важнейшего этнокультурного ориентира, на который этническое осетинское сознание ориентируется практически бессознательно. Раздел Осетии в 1922 году на Северную и Южную, поставивший перед осетинским этносом проблему разделенности, обострил этнические чувства южных осетин и

усиливал их стремление к «этнической консолидации» с северной частью Осетии.¹

В политическом отношении – поиски союзников в кризисные периоды противостояния с Грузией, когда Южная Осетия, окруженная с трех сторон грузинской территорией, имела лишь на севере один свободный выход во внешний мир. Поэтому, даже в случае отсутствия этнокультурного ориентира Южная Осетия вынуждена ориентироваться на север по примеру Абхазии, «ориентирующейся на Россию в силу историко-политических причин».² Проникновение же на Северный Кавказ России и в особенности вхождение Осетии в ее состав в 1774 году способствовали превращению «северной» политической ориентации южных осетин в «российскую», или пророссийскую, поскольку в лице России Южная Осетия получила могущественного в военном отношении союзника. Поэтому «интересы осетинского народа реализовывались именно в единстве с Россией».³

Более того, политическая ориентация на Россию со временем приобретает для осетинского этноса важнейшую этнокультурную ценность, поскольку она обусловила возрождение и расцвет этнической культуры Осетии, не сумевшей самостоятельно оправиться от катастрофы позднего средневековья. Это обстоятельство наиболее наглядно выразилось в добровольном принятии и усвоении в XIX веке русско-осетинского билингвизма. Использование русской графики и тесные культурные контакты Осетии с Россией привели к возрождению и прогрессу осетинской литературы и культуры, как на Севере, так и на Юге Осетии. Именно поэтому «сохраняющаяся в Южной Осетии до сих пор ориентация на Россию имеет многовековые корни».⁴

¹ См.: Ледович Т.С. Социально-философский анализ проблем разделенных народов: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. – Ставрополь, 1999. – С. 19.

² Анчабадзе Ю.Д. Грузия – Абхазия: трудный путь к согласию // Грузины и Абхазы: путь к примирению / Под ред. Б.Коппитерса. – М., 1998. – С. 114.

³ Дзайнукова М.И. Проблема национального самоопределения южных осетин (1918-2002 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Владикавказ, 2002. – С. 11.

⁴ Харебов Б.К. Южная Осетия: грузино-осетинские отношения в зеркале общественного мнения // Бюллетень Центра социальных и гуманитарных исследований Владикавказского института управления. – 1999. – №3. – С. 55.

Наиболее показательным в плане нашего исследования представляется факт принятия и утверждения русско-осетинского билингвизма не только в Северной, но и в Южной Осетии. Этот факт является наглядным свидетельством того, что Южная Осетия в реальности являлась составной и неразрывной частью единого осетинского этнокультурного и этнополитического пространства. В противном случае видимо более вероятным для южного региона оказалось бы восприятие грузино-осетинского двуязычия, учитывая определенные попытки в этом направлении и, прежде всего работы и деятельность Ивана Ялгузидзе в начале XIX века, пытавшегося распространять образование и грамотность в Южной Осетии на основе грузинского языка.¹

В противовес осетинской ориентации Грузия **в политическом плане** в лице ее верховной власти рассматривала Север в средневековый период как источник постоянной угрозы и опасности для грузинского государства. Это было обусловлено вначале постоянным соперничеством с Аланским раннефеодальным государством и угрозой вторжения степных кочевников с севера, а позднее угрозой разорительных набегов на Грузию со стороны северокавказских народов.²

Однако со временем место «северной угрозы» все более начинает занимать «южная угроза». Разорительные и даже губительные для грузинского этноса нашествия мусульманских правителей с юга заставляют Грузию искать опору и помощь уже на севере - первоначально на Северном Кавказе, а затем и обращаться к более мощному в военном отношении союзнику – России. Георгиевский трактат 1783 года по существу заложил основы северной пророссийской ориентации также и Грузии.

Отход от пророссийской ориентации наблюдается в Грузии с развалом Российской империи и стремлением воссоздать собственное независимое государство. Неудавшийся в этом направлении опыт, закончившийся вхождением Грузии в состав СССР, способствовал усилению идентификации в

¹ См.: Гугкаев Дз.А. О жизни и деятельности Ивана Ялгузидзе // Известия Югоосетинского научно-исследовательского института. – Сталинир, 1955. – Вып.7. – С. 278-323.

² См.: Очерки Истории Грузии. – Тбилиси, 1979. – Т.3. – С. 167.

грузинском этническом сознании севера как угрозы этническим интересам,¹ реализация которых стала осмысливаться в Грузии только при условии осуществления полного разрыва всех традиционных также и для нее связей с Россией. Таким образом, поскольку роль России стала осмысливаться в качестве важнейшей предпосылки воссоздания и обретения былой государственности, то отношение к ней в грузинском этническом сознании стало приобретать **ценностный характер** и становилось одним из элементов грузинской этнополитической идентичности. По мнению Г.Нодиа «поскольку независимость от России является первейшей задачей грузинского национализма, все другие противники видятся лишь через призму этого основного противостояния».²

Очередное ослабление России в лице СССР в конце 1980-х гг. способствовало возрождению прежних идентификаций в отношении России, что привело к формированию в грузинском этническом сознании яркого и довольно эмоционального социально-психологического стереотипа - образа России как «главного врага» и олицетворение угрозы с Севера.³

Формирование подобного стереотипа в этническом грузинском сознании наиболее наглядно можно проследить также на материалах грузинских СМИ. Наиболее характерной чертой этого стереотипа является то, что в его основе лежит историческое объяснение, и он базируется на исключительно **негативной оценке** всего прошлого опыта отношений с Россией:

Во-первых, Россия аннексировала Грузию в 1801 году, нарушив Георгиевский трактат 1783 года, и тем самым фактически ликвидировала грузинскую государственность. При этом этническое сознание сознательно игнорирует факт того, что параллельно с этим завоеванием решалась и проблема физического выживания и сохранения грузинской нации в условиях разрушительных исламских нашествий, а на заключение Георгиевского

¹ См.: Zhordania N. My life. – Stanford, California, 1968. – P. 103.

² Нодиа Г. Конфликт в Абхазии: Национальные проекты и политические обстоятельства // Грузины и Абхазы: путь к примирению / Под ред. Б.Коппитерса. – М., 1998. – С. 24.

³ См.: Нодиа Г. Конфликт в Абхазии: Национальные проекты и политические обстоятельства // Грузины и Абхазы: путь к примирению / Под ред. Б.Коппитерса. – М., 1998. – С. 23.

трактата Грузия пошла, прежде всего, потому, что противостоять этим нашествиям самостоятельно грузинское государство не было в состоянии.

Во-вторых, по мнению грузинских идеологов, Россия второй раз в 1921 году ликвидировала силой независимое грузинское государство и завоевала Грузию, подчинив страну и ее народ своим национальным интересам. Завоевательная и агрессивная внешняя политика России привела к созданию целой империи СССР, в которой под флагом социализма осуществляется насильственная русификация, и преследуются русские национальные интересы.

Негативная оценка переносится этническим сознанием также и на весь советский опыт взаимоотношений. Негатив здесь базируется, в первую очередь, на представлениях о том, что кризис и развал СССР являются результатом совершенно неправомерных и ничем не оправданных изначально действий, приведших к созданию государства СССР. В это государство было включено, «причем насильственно», огромное количество наций и народностей, проживавших на обширной территории. В силу этого представления нахождение Грузии в составе СССР в общественном грузинском сознании расценивается как принудительный, подневольный акт, имеющий целью реализацию русских колониальных интересов и создание огромной колониальной империи.

Общий вывод: Грузия – колониальная, оккупированная Россией страна. Последствия такой оккупации довольно тяжело воспринимаются национальным самосознанием, поскольку рассматриваются в качестве первостепенных причин национального коллапса: «Грузины подверглись страшной дискриминации со времени вхождения в Россию и в период Советской власти».¹ Распространённость подобных представлений, в действительности мало общего имевших с реальными фактами, безусловно, объясняется спецификой процессов самоидентификации в грузинском общественном сознании.

¹ Гамсахурдиа З. Быть или не быть Грузии // Литератури Сакартвело. – 1990. – 8 июня.

Определение политического статуса Грузии как колонии формирует в общественном сознании представление об СССР как тормозе национального прогресса и развития грузинской нации. Особая роль отводится характеристике социальной системы государства, принудительно созданного в 1922 году. В представлении грузинского общества большевизм и коммунизм не соответствуют историческим традициям, культуре и структуре грузинской нации и они искусственно навязаны Грузии. Функционирование же СССР с юридической точки зрения считается неправомерным и безосновательным, т.к. лежащий в его основе союзный договор 1922 года фактически не действует.

Среди всех признаков неблагоприятного воздействия социализма на Грузию акцентируются экономика, культура и демография. По представлениям, получившим достаточно широкое распространение в грузинском обществе в период обретения политической независимости Грузия является экономическим придатком России и имеет весьма низкий жизненный уровень по сравнению с тем, что могли бы дать потенциальные её возможности: благодатная земля, выход к морю, цитрусовые, туризм и природные ресурсы, которые могли бы превратить «страну древних иверов» в процветающий край и райский уголок земли.

С другой стороны, согласно грузинскому мнению, политика советского руководства привела к катастрофической демографической ситуации в Грузии. «Ненормально положение, когда чужие племена по численности превышают коренное население. В Грузии грузин становится гостем, пришлая же нация – хозяином. Любыми мероприятиями мы должны стараться, чтобы процент грузинского населения с 61 поднялся до 95»¹ (в реальности же доля грузинского населения на момент переписи 1989 года составляла 70,1% - И.С.).²

На основании этих оценок этническое сознание делает определенный вывод о том, что все насущные проблемы Грузии сегодня происходят от России, которая, объективно препятствует делу обретения Грузией

¹ Гуджабидзе В. Демографическая ситуация в Грузии // Литератури Сакартвело. – 1989. – 16 июня.

² См.: Национальный состав населения Грузии. Статистический сборник. – Тбилиси, 1991. – С. 5.

политической независимости. «Наша главная цель - удовлетворить жизненные интересы грузинской нации, вернуть стране отнятую Россией независимость».¹ Поэтому обретение политической независимости грузинское этническое сознание усматривает лишь при определенном условии – **полном разрыве** всех традиционных политических и этнокультурных связей с Россией, роль которой в этом важнейшем для Грузии деле стала осмысливаться как препятствие и тормоз, а затем угроза и опасность.

С другой стороны, стереотипный образ «врага» в лице России привязан к роли национальных меньшинств, и они рассматриваются с точки зрения российской угрозы в качестве ее составной и неотъемлемой части. По мнению исследователей, нацменьшинства в Грузии «видятся лишь через призму противостояния с Россией, рассматриваются как пособники России, т.е. с грузинской точки зрения конфликты с меньшинствами осмыслялись в контексте борьбы за независимость от России».²

Так, например, согласно грузинским оценкам, Россия с целью защиты своих стратегических интересов создала в Грузии т.н. «мины замедленного действия» – политические автономии с целью оказания политического давления на Грузию. И в настоящий момент национальные меньшинства в Грузии поощряются к ее дезинтеграции. «Грузию хотят расколоть и раздробить с помощью мин замедленного действия – абхазов и осетин».³ Поэтому, проблема этнических меньшинств и, прежде всего, проблема этнотерриториальных автономий Абхазии и Южной Осетии в грузинском этническом сознании формулируется как фактор дестабилизации для Грузии, поскольку «наличие этнической пестроты в стране представляет собой серьезную угрозу безопасности страны».⁴

¹ Топчишвили Р. Сознательная фальсификация истории // Литератури Сакартвело. – 1990. – 19 янв.

² Нодия Г. Конфликт в Абхазии: Национальные проекты и политические обстоятельства // Грузины и Абхазы: путь к примирению / Под ред. Б.Коппитерса. – М., 1998. – С. 24.

³ Бакрадзе А. С декабря по декабрь // Мамули. – 1990. – январь.

⁴ Цит. по: Акаба Н. О некоторых мифах (к истории грузино-абхазских взаимоотношений) // Аспекты грузино-абхазского конфликта: Материалы грузино-абхазской конференции. – М., 1999. – № 2. – С. 13.

Определение России как «сильного врага» предопределяет установку на то, что в интересах Грузии опереться на мощного и надежного союзника. В условиях борьбы с Россией таким союзником Грузии этническое сознание считает политического и военного противника России-СССР – Запад, олицетворяющий Европу и США. Выбор в данном контексте осуществляется не столько по расчету, сколько по принципу: «враг моего врага – мой друг и союзник». Таким образом, в этническом сознании формируется другой стереотип – образ «друга и союзника № 1» – Запада.

Одним из мотивов формирования подобного стереотипа в грузинском сознании является представление о том, что «Запад поможет Грузии в борьбе с Россией», а в последующем, именно Западу отводится роль «гаранта независимости и безопасности Грузии». Для реализации этих установок Грузии необходимо в предельно короткие сроки заключить военно-политический союз со странами Запада и вступить в блок НАТО, активно противостоящий России.

Помимо этого, в представлении грузинского сознания, Запад не только стратегический союзник Грузии, но и этнокультурный ориентир, поскольку цивилизационная принадлежность Грузии к Западу больше, чем к российскому миру.

Отказ Грузии, таким образом, от пророссийской ориентации имел следствием переориентацию с севера на запад и положил начало современной прозападной ее ориентации. При этом наиболее характерной чертой в этой новой политической ориентации Грузии становится ее открытая антироссийская направленность, когда руководство Грузии проводит «политику максимального дистанцирования от России».¹

На практике переориентация Грузии привела к созданию ситуации, когда «у титульных и нетитульных наций складываются противоположные ориентации по проблеме самоопределения»;² политические ориентации осетинской и грузинской идентичностей стали формироваться и

¹ Тощенко Ж.Т. Этнокрафия: История и современность. Социологические очерки. – М., 2003. – С.88.

² Савва М.В. Этнический статус в идеологии и политике // Полис. – 1999. – №4. – С. 142.

формулироваться как противоположные и разнонаправленные, базирующиеся на разных основах: одна на основе тесного союза с Россией, другая на основе полного разрыва с Россией. Векторные составляющие этих ориентаций оказались, таким образом, направленными в противоположные стороны: осетинский вектор- на север, грузинский – от севера и на запад. Подобная разнонаправленность политических ориентаций, безусловно, способствовала формированию противостояния двух идентичностей. Именно поэтому в отечественной литературе можно встретить точку зрения о том, что «причиной конфликта в Южной Осетии явились разные политические ориентации Южной Осетии и Грузии, Южной Осетии - пророссийская, Грузии - антироссийская».¹

Отход Грузии от пророссийской ориентации существенно повлиял на характер межэтнических отношений в югоосетинском регионе, неизбежно осложнив и обострив межэтнические грузино-осетинские отношения. На практике это выразилось в резко возросшем давлении на Южную Осетию со стороны Грузии. Политическая ориентация осетинской идентичности в сложившемся варианте стала вызывать с ее стороны жесткое противодействие, поскольку пророссийская ориентация стала ассоциироваться в грузинском этническом сознании исключительно с фактором «северной угрозы», исходящей от России.

Таким образом, вышеприведенный материал позволяет сделать вывод о том, что грузино-осетинское противостояние имело отчетливо выраженные признаки конфликта ценностей, или же идентичностей, обусловленного несовместимостью двух элементов грузинской и осетинской идентичностей: различных этностатусных представлений и разнонаправленных политических ориентаций.

Проделанный в первой главе диссертационного исследования анализ позволяет сделать следующие выводы:

¹ Лефель А. Причины вооруженных конфликтов на территории бывшего СССР // <http://alefel.narod.ru>

Во-первых, анализ объективных факторов грузино-осетинского конфликта приводит к заключению о том, что на момент развала Советского Союза как крупной этнофедеральной системы грузино-осетинские отношения содержали существенный объективно сформировавшийся **конфликтный потенциал**, обусловленный неразрешенностью основных грузино-осетинских противоречий в предшествующий период.

Во-вторых, анализ столкновения грузинских и осетинских этнических позиций свидетельствует о том, что грузино-осетинские отношения в конце 1980-х гг. оказались в состоянии **конфликтной ситуации**, когда стороны приходят к осознанию несовместимости своих интересов и конечных целей.

В-третьих, анализ идейных основ грузино-осетинского противостояния приводит к выводу о том, что конфликтная ситуация в грузино-осетинских отношениях конца 1980-х гг. сложилась в значительной степени под мощным влиянием **этнонационализма** в Грузии, базировавшегося на принципе т.н. «права крови» и представленного в виде идеи унитарного моноэтничного государства как основной концепции грузинского нациестроительства.

В-четвёртых, грузино-осетинское противостояние имело отчетливо выраженные признаки конфликта ценностей, или же идентичностей, обусловленного несовместимостью двух элементов грузинской и осетинской идентичностей: различных этностатусных представлений и разнонаправленных политических ориентаций.

ГЛАВА II. ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ ГРУЗИНО-ОСЕТИНСКОГО КОНФЛИКТА

2.1. Этнонациональные цели как фактор внутривнутриполитической консолидации

Значимость политического фактора почти во всех этнических конфликтах на территории бывшего СССР достаточно освещена в научной литературе. По мнению В.А.Авксентьева, наряду с этническим «политический аспект большинства современных этнических конфликтов настолько очевиден, что некоторые аналитики рассматривают их как два взаимосвязанных ведущих компонента современной социальной конфликтности».¹ Также, по мнению исследователей, политический фактор можно рассматривать в качестве «второй составляющей этнического конфликта, всегда представляющего собой явление политическое, даже если инициаторы перемен стремятся к изменению ситуации только в культурно-языковой сфере».²

Однако при этом, на наш взгляд, в ряде случаев происходит явное преувеличение этого фактора. Так, по мнению Н.В.Косолапова, «Отличительной особенностью почти всех конфликтов на постсоветском пространстве и особенно тех из них, что приняли самые острые вооруженные формы, является то, что их никак нельзя отнести по характеру к межэтническим и/или религиозным. Этнические конфликты всегда и везде бывают массовыми, неуправляемыми, стихийными, характеризуются высокой степенью спонтанности и непредсказуемости, иррационализма. Ничего подобного до сих пор на всей территории бывшего СССР не наблюдалось. Во всех случаях массовых беспорядков неизменно из самых разных источников поступали сообщения о том, что беспорядки носили спровоцированный характер, а в роли провокаторов назывались органы центральной и местной власти, их конкретные должностные лица. Во всех

¹ Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. – Ставрополь, 2001. – С. 207.

² Барбашин М.Ю. К понятию этнополитического конфликта // Ксенофобия на Юге России: сепаратизм, конфликты и пути их преодоления. – Вып.6. – М., 2003. – <http://www.ipk.rsu.ru>

вооруженных конфликтах на территории СССР и в постсоветском пространстве участвовали и продолжают участвовать официальные силовые структуры».¹

Однако нельзя не согласиться с точкой зрения В.А.Тишкова о том, что «именно вопрос о власти, о гедонистическом стремлении элитных элементов в обществе к ее обладанию, о ее связи с материальным вознаграждением в форме обеспечения доступа к ресурсам и к привилегиям является ключевым для понимания причин роста этнического национализма и конфликтов в данном регионе мира».²

Среди политических параметров конфликтов на постсоветском пространстве Н.В. Косолапов выделяет два наиболее характерных типа: «конфликты политически ориентированных местных кланов и неформальных структур внутри локальных и общенациональных элит и конфликты властей и элит между собой как по «вертикали», так и по «горизонтали».³

В связи с этим встает вопрос об исследовании роли политических элит и выявлении, таким образом, роли политического фактора в эскалации грузино-осетинского конфликта. Эта проблема достаточно актуальна в силу значительной политической составляющей грузино-осетинского противостояния, проявившейся в форме политического столкновения между Южной Осетией и Грузией. Рассмотрение этой составляющей позволит также «отталкиваться от локального контекста событий»,⁴ имеющего немаловажное значение в исследовании каждого конкретного случая этнического конфликта.

Политический конфликт между Южной Осетией и Грузией сложился в результате осуществления сторонами отличных друг от друга и разнонаправленных акций и в этом смысле почти полностью соответствовал энциклопеди-

¹ Косолапов Н.В. Конфликты постсоветского пространства: политические реалии // МЭМО. – 1995. – №11. – С. 44-45.

² Тишков В.А. О природе этнического конфликта // Свободная мысль. – 1993. – №4. – С. 11.

³ Косолапов Н.В. Конфликты постсоветского пространства: проблемы дефиниции и типологии // МЭМО. – 1995. – №12. – С. 44.

⁴ Бабкин И.О. Феномен этнического сепаратизма: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. – Ставрополь, 2001. – С. 20.

ческому определению конфликта как «столкновения разнонаправленных сил с целью реализации своих интересов в условиях противодействия».¹

Предпринятые сторонами акции носили односторонний характер и свидетельствовали о значительном расхождении политических позиций сторон. Основным предметом политического столкновения между сторонами явился политический статус Южной Осетии. Разница и отличия в подходах сторон к этой проблеме состояла в том, что одна сторона – Южная Осетия старалась в одностороннем порядке этот статус повысить, придя, таким образом, к полному разрыву и окончательному выходу из состава союзной республики. Другая же сторона – Грузия, при этом, старалась в таком же одностороннем порядке этот статус понизить, кульминацией чего стала «полная и окончательная» ликвидация этого статуса. Такая разнонаправленность политических действий сторон неизбежно способствовала их столкновению.

Так, Южная Осетия осенью 1989 года декларировала повышение своего политического статуса. Решением 12-ой сессии Областного Совета народных депутатов от 10 ноября 1989 года Юго-Осетинская Автономная Область была переименована в Автономную республику. Одновременно было принято обращение к Верховному Совету ГССР с просьбой утвердить это решение.²

ВС Грузинской ССР объявил неконституционным и не имеющим юридической силы решения 12-ой сессии югоосетинского Облсовета о статусе Автономной республики и немедленно их аннулировал.³

Более того, грузинские неформальные организации среагировали на это крайне негативно, организовав 23 ноября 1989 года многотысячный поход (по оценкам 20-30 тыс. человек) на столицу Южной Осетии город Цхинвал, и «выдвинув задачу «защиты грузинского населения».⁴ Организаторы похода попытались войти в город и провести в нем грандиозный митинг, однако, не добив-

¹ Политология. Энциклопедический словарь / Под ред. Ю.И.Аверьянова. – М., 1993. – С. 142.

² См.: Пять лет Республике Южная Осетия: Официальные материалы. – Цхинвал, 1996. – С. 3.

³ См.: Ожиганов Э. Этнонациональные конфликты в Республике Грузия: Южная Осетия и Абхазия. – М., 1994. – С. 2.

⁴ Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. – М., 2001. – С. 162.

шись успеха, взяли Цхинвал в плотное кольцо окружения и установили трехмесячную зимнюю блокаду города.

Почти ровно через год после указанных событий осенью 1990 года этот сценарий был повторен почти по той же схеме. 20 сентября 1990 года в Южной Осетии была принята Декларация о Суверенитете, отмечаемая сегодня как официальная дата югоосетинской независимости. Декларацией провозглашалось образование Юго-Осетинской Советской Демократической Республики (ЮОСДР) и было принято обращение в адрес ВС СССР о ее признании в качестве субъекта советской федерации. 28 ноября 1990 года ЮОСДР была переименована в Юго-Осетинскую Советскую Республику (ЮОСР). Одновременно был создан временный исполнительный орган новой республики – Временный Исполком ЮОСР, осуществляющий исполнительную власть до проведения всеобщих выборов в высшие органы республики. 9 декабря 1990 года были проведены выборы в ее высший орган – Верховный Совет, легитимировавшие образование новой республики.¹

Эти мероприятия, предпринятые в Южной Осетии во второй половине 1990 года, означали повторное повышение ее политического статуса и привели в отличие от первого повышения к осуществлению фактического разрыва с Грузинской ССР и выходу из ее состава.

11 декабря 1990 года Верховный Совет Республики Грузия принимает беспрецедентное в условиях всеобщего «парада суверенитетов» на территории СССР решение, единогласно поддержанное всеми депутатами, об упразднении и полной ликвидации Юго-Осетинской АО, образованной в 1922 году. Территория автономии была разделена на 4 административных района. В двух из них, Цхинвальском и Джавском, наиболее компактно населенных осетинами, был введен режим Чрезвычайного положения.²

Общее мнение по этому вопросу выразил депутат Н.Натадзе: «Южная Осетия должна быть упразднена в любом случае, независимо от происходящих

¹ См.: Южная Осетия: 10 лет Республике // Отв. ред. К.Г.Дзугаев. – Владикавказ, 2000. – С. 100-101.

² См.: Закон Республики Грузия об упразднении ЮОАО от 11 декабря 1990 года // Заря Востока. – 1990. – 12 дек.

там процессов».¹ 6 января 1991 года для осуществления этого режима, в столицу Южной Осетии город Цхинвал были введены части грузинской милиции вместе с приданными ей на подмогу боевиками - военизированными отрядами национального движения, состоявшими в основном из амнистированных уголовников.

Ввод войск в Цхинвал фактически явился попыткой со стороны Грузии насильственным путем разрешить сложившийся к тому моменту политический конфликт и означал агрессию, встретившую сопротивление населения Южной Осетии и приведшую к развязыванию вооруженного грузино-осетинского конфликта, когда «применение насилия создает т.н. «спираль насилия».²

Исследование политического фактора в этом столкновении объективно упирается в выявление причин осуществления подобных разнонаправленных акций и, в первую очередь, в решение вопроса об их авторстве, о том, кем конкретно, какими политическими силами они были осуществлены, какие при этом декларировались публично и преследовались реально цели.

Выявление иницирующих сил грузино-осетинского политического столкновения является решающим также в деле определения роли политических элит в этом конфликте, поскольку, по мнению Р.Гачечиладзе, «более типичной кажется довольно тривиальная версия, что в конфликте были заинтересованы больше всего этнические политические элиты, каждая из которых хотела иметь «большой кусок национального пирога».³

При этом под элитой мы будем понимать «правлящий класс общества, который состоит из лиц, принимающих решения общегосударственного значения»,⁴ или же для большей точности и определенности «категорию лиц, обладающих властью вне зависимости от того, какие факторы обусловили их власт-

¹ Интервью с депутатом ВС РГ проф. Н.Натадзе // Заря Востока. – 1990. – 12 дек.

² Разрешение конфликтов. Пособие по обучению методам анализа и разрешения конфликтов. Международная тревога. – М., 1999. – С. 27.

³ Гачечиладзе Р.Г. Географический фон решения конфликта в Абхазии // Грузины и абхазы: Путь к примирению / Под ред. Б. Коппитерса. – М., 1998. – С. 100.

⁴ Крыштановская О. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. – 1995. – №1. – С. 51.

ное положение: происхождение, финансовое состояние или личные заслуги».¹ По мнению исследователей, такая трактовка элиты является «более операциональной в современных политологических исследованиях».²

В плане конфликтологического анализа особую актуальность приобретает «определение начала конфликта и его *инициирующих сил* (курсив мой – И.С.) существенно, прежде всего, для понимания природы и содержания конкретного конфликта и поиска оптимальных средств реагирования на него».³ Между тем, согласно Н.В.Косолапову «Конфликты постсоветского пространства объединяет общая черта: они крайне трудно поддаются четкому определению во времени и пространстве. Причем особые трудности в этом плане связаны с начальной стадией конфликта. До сих пор, например, совершенно невозможно составить вразумительное впечатление, как и с чего начались конфликты в Нагорном Карабахе, Приднестровье, Абхазии: *какие люди, группы, силы за этим стояли* (курсив мой - И.С.)»⁴.

Решению задачи об авторстве разнонаправленных политических акций в грузино-осетинском противостоянии на наш взгляд, несомненно, будет способствовать выявление факторов, характеризующих специфику социально-политической ситуации периода кризиса СССР и оказавших наибольшее влияние на процессы консолидации политических сил, как в Центре, так и на национальных окраинах.

Во-первых, это т.н. «**кризис легитимности**», выразившийся, прежде всего в тотальном параличе всей государственной системы управления. На практике он проявился в резком падении эффективности существующих механизмов власти. Развал прежней советской системы управления обнаружил полную неспособность «старых» политических сил, представлявших прежнюю политическую элиту, справляться с кризисной ситуацией, когда «старая элита, стоя-

¹ Гаман-Голутвина О.В. Определение основных понятий элитологии // Полис. – 2000. – №3. – С. 97.

² Там же. – С. 97.

³ Косолапов Н.В. Конфликты постсоветского пространства: проблемы дефиниции и типологии // МЭМО. – 1995. – №12. – С. 45.

⁴ Там же. – С. 45.

щая у власти одряхла, не способна к эффективному управлению».¹ Властная элита СССР по существу перестала контролировать социально-экономические и дезинтеграционные процессы, охватившие страну к концу 1980-х гг. Особую её беспомощность и растерянность вызывали межнациональные проблемы, до предела обострившиеся в национальных регионах.

Более того, паралич власти на местах, когда «ослаб контроль Центра над национальными элитами и образовался вакуум власти»,² грозил хаосом и анархией перед лицом обострившихся национальных и межнациональных проблем. И в этой ситуации решение проблемы власти и налаживание более или менее эффективного механизма контроля и управления становилось наиболее актуальным и поэтому закономерно выходило на первый план в политической жизни национальных регионов.

Общественно-политическая ситуация в Грузии и Южной Осетии конца 1980-х гг. явилась частью указанных политических процессов в СССР и также характеризовалась тотальным параличом официальных властей всех уровней.

В Грузии ЦК Компартии республики, обладавший всеми рычагами управления и контроля, оказался практически не в состоянии вырабатывать и осуществлять самостоятельную политику. Подавляющее большинство законодательных актов и правительственных распоряжений последних трех лет до начала конфликта принималось и осуществлялось под мощным давлением общественного мнения, а затем и оформившейся политической оппозиции.

События 9 апреля 1989 года явились наглядным свидетельством бессилия официальных грузинских властей, практически полностью потерявших контроль над общественно-политической ситуацией. Практически после этих событий партийно-государственная номенклатура Грузии продолжала исполнять свои функции лишь чисто номинально. Это наглядно проявилось в период похода на Цхинвал, организованного националистами 23 ноября 1989 года вопреки воле и требованиям ЦК и Правительства Грузии. Более того, высшее пар-

¹ Ашин Г.К. Смена элит // Общественные науки и современность. – 1995. – №1. – С. 41.

² Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования) / Под. ред. Е.И.Степанова. – М., 1999. – С. 222.

тийное и советское руководство республики, включая 1 секретаря ЦК Г.Гумбаридзе и министра внутренних дел Ш.Горгодзе, было вынуждено персонально участвовать в этом походе и исполнять волю лидеров национального движения.¹

Так, например, по предварительной договоренности между правительством и национальными лидерами, митинг должен был состояться не в Цхинвале, а в 10 км от него, у грузинского селения Эргнети. По прибытии к этому селению национальные лидеры решили отменить договор с правительством, потребовали немедленно убрать милицейский кордон, пропустить митингующих в город, и их требование было незамедлительно исполнено.²

Подобная же картина полного паралича всех звеньев государственных структур наблюдалась в тот же период и в Южной Осетии. Первым симптомом этого состояния стал так называемый «тифозный бунт» весны 1988 года, вызванный неспособностью областного руководства обеспечить соблюдение элементарных санитарно-гигиенических норм и правил в учреждениях здравоохранения и качества питьевой воды, что повлекло за собой вспышку брюшного тифа в городе и области.³ В результате этих событий первый секретарь обкома партии Ф.С.Санагоев, находившийся у власти в течение многих лет и имевший достаточно прочные позиции в партийно-государственной системе, был вынужден расстаться со своей должностью и подать в отставку.

Паралич областных структур власти также наиболее ярко проявился в период антиосетинской кампании грузинских СМИ 1989 года. Официальная югоосетинская власть оказалась совершенно не в состоянии реагировать на эти события, дать им какую-либо оценку и наладить элементарный диалог с общественностью. Подобное поведение и полное бездействие югоосетинского обкома партии перед лицом резкого обострения грузино-осетинских отношений во многом способствовало формированию в югоосетинском обществе т.н. «гру-

¹ См.: Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. – М., 2001. – С. 162.

² См.: Сценарии, разработанные Кремлем (ред. ст.) // Сакартвело. – 1989. – 15 дек.

³ См.: Васильева О. Грузия как модель посткоммунистической трансформации. – М., 1993. – С. 37.

зинской проблемы» и практически обусловило очередную, уже вторую по счету, вынужденную отставку со своего поста первого секретаря обкома А.Г.Чехоева осенью 1989 года. Следует подчеркнуть, что обе отставки первых лиц автономной области явились довольно необычным явлением для провинциальной и спокойной Южной Осетии, в которой первые секретари, как правило, надолго засиживались в своих креслах.

Такая картина состояния власти в Грузии и Южной Осетии наглядно свидетельствовала о том, что официальные структуры Грузии и Южной Осетии стали катастрофическими темпами терять авторитет и поддержку в обществе, а, следовательно, и реальную политическую власть как средство управления и контроля над общественными процессами.

Подобная ситуация неизбежно актуализировала в обществе вопрос о власти, когда «началась борьба за реальную власть и право контролировать политическую жизнь своих республик и автономий»¹ и стимулировала поиски политических альтернатив и новых моделей управления, к чему старая политическая элита уже не была способна. В условиях практического отсутствия при советском режиме официальной политической оппозиции, или оппозиционной элиты, политическая альтернатива формировалась не в среде официальной элиты, а в недрах социального недовольства, в среде наиболее непримиримых и оппозирующих советской власти социальных групп и слоев.

Эти слои были представлены находящейся на стадии становления и формирования буржуазией, либеральными интеллигентскими кругами, наиболее передовой частью государственно-партийной бюрократии, всерьез обеспокоенной развалом системы управления государством, и люмпенизированными слоями населения города и деревни, количество которых значительно возросло в связи с резким падением жизненного уровня населения.² Эти социальные

¹ Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования) / Под. ред. Е.И.Степанова. – М., 1999. – С. 222.

² См.: Коргунюк Ю.Г. Политическая элита современной России с точки зрения социального представительства // Полис. – 2001. – №1-2.

группы выражали особенное недовольство политикой КПСС и старой элиты в целом и наиболее страдали от советского правления.

Недовольство и пробуждение к политической активности этих групп привело на практике к вызреванию «новых» политических сил, «стремящихся к власти и собственности и ловко использующих стихийное общественное недовольство».¹ Эти силы стремились оформиться в «новую потенциальную элиту»² или новую политическую элиту (контрэлиту), призванную прийти на смену старой элите.

В условиях паралича старой власти новые политические движения и партии бросили ей открытый вызов и стали включаться в игру в качестве ее оппонентов. Поэтому появление на политической арене контрэлиты сопровождалось обострением политической борьбы между старыми и новыми политическими группировками и силами, стремившимися получить свою долю в предстоявшей схватке за власть и собственность в ситуации, когда «политические и социальные изменения в структуре общества с распадом СССР сопровождались радикальным перераспределением собственности и власти».³

Однако участие контрэлиты в политической борьбе проходило уже по другим правилам. Объявленная центральным руководством политика демократии и гласности вводила новые правила игры для политических игроков. На смену старым правилам «кабинетных интриг и подсиживаний»⁴ в борьбе за власть пришел принятый в 1988 году новый «Закон о политических партиях», вводивший элементы электоральной демократии и вынуждавший политических акторов апеллировать к широким социальным слоям. В новых условиях степень участия масс, или же величина партийного электората, становились определяющими в борьбе за власть на выборах почти всех уровней. В этой ситуации для новой элиты «чтобы утвердиться в качестве правящей была необходима

¹ Лунеев В.В. Преступность в межнациональных конфликтах // Социс. – 1995. – №4. – С. 104.

² Ашин Г.К. Смена элит // Общественные науки и современность. – 1995. – №1. – С.41.

³ Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования) / Под. ред. Е.И.Степанова. – М., 1999. – С. 162.

⁴ Ашин Г.К. Смена элит // Общественные науки и современность. – 1995. – №1. – С. 45.

поддержка масс, недовольных старым общественно-политическим строем».¹ Поэтому в борьбе за власть и собственность новая элита, или контрэлита, стремилась обеспечить себе широкую социальную базу.

В силу того, что старой элите, «не умеющей обращаться с рядовыми гражданами и боящейся их»² и также обвиняемой в развале государства, было довольно трудно апеллировать к народу, контрэлита стала составлять реальную и мощную конкуренцию старой элите в политической борьбе.

В национальных регионах новая элита стала оформляться на базе и в форме т.н. «национальных движений», поскольку здесь она сталкивалась с мощным натиском национальных и межнациональных проблем.

Политическая конъюнктура в Грузии и Южной Осетии конца 1980-х гг. явилась наглядным отображением указанных и характерных для всей страны политических процессов в тот период. Национальные движения, выступившие на передний план политической жизни обоих регионов в конце 1980-х годов, представляли нарождавшуюся новую политическую элиту, вынужденную в сложившихся условиях решать для себя проблему власти. Активную помощь новой политической элите оказывала «молодая буржуазия», имевшая в тот период полукриминальный «теневого характер» и финансировавшая национальные движения как в Южной Осетии, так и в Грузии.

Зародившись среди узкой группы недовольной советским строем этнической интеллигенции, эти движения изначально были заняты преимущественно пропагандой абстрактных национальных целей и идей. Однако по мере углубления кризиса советской системы они стали политизироваться, превращаясь в политическую оппозицию, уже ставящую далеко идущие политические цели и задачи.

К примеру, грузинское «национально-освободительное движение» зарождается в либеральных кругах грузинской интеллигенции. Со временем оно оказывается представленным свыше 120 партиями, движениями, обществами и

¹ Ашин Г.К. Смена элит // Общественные науки и современность. – 1995. – №1. – С. 41.

² Там же. – С. 45.

ассоциациями различной структуры и идейного толка.¹ Однако все они оказываются довольно тесно примыкавшими друг к другу на основе приверженности единой идее национального движения-независимости Грузии как основополагающей цели.

На политическую арену в качестве ведущей политической силы национальное движение выходит в Грузии после событий 9 апреля 1989 года-разгона войсками мирной манифестации в Тбилиси. После 9 апреля «национальная» оппозиция стала приобретать массовую поддержку практически по всей республике, и все СМИ стали постепенно переходить под ее контроль.

С этого времени фактически национальное движение стало выступать в качестве основного фактора в политической жизни, противостоящего официальной власти. Именно тогда «чаша весов» в политической жизни республики стала склоняться на сторону грузинского национального движения, лидеры которого стали делать официальную заявку на власть. Этим самым национальное движение по существу превратилось в политическую оппозицию, которая почувствовала себя достаточно окрепшей для включения в политическую борьбу за власть в республике.

Национальное движение Южной Осетии было представлено очень популярной в тот период формой – Народным Фронтом (далее НФ - И.С.), организованным вначале узким кругом интеллектуалов, пытавшихся таким образом выразить свое отношение к разворачивавшимся в СССР событиям.

Образованная в конце 1988 года эта организация первоначально возникла как «массовая общественная организация, как естественная реакция на происходящие вокруг события»² и в первую очередь как реакция на развал национально-государственной и социально-политической системы СССР. Ее основные идеологические позиции и требования были направлены на критику недостатков советской системы, за улучшение существующего строя.

¹ См.: Васильева О. Грузия как модель посткоммунистической трансформации. – М., 1993. – С. 8.

² Пять лет Республике Южная Осетия: Официальные материалы. – Цхинвал, 1996. – С. 39.

Превращению НФ в политическую организацию и вступление на арену политической борьбы за власть в Южной Осетии способствовали два обстоятельства. Это активизация в Грузии антиосетинской кампании, формировавшей в Южной Осетии т.н. «грузинскую проблему», и бездействие официальных югоосетинских властей в лице Юго-Осетинского обкома компартии в условиях нараставшего обострения грузино-осетинского противостояния. Политизация НФ и его вступление в политическую борьбу в силу вышеуказанных обстоятельств происходили на идейной платформе защиты югоосетинских интересов и организации отпора этнической экспансии с юга.

К примеру, появление статей Т.Кванчилашвили, А.Бакрадзе и других авторов, формулировавших «осетинский вопрос» в резкой и агрессивной форме, вызывали определенную реакцию в осетинском обществе и вынуждали национальное движение занимать адекватную позицию в этом плане. Поэтому, в значительной степени идейные позиции НФ стали «национализироваться» под влиянием «грузинского вопроса», когда обсуждение этого вопроса и оформление позиций по проблемам грузино-осетинских отношений становилось наиболее актуальным в югоосетинском обществе.

Первым симптомом политизации осетинского национального движения НФ стало появление т.н. «абхазского письма». В марте 1989 года из Южной Осетии в Абхазию от имени председателя югоосетинского НФ А.Чочиева было отправлено письмо, как утверждалось, совершенно личного характера, выражавшего «пока еще моральную поддержку» борьбы абхазов за свои национальные права в условиях давления со стороны «братьев грузин» (кавычки автора письма – И.С.).¹ В Абхазии в тот период ситуация стала резко накаляться и завершилась принятием т.н. Лыхненского обращения в союзные органы с просьбой о включении Абхазии в состав Российской Федерации.

Декларируемая публично лидерами НФ цель отправления абхазского письма из Цхинвала в Абхазию состояла в выражении межэтнической осетино-

¹ Чочиев А.Р. Уроки игры на бойне. – Цхинвал, 1994. – С. 21.

абхазской солидарности и поддержки борьбы абхазов как дискриминируемого нацменьшинства. В тактическом плане письмо выражало предложение союзнических отношений и помощи в отношении общего противника. Фактически это письмо публично декларировало признание абхазо-югоосетинских параллелей и аналогичности грузино-абхазских и грузино-осетинских противоречий.

Трудно судить, насколько личным был характер этого письма, однако его опубликование в абхазской газете «Бзыбь» в марте 1989 года и одновременное распространение-расклеивание по всем кварталам Цхинвала совершенно лишило его «личного характера», превратив в событие общественно-политического содержания. Оно свидетельствовало о начале весьма серьезных изменений во внутренней политической жизни Южной Осетии.

После его опубликования автор абхазского письма А.Чочиев приобрел весьма широкую известность не только в Грузии и Абхазии, но, прежде всего, в самой Южной Осетии, став героем дня и формируя, таким образом, авторитет выразителя национальной идеи и активного борца за осетинские национальные интересы. Факт расклейки «письма личного характера» по всему городу Цхинвалу, при этом, был рассчитан на формирование определенного имиджа лидера Народного фронта. Несомненно, эта акция свидетельствовала о вступлении НФ на арену внутривнутриполитической борьбы в Южной Осетии, и расклеивание письма как нельзя лучше соответствовало «заявке» югоосетинских неформалов на участие в политике и привлечение широких слоев населения на свою сторону.

Абхазское письмо, безусловно, свидетельствовало об оформлении в Южной Осетии политической оппозиции - появлении на внутривнутриполитической арене Южной Осетии новых политических сил, претендующих на власть и наработавших свой политический капитал на этнонациональной тематике.

Другой фактор, значительно повлиявший на становление новых политических элит – это «**кризис идентичности**», выразившийся в национальных регионах в резком обострении национальных и межнациональных проблем вследствие активизировавшихся процессов этнонациональной самоидентификации, вызванных разрушением прежней единой советской идентичности.

Обострение национальных проблем в условиях дезинтеграции СССР приводило к серьезным сдвигам в общественном сознании грузинского и осетинского этносов, становилось наиболее злободневной темой дня. Поэтому новые элиты с обеих сторон пытались апеллировать к широким социальным слоям, используя при этом наиболее актуальные проблемы и идеи, захватившие общественное сознание в кризисный период развала страны и падения жизненного уровня населения. В этой связи этнические контрэлиты в регионах в идейном плане стали апеллировать к этнонациональным интересам и национальным чувствам.

Доминирование этнонациональных настроений в общественном сознании обусловило, в конечном счете, этнонациональную окраску региональных контрэлит, оформившихся на практике в виде национальных движений. Как пишет В.Н.Иванов «неудивительно, что национальная идея стала доминировать в массовом сознании, чем незамедлительно воспользовались политические силы для достижения своих узкогрупповых целей».¹

Поэтому процесс консолидации новых этнических элит как в Южной Осетии, так и в Грузии сопровождался весьма активной «этнонациональной апелляцией», когда новые этнические элиты стремились широко аргументировать свои политические акции этнонациональными целями. Новые осетинская и грузинская элиты объясняли и оправдывали свои действия необходимостью защиты этнонациональных интересов и реализации этнонациональных целей. Подобные позиции широко декларировались публично и шумно рекламировались в период политического противостояния.

Так, новая осетинская элита аргументировала свои позиции защитой национальной автономии и этноса от ожидавшейся грузинской агрессии. Согласно этой аргументации повышение статуса являлось необходимым шагом для защиты осетинских национальных интересов, обеспечения безопасности и создания надежных правовых гарантий неприкосновенности автономии и этноса. Необходимость этого шага выводилась из более слабой политико-правовой за-

¹ Иванов В.Н. Межнациональные конфликты: социо-психологический аспект // Социс. – 1992. – №4. – С. 19.

щищенности статуса автономной области по сравнению со статусом автономной республики, предполагавшим наличие Конституции и самостоятельных выборных органов управления.

Полный разрыв же с Грузией обосновывался с осетинской стороны стремлением войти в состав СССР в качестве самостоятельного субъекта нового Союзного Договора и остаться, таким образом, в составе обновленного Советского Союза. Согласно осетинской аргументации, для реализации этого плана следовало осуществить скорейший разрыв с Грузией в соответствии с общественным волеизъявлением, поскольку выход Грузии из СССР и ее превращение в независимое государство – уже дело самого ближайшего будущего.

Стремление остаться в СССР подразумевало, при этом, намерение войти через СССР в состав Российской Федерации и воссоединиться с Северной Осетией, т.е. осуществить свое политическое самоопределение в русле традиционной российской ориентации и решить проблему разделенности осетинского этноса.

Осуществление этого шага имело также свое «этнонациональное» политико-правовое обоснование. Исходным пунктом осетинской аргументации явилось указание на принятые в Грузинской ССР пакеты законов конца 1989 и середины 1990 года, декларировавшие отмену в Грузии всех законодательных актов, принятых после 1921 года, т.е. момента вхождения в Советскую Россию. В число этих актов помимо других попадали и Союзный Договор 1922 года, и Закон об образовании Юго-Осетинской АО 1922 года.¹

Эти акты были интерпретированы в Южной Осетии как фактическая юридическая отмена ЮОАО, образованной в апреле 1922 года и как полная делегитимация существующего политического статуса Южной Осетии. По мнению осетинского руководства это обстоятельство не только позволяло, но и практически «вынуждало» Южную Осетию самостоятельно решать проблему своего политического статуса.

¹ См.: Ожиганов Э. Этнонациональные конфликты в Республике Грузия: Южная Осетия и Абхазия. – М., 1994. – С. 3.

В противовес этому, осетинская позиция апеллировала к двум законодательным актам, принятым в Москве Съездом народных депутатов: «Закону о порядке выхода союзной республики из состава СССР» апреля 1990 года и «Закону о разграничении функций между Центром и субъектами федерации» июня того же года, «предусматривавшие заметное повышение прав советских автономий»¹ и которые «как бы поощряли автономии бороться за суверенитет против большинства в некоторых многонациональных союзных республиках, стремившихся к независимости (Молдова, Грузия)».²

Эти законы предоставляли с осетинской точки зрения реальные права автономиям самостоятельно решать вопросы своего национально-государственного устройства, включая и определение политического статуса. Помимо этого, в Южной Осетии довольно часто апеллировали к «параду суверенитетов», проходившему по всей территории СССР, в период которого автономные образования в одностороннем порядке провозглашали повышение своих политических статусов.

Другое обоснование разрыва с Грузинской ССР – это угроза возможного и скорого выхода Грузии из СССР, что могло лишить Южную Осетию, по мнению НФ, возможности самоопределения. При этом ссылки совершались помимо указанных юридических актов на открыто декларировавшиеся в грузинских правительственных кругах заявления о невозможности подписания Грузией нового Союзного Договора и предстоящем скором выходе Грузии из состава СССР.

Возможное политическое противодействие Грузии выходу Южной Осетии из её состава осетинская сторона намеревалась нейтрализовать «поддержкой Москвы». По мнению НФ Южной Осетии, несмотря на развал СССР, Центр старается удержать дезинтеграцию страны под контролем и сохранить свои стратегические интересы в этом регионе. Более того, согласно своим публичным заявлениям, НФ, скорее всего, в тот период так до конца и не верил,

¹ Зверев А. Этнические конфликты на Кавказе, 1988-1994 // Спорные границы на Кавказе / Под ред. Б.Коппитерса. – М., 1996. – С. 49.

² Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. – М., 2001. – С. 162.

что могущественный Центр, обладающий столь мощным репрессивным аппаратом принуждения, позволит союзным республикам и Грузии в частности выйти из состава СССР. Поэтому, по мнению лидеров НФ «идея выхода Грузии из СССР была абсурдом».¹

Другое представление, также распространявшееся в Южной Осетии, состояло в попытках отождествления традиционных тесных связей Осетии с Россией, которая не должна была упустить из-под своего влияния и контроля дружественный регион, с политическими факторами. Поэтому осетинские позиции обосновывались и тем, что, несмотря на всю проблемность осуществления выхода из Грузии, Южная Осетия найдет достаточную опору и поддержку в этом деле со стороны Союзного Центра, олицетворявшего в определенном плане собой Россию.

И на самом деле прецеденты этой помощи были настолько очевидны, что на них можно было и ссылаться. НФ обращал внимание населения на помощь Москвы, когда части МВД СССР 23 ноября 1989 года не дали произойти столкновению грузинских демонстрантов с населением Цхинвала. Помимо этого, за несколько дней до проведения всеобщих выборов в Верховный Совет ЮОСР 9 декабря 1990 года в Цхинвал были введены дополнительные части МВД СССР для обеспечения законности выборов и защиты Южной Осетии от возможных посягательств. Командование этих сил заверило население, что не позволит осуществиться какой-либо угрозе и агрессии со стороны и Южная Осетия получит возможность мирным и законным путем осуществить свою коллективную волю.

Грузинская сторона также обосновывала свои действия этническими интересами. Суть грузинской аргументации определялась необходимостью снятия угрозы и опасности грузинским национальным интересам, якобы исходившей от осетинской автономии и даже осетинского этноса. Решение Верховного Совета Грузии об отмене повышения югоосетинского статуса грузинское нацио-

¹ Чочиев А.Р. Уроки игры на бойне. – Цхинвал, 1994. – С. 23.

нальное движение аргументировало незаконностью, неконституционностью этой акции, и её противоречием грузинским национальным интересам.

Целью же похода на Цхинвал грузинское национальное движение публично провозглашало стремление «объяснить осетинам цели и задачи борьбы грузинского народа»,¹ которая имела полускрытый и полуофициально декларируемый подтекст: «осетин надо поставить на место» и по мере возможности установить грузинский контроль в Цхинвале и по всей Южной Осетии.²

Подтекстовые цели, учитывая масштабы мероприятия, выглядели более или менее близкими к реальности, поскольку значительное численное превосходство «мирных демонстрантов» могло привести, действительно, к захвату города и установлению контроля над ним. Во всяком случае, это было возможно чисто теоретически. С этой целью в «мирной демонстрации» наряду с огромной массой ничего не подозревавших людей, принявших участие в этой акции из мирных соображений, состояли также и вооруженные боевики-неформалы.

Упразднение ЮОАО было также заявлено с грузинской стороны как ответная реакция на повышение югоосетинского статуса, приведшее к сецессии, как мера вынужденного характера, предпринятая с целью восстановления нарушенного статус-кво: национально-государственного устройства ГССР и ее территориальной целостности, т.е. в русле защиты грузинских национальных интересов.³

Именно в этом плане новая грузинская элита старалась преподнести союзной и мировой общественности акцию Южной Осетии как антиконституционную сецессию и нарушение целостности грузинских границ. А упразднение АО при этом было квалифицировано как решительная акция грузинского правительства с целью восстановления справедливости и защиты грузинских национальных интересов в этом регионе Грузии.

В своей речи на сессии Верховного Совета Республики Грузия, принявшей решение об упразднении ЮОАО, Председатель Верховного Совета

¹ Саришвили И. Друга критикуй открыто // Тбилиси. – 1989. – 9 дек.

² См.: Сценарии, разработанные Кремлем (ред. ст.) // Сакартвело. – 1989. – 15 дек.

³ См.: Выступление З.Гамсахурдиа на сессии ВС РГ 11 дек. 1990 // Заря Востока. – 1990. – 14 дек.

З.Гамсахурдиа так изложил грузинскую позицию: «Мы могли в отношении Южной Осетии предпринять ответные законодательные акты, направленные на исправление создавшейся ситуации. Однако это бы привело лишь к очередной «войне законов». Мы должны предпринять решительные акции против Южной Осетии, которые бы окончательно, раз и навсегда, покончили с осетинской проблемой в Грузии».¹

Суть осетинской проблемы в изложении З.Гамсахурдиа заключалась в том, что осетины на территории Грузии являются «всего лишь нацменьшинством, имеющим право лишь на национально-культурную автономию и не более».² Такая постановка осетинского вопроса на высшем государственном уровне высвечивала упразднение югоосетинской автономии с совершенно иной стороны. В реальности получалось, что упразднение АО было осуществлено не в ответ на югоосетинскую сецессию, а в силу отрицания легитимности этнотерриториальной автономии вообще как таковой. А осетинские действия в этом плане следует рассматривать как использование наиболее подходящего повода для намеченной акции.

Таким образом, кризисы легитимности и идентичности, охватившие СССР в период его распада, оказали значительное воздействие на процессы становления новых политических элит в национальных регионах. Именно их воздействием объяснялось и появление двух наиболее актуальных задач, с которыми столкнулись новые элиты в процессе своего формирования – это решение этнонациональных задач своих этносов и решение проблемы власти внутри этих этносов. При этом достаточно очевидно проявился приоритет последней задачи, поскольку без решения проблемы власти разрешение этнонациональных проблем становилось весьма спорным.

Изложенный выше материал позволяет заключить, что основными иницилирующими силами грузино-осетинского политического противостояния явились национальные движения, формировавшиеся как в Грузии, так и в Южной

¹ Речь Председателя ВС РГ З.Гамсахурдиа на сессии ВС 11 декабря // Заря Востока. – 1990. – 14 дек.

² Речь Председателя ВС РГ З.Гамсахурдиа на сессии ВС 11 декабря // Заря Востока. – 1990. – 14 дек.

Осетии в условиях полного паралича и развала советской государственности, сопровождавшегося падением «старых» и появлением «новых» политических элит. При этом процесс консолидации новых этнических элит на базе этнонациональной идейно-политической платформы способствовал проникновению межэтнических противоречий и противостояния в сферу политики и **дальнейшему развитию конфликтной ситуации** в грузино-осетинских отношениях.

2.2. Внутриполитическая борьба и её роль в эволюции конфликтных отношений

Консолидация новых этнических элит в Грузии и Южной Осетии неизбежно сопровождалась усилением их активности и включением в борьбу за власть в обоих регионах. Поэтому выявление политического фактора в грузино-осетинском конфликте и роли политических элит в его инициировании и эскалации невозможно, на наш взгляд, без рассмотрения также и фактора **политической борьбы** за власть внутри обоих этносов, «поскольку взаимодействие новых и старых элит, мотивация их стремлений к власти и привилегиям может многое объяснить в анализе причин периодически возникающих конфликтов».¹

Вопрос о власти является центральным в определении политического поведения и активности элит в любой ситуации, а в ситуации социально-политических кризисов и потрясений в особенности. По мнению исследователей «политическая власть имеет под своим контролем подавляющую часть ресурсов и служит источником доходов и привилегий; вокруг политической власти, поэтому разгорается острая борьба политических сил частей элит».² Тем более, что «конфликты постсоветского пространства прямо и непосредственно связаны с происходящими внутри элиты беспрецедентным переделом отношений власти и собственности по всей «вертикали» и «горизонтали» бывшего советского общества».³

Поэтому в этом плане значительную научную актуальность приобретает выявление характера внутриполитической борьбы за власть в Южной Осетии и Грузии и определении её роли в эволюции конфликтных отношений, тем более что конфликты в Грузии в отечественной литературе характеризуются как «конфликты, рождаемые и/или усиливаемые идущей в отдельных частях быв-

¹ Иванов В.Н. Конфликтология: проблемы становления и развития // Социально-политический журнал. – 1994. – №7-8. – С. 52.

² Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования) / Под. ред. Е.И.Степанова. – М., 1999. – С. 162.

³ Косолапов Н.В. Конфликты постсоветского пространства: политические реалии // МЭМО. – 1995. – №11. – С. 45.

шего СССР острой внутривластной борьбой (чаще всего на клановой основе)».¹

Для решения этой задачи следует обратиться к анализу расклада политических сил в Грузии и Южной Осетии накануне конфликта.

Картина расклада сил на политической арене Грузии характеризовалась противостоянием двух основных сил – правящей Компартии и национального движения. Политические позиции Компартии характеризовались резким падением её авторитета и популярности в народе, обусловленным её неспособностью справляться с кризисной ситуацией.

В противовес Компартии национальное движение стало быстро набирать силу. Идеино-организационное оформление грузинского национального движения произошло в результате перегруппировки сил и консолидации разрозненных группировок внутри движения, осуществленных в мае 1990 года на Национальном Съезде в Тбилиси. Эти процессы завершились, в конечном счете, становлением двух основных течений, когда «две позиции вскоре вылились во вполне четкие политические платформы в зависимости от различного отношения к существующим структурам власти: радикалы и либералы, или умеренные».²

В начальный период различия между ними не были столь заметны, поскольку и те и другие декларировали приверженность общенациональной идее – политической независимости Грузии, а «независимость никогда не была «спорным вопросом» в грузинском обществе».³ Однако по мере усиления и накопления сил, в процессе определения тактики и стратегии политической борьбы за власть в республике политические позиции радикалов и умеренных, несмотря на приверженность общим целям, стали в значительной степени расходиться и «основным вопросом грузинского политического дискурса стала оппо-

¹ Конфликты в СНГ: некоторые вопросы методологии исследования (дискуссия) // МЭМО. – 1994. – №8-9. – С. 64.

² Нодия Г. Политическая смута и этнотерриториальные конфликты в Грузии // Спорные границы на Кавказе / Под ред. Б.Копитерса. – М., 1996. – С. 79.

³ Там же. – С. 79.

зиция между средствами достижения независимости».¹ Это расхождение с неизбежностью стимулировало обострение межпартийной политической борьбы, приведшее к более жесткому идейно-политическому размежеванию и последующему фактическому расколу в национальном движении.

Радикальное крыло национального движения оформилось после Национального Съезда в избирательный блок «Круглый Стол-Свободная Грузия» (КС-СГ) во главе с бывшим советским диссидентом Звиадом Гамсахурдиа.² Он неожиданно вышел на первые роли после смерти в автокатастрофе другого не менее популярного в Грузии радикального деятеля Мераба Костава, бывшего сокамерника Гамсахурдиа в советской тюрьме, возглавившего единолично летом 1989 года т. н. «абхазский поход» на Сухуми.

В период политической борьбы за власть этнонациональная тематика, среди которой особенной популярностью стала пользоваться проблема нацменьшинств в Грузии, стала ведущей в идеологической платформе грузинских радикалов. При этом в отношении проблемы меньшинств радикалы использовали «агрессивную риторику и бескомпромиссную позицию, способствующую взрыву в автономиях».³ Вся предвыборная кампания и идеологическая платформа Гамсахурдиа, призывавшего грузинское население братья за оружие, т.е. к фактическому объявлению войны всем нацменьшинствам в Грузии и осетинам в том числе, была построена на радикальных лозунгах. Именно на этой основе радикалы стремились формулировать идейно-политическую альтернативу правящей компартии.

Умеренное крыло, оформившееся также на Национальном Съезде в т.н. Координационный Центр, апеллировало преимущественно к наиболее либеральным слоям населения и было представлено, в первую очередь передовыми кругами грузинской интеллигенции. В силу слабости своих политических позиций, обусловленной низкой популярностью в массах, умеренное крыло отка-

¹ Нодия Г. Политическая смута и этнотерриториальные конфликты в Грузии // Спорные границы на Кавказе / Под ред. Б.Коппитерса. – М., 1996. – С. 77-78.

² См.: Гачечиладзе Р.Г. Многопартийные выборы в Грузии // Социс. – 1991. – №5. – С. 58.

³ Нодия Г. Образ Запада в грузинском сознании // Этнические и региональные конфликты в Евразии. – М., 1999. – Кн. 3. – С. 162.

залось от участия в политической борьбе за власть в республике, финал которой уже отчетливо маячил на горизонте – выборы в Верховный Совет Грузии должны были состояться в марте 1990 года, но затем под давлением оппозиции были перенесены на осень.

Умеренные осознавали, что составят слабую конкуренцию радикалам и поэтому самоустранились от участия в выборах в высший орган власти в республике. Однако чтобы совсем не лишиться политического имиджа и окончательно не растерять авторитет в народе, они объявили об организуемых ими же параллельных выборах в т.н. Национальный Конгресс, призванный стать высшим органом власти в республике вместо действующего советского Верховного Совета, объявленного ими нелегитимным и оккупационным органом власти.

Реалии грузинской политической борьбы за власть на территории Южной Осетии наиболее отчетливо проявились в период проведения похода на Цхинвал 23 ноября 1989 года. Бессмысленная и авантюрная с точки зрения национальных интересов грузинского народа, эта акция выглядела понятной и даже закономерной в условиях ожесточенной борьбы за центральную власть, развернувшейся в Грузии после апреля 1989 года.

Следует при этом отметить, что хотя эта акция и не достигла запланированного ею авторами результата, она имела определенное политическое значение. Она нанесла серьезный удар по политическим позициям радикалов. В грузинском национальном движении провал цхинвальского похода вызвал резкое усиление межпартийной и внутрипартийной борьбы.

Умеренное крыло предприняло открытые нападки на радикалов и попыталось укрепить свои позиции. С этой целью в Тбилиси через 2 дня после возвращения из Цхинвала в срочном порядке прошел съезд наиболее влиятельной и авторитетной умеренной организации – Национально-демократической партии Грузии.

Принятые резолюции, содержавшие «обращение ко всему негрузинскому населению» республики и активную критику радикалов, были фактически на-

правлены на использование создавшейся ситуации в своих интересах.¹ Критика акции радикалов могла привлечь негрузинское население республики (1/3 от общего состава) в ряды умеренных партий, что могло значительно укрепить их довольно слабый авторитет и влияние и тем самым потеснить радикалов в предстоящей схватке за власть.

Помимо этого, критика «умеренными» цхинвальского похода осуществлялась с намерением апеллировать и к грузинской части населения, поскольку если для негрузин «умеренные» доказывали бессмысленность и ненужность этого мероприятия вообще, то для грузин акцент ставился на ненужности и вредности простого возврата из Цхинвала: «Первой ошибкой было идти на Цхинвал, а вернуться оттуда это уже была вторая ошибка, поскольку у грузин и у осетин могло создаться впечатление, что 100 тыс. грузин испугались 200-300 осетин».²

Радикальное же крыло, которое понесло потери, было вынуждено заниматься восстановлением своих позиций и реанимацией собственного имиджа. Установленная вслед за провалом похода трёхмесячная блокада города уже являлась попыткой получить реванш за проваленную акцию и совсем не растерять свой авторитет в глазах широкой общественности, и в особенности грузинского населения Южной Осетии.

Однако независимо от реальных результатов цхинвальского похода уже сам факт его организации и проведения все же способствовал определенному росту авторитета и влияния радикального крыла в национальном движении. Несмотря на сопротивление и критику со стороны организаций умеренного толка и жесткому противодействию властей, пытавшихся отговорить Гамсахурдиа от этой акции, она была все-таки осуществлена. Лидерам радикалов удалось поднять и направить на Южную Осетию огромное количество народа, организовав его доставку на транспорте в Цхинвал (около 100 км от Тбилиси).

¹ См.: Заявление пресс-секретаря Национально-Демократической партии Грузии И.Саришвили // Тбилиси. – 1989. – 9 дек.

² Там же.

Это была, несомненно, внушительная демонстрация силы и влияния радикалов не только в национальном движении, но и в целом по республике.

На прошедших 28 октября 1990 года выборах в Верховный Совет ГССР, на которых реальную борьбу за голоса избирателей вели радикальный блок «Круглый Стол – Свободная Грузия» (КС-СГ) и Компартия, победу одержал «КС-СГ», получивший 53% голосов избирателей. Председателем ВС ГССР был избран лидер радикалов З.Гамсахурдиа. На втором месте оказалась грузинская компартия, представлявшая официальную власть (29%). По мнению наблюдателей, она «не смогла освободить себя от груза старых представлений, хотя и заявила о своем выходе из КПСС».¹ Ни одна из либеральных партий не смогла преодолеть четырёхпроцентного порога.²

Характерной особенностью этих выборов явилось то, что «народ голосовал за Гамсахурдиа, а это значит, что победил бы любой блок, во главе которого бы стоял Гамсахурдиа».³ Это объяснялось в основном тем, что «народ голосовал не за программу, а за личность, способную избавить нацию от «коммуниста» и поэтому жаждал довериться самому «надежному антикоммунисту».⁴ Поэтому, по мнению экспертов, главным итогом выборов было то, что «популярность лидера во многом определяла успех партии».⁵ Такая картина выборов свидетельствовала об успехе на грузинской политической арене харизматического радикального лидера, пользующегося большой популярностью в массах.

Приход радикального крыла национального движения к власти означал установление в Грузии правления этнократов, когда «с распадом СССР в национальных республиках к власти пришли этнократические элиты».⁶ Этнократия, которую можно определить как «форму политической власти, при которой осуществляется управление экономическими, политическими, социальными и духовными процессами с позиций примата национальных интересов домини-

¹ Гачечиладзе Р.Г. Многопартийные выборы в Грузии // Социс. – 1991. – №5. – С. 57.

² См.: Нодиа Г. Политическая смута и этнотерриториальные конфликты в Грузии // Спорные границы на Кавказе / Под ред. Б. Коппитерса. – М., 1996. – С. 87.

³ Гачечиладзе Р.Г. Многопартийные выборы в Грузии // Социс. – 1991. – №5. – С. 59.

⁴ Гачечиладзе Р.Г. Правда о грузинской зиме // Социс. – 1992. – №8. – С. 7.

⁵ Гачечиладзе Р.Г. Многопартийные выборы в Грузии // Социс. – 1991. – №5. – С. 60.

⁶ Мясников О.Г. Смена правящих элит: «консолидация» или «вечная схватка» // Полис. – 1993. – №1. – С. 55.

рующей этнической группы в ущерб представителям других наций, народностей и национальностей»¹ пытается, как правило, разрешать межэтнические противоречия с позиций этноцентризма и пренебрегает политическими правами меньшинств.² Поэтому «поражение коммунистов на свободных выборах не гарантировало наступление реальной демократии, и место коммунизма занял новый вид авторитаризма, основанный на национализме».³

Расклад политической конъюнктуры в Южной Осетии был также обусловлен противоборством двух наиболее представительных в югоосетинском обществе политических сил - югоосетинского Обкома компартии и Народного фронта. Это противостояние между двумя политическими силами фактически оформило основную линию размежевания в политической борьбе.

Апелляция этих сил к разным слоям населения и их попытки проведения политической мобилизации в свою пользу обусловили также определенную поляризацию югоосетинского общества, а формирующиеся симпатии к каждому лагерю фактически обозначили раскол в югоосетинском общественном мнении по вопросу о власти. Попытки московской осетинской диаспоры предотвратить подобное развитие событий в Южной Осетии (письмо генерала К.Цаголова), опасное и губительное перед лицом грузинской опасности, совершенно не имели успеха, поскольку игнорировали реалии югоосетинской политической борьбы.⁴

Основное направление политической борьбы в Южной Осетии было обозначено по линии вытеснения обкома компартии из властных структур и прихода к власти Народного фронта. В этом плане национальная оппозиция прилагала поистине титанические усилия.

НФ удалось организовать массовое движение национального протеста с лозунгами защиты национальных интересов, направленное преимущественно

¹ Тощенко Ж.Т. Этнократия: История и современность. Социологические очерки. – М., 2003. – С.55.

² См.: Волков В.К. Этнократия – непредвиденный феномен посттоталитарного мира // Полис. – 1993. – №2. – С. 45.

³ Нодия Г. Политическая смута и этнотерриториальные конфликты в Грузии // Спорные границы на Кавказе / Под ред. Б.Коппитерса. – М., 1996. – С. 77-78.

⁴ См.: Осетино-русская тема этноперестроечных уроков. – Пичиджен, 1991. – С. 5.

против главного своего врага – официальной власти в лице Юго-Осетинского обкома компартии. Все лето и осень 1989 года при активном участии оппозиции Южную Осетию и ее столицу Цхинвал захлестнула мощная волна массовых митингов, забастовок и демонстраций. Центральная площадь города стала ареной ежедневных акций протеста с лозунгами защиты автономной области, осетинского языка и осетинского этноса. Политическая направленность этих акций стала настолько очевидной, что центральным требованием выдвигалась немедленная отставка руководства обкома, а лидер НФ В.Газзаев полностью сосредоточил критику на личности Первого секретаря обкома А.Чехоева с использованием личных мотивов.¹

Бездействие областных властей всех уровней в отношении «грузинской проблемы» являлось сильным источником радикализации масс и играло на руку оппозиции, стремившейся использовать это в своих интересах. По сути, в тот период официальная власть в Южной Осетии превратилась в «мальчика для битья», и политическая борьба по всем своим основным признакам стала напоминать игру в одни ворота.

Титанические усилия оппозиции принесли свои плоды. Первый успех в борьбе за власть выразился в вынужденной отставке первого секретаря обкома компартии, подтвержденной на сессии облсовета народных депутатов, проходившей при непосредственном участии и активном давлении лидеров оппозиции.

Однако проблема власти в тот период в Южной Осетии еще не была решена. Первый секретарь обкома, управлявший областью, был отстранен и обком обезглавлен, но оппозиции еще не удалось самой взять власть в свои руки. Борьба была впереди, поскольку старую власть сломать не удалось, ей был нанесен, хотя и мощный, но всего лишь один удар.

Политическое значение этого успеха, однако, трудно было переоценить с точки зрения борьбы за власть в Области. Это событие фактически означало превращение оппозиционного движения из узкой группы югоосетинских ин-

¹ См.: Чочиев А.Р. Уроки игры на бойне. – Цхинвал, 1994. – С. 40.

теллектуалов в более или менее организованную и идейно оснащенную политическую силу, реальный фактор в общественно-политической жизни Южной Осетии. Именно с этого периода чаша политических весов стала медленно, но неуклонно склоняться на сторону национальной оппозиции, уже взявшей в свои руки инициативу. Старая власть вступила с этого периода в полосу глубокой депрессии и агонии и окончательный приход к власти оппозиции, по всеобщему признанию, становился лишь вопросом времени.

Однако эта победа вскоре сменилась некоторым проигрышем. Поход грузинского неформалитета на Цхинвал нанес серьезный удар по политическим позициям и завоеваниям НФ и практически отсрочил его приход к власти на целый год. Эти события оказали в то же время серьезное воздействие на общий ход югоосетинского политического процесса.

В результате этого похода югоосетинский Народный фронт оказался в состоянии временного паралича. Это было обусловлено тем, что в кризисных условиях НФ обнаружил свою полную неспособность управлять ситуацией, что свидетельствовало о политической незрелости и неорганизованности движения, а также незрелости ее лидеров. Несмотря на все свои усилия НФ не удалось взять ситуацию под свой контроль, лидеры его проявили медлительность и фактически побоялись взять ответственность на себя в кризисной ситуации.

Поход грузинских националистов на Цхинвал явился большой неожиданностью для лидеров НФ, которые довольно наивно отвергали саму возможность осуществления подобной акции с грузинской стороны, а тем более блокады города, и были просто-напросто не готовы к подобной ситуации. Нашествие застало их врасплох, нанесло сильный удар и значительно дискредитировало НФ в глазах населения.

В области все чаще стали раздаваться требования упразднить эту организацию. Наиболее настойчиво эту линию стремился провести в жизнь приехавший из Москвы в Цхинвал генерал К.Цаголов. Он попытался взять ситуацию под свой контроль, организовать переговорный процесс, а впоследствии и воз-

главить югоосетинский обком, вытеснив, таким образом, НФ с югоосетинской политической сцены.

Однако, уход НФ с политической арены не состоялся. Это оказалось возможным в силу отсутствия какой-либо реальной политической альтернативы его курсу в югоосетинском обществе в условиях резкой эскалации кризиса грузино-осетинских отношений, который в первый раз с 1920 года развел Южную Осетию и Грузию по разные стороны военного противостояния. В условиях назревавшей войны с Грузией, НФ воспринимался населением при всех издержках, но все же, как единственный защитник национальных интересов. Именно этим объяснялся факт того, что лидерам движения удалось отстоять и сохранить НФ.

Сохранение за НФ политических позиций обусловило его дальнейшее участие в политической борьбе за верховную власть в области, приведшей в конце лета – начале осени следующего, 1990 года к победе НФ. Это оказалось возможным в основном в силу того, что основной политический противник НФ – Югоосетинский обком партии не смог уже оправиться от нанесенного ему поражения.

Более того, позиции и авторитет обкома в югоосетинском обществе оказались значительно подорваны назначением на должность Первого секретаря практически неизвестного в народе и проживавшего в Грузии В.Цховребашвили, который «был грузином по национальности, привезен из-за пределов Осетии и назначен по согласованию с кланом Гамсахурдиа – такого букета раздражителей при назначениях заместителей в Осетию не бывало как в самые мрачные, так и в самые безоблачные времена».¹ Не проживая в Южной Осетии и не разбираясь в югоосетинских реалиях того времени, ему не удалось наладить диалог с югоосетинской общественностью и укрепить обком. Окончательный удар по обкому был нанесен отменой в начале 1990 года 6-ой статьи Конституции СССР о роли КПСС, что на практике делегитимировало его госу-

¹ Осетино-русская тема этноперестроечных уроков. – Пичиджен, 1991. – С. 62.

дарственно-правовой статус. В силу этих обстоятельств развал обкома значительно облегчал для Народного фронта решение его политических задач.

Прийти к власти в 1990 году НФ удалось в результате активных усилий по осуществлению повторного повышения югоосетинского статуса. На практике это вылилось в Декларацию о Суверенитете от 20 сентября 1990 года, а затем и в провозглашение Юго-Осетинской Советской Демократической Республики и в формирование Временного Исполкома, призванного осуществлять практическую власть до проведения всеобщих выборов в Верховный Совет новой республики.

Председателем Временного Исполнительного комитета был избран Т.Кулумбеков – креатура НФ.¹ Председатель НФ занял пост его заместителя, разные посты в правительстве новой республики получили и другие лидеры НФ, что знаменовало фактический их приход к власти. Т.Кулумбеков, будучи в свое время смещен с партийных постов и находясь в постоянной личной и политической оппозиции к высшему руководству обкома, представлял в югоосетинской политике оппозиционную часть партийной элиты, пользовавшейся определенными симпатиями и поддержкой в обществе: «он был фигурой объединения прокоммунистической массы со всеми, кто в оппозиции к «нечестному» обкому».² Поэтому фигура Т.Кулумбекова на первых ролях символизировала союз национального движения с недовольной частью партийной номенклатуры, укреплявшей положение национального движения во власти. Такой симбиоз наглядно характеризовал специфику процесса становления югоосетинской контрэлиты.

Таким образом, оппозиционное национальное движение НФ, длительный период пытавшееся взять в свои руки бразды правления, наконец, пришло во власть, что означало установление в Южной Осетии режима т.н. «радикальных демократов».

¹ См.: Чочиев А.Р. Уроки игры на бойне. – Цхинвал, 1994. – С. 46.

² Там же. – С. 46.

Следовательно, приход к власти в Южной Осетии и Грузии новых этнических элит был осуществлен в результате острой борьбы за власть, развернувшейся внутри обеих этнических групп. При этом, особенностью процессов политической борьбы за власть в обоих регионах явилось их крайне негативное влияние на общее состояние грузино-осетинских отношений. По мнению В.Н. Иванова «трансформировав национальную идею в националистическую, пришедшие (или стремящиеся) к власти на местах национальные элиты при поддержке радикальных групп в политических движениях выступили с призывами, не способствующими оптимизации межнациональных отношений; под их прикрытием развернулась борьба за власть, территорию, ресурсы».¹

Основная конфликтогенность фактора политической борьбы в грузино-осетинских отношениях была обусловлена на наш взгляд её чрезмерной радикализацией, проявившейся, прежде всего, в сильной радикализации национальных движений в обоих регионах, когда «радикализм, крайности и непримиримость были характерны для позиций всех вовлеченных в конфликт сторон».²

Доминирование радикальных движений в политической жизни Южной Осетии и Грузии объяснялось опорой новых этнических элит на недовольные советским режимом социальные слои, активизировавшие свое участие в политическом процессе вследствие резкого падения жизненного уровня и изменения своих социальных статусов.

Поскольку значительное число населения в кризисный период оказалось на грани бедности и нищеты, то центральный компонент в социальной базе новых элит Южной Осетии и Грузии стало составлять «унаследованное от тоталитаризма люмпенизированное и деструктурированное общество с маргинальным «болотом», податливым на национальные лозунги».³

С другой стороны, резко возросший в социальной структуре общества удельный вес люмпенов, «в первую очередь подверженных идейной дезориен-

¹ Иванов В.Н. Межнациональные конфликты: социо-психологический аспект // Социс. – 1992. – №4. – С. 19.

² Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. – М., 2001. – С. 162.

³ Волков В.К. Этнократия – непредвиденный феномен посттоталитарного мира // Полис. – 1993. – №2. – С. 46.

тации»,¹ плюс обострение национальных чувств, наиболее значительное на национальных окраинах, обусловили значительную радикализацию общественных настроений в Грузии и Южной Осетии. Поэтому предвыборная риторика новых элит, пытавшихся апеллировать к многочисленным неимущим люмпенам, центральным девизом которых со времен Древнего Рима выступает «война всех против всех» и «хлеба и зрелищ»,² отличалась крайним радикализмом. Это обусловило в свою очередь радикализацию и самих элит.

В силу этих причин новые политические элиты и в Южной Осетии, и в Грузии превратились, по сути, в радикальные политические элиты, формировавшие в политической жизни обоих этносов и также в сфере этнополитики актуальную проблему политического радикализма.

Так, например, в Грузии национальное движение опиралось в значительной степени на поддержку тех социальных групп, положение которых резко пошатнулось в период кризиса СССР. По мнению А.А.Цуциева «союз грузинского интеллектуала с сельской и городской шпаной - самая яркая черта гамсахурдиевской революции».³

По данным социологических опросов периода 1990-1991 гг. грузинские радикалы во главе с Гамсахурдиа «опирались на поддержку рабочих, служащих, женщин, пенсионеров в целом отличающихся невысоким образовательным уровнем, которые и составляли большинство избирателей».⁴ По мнению экспертов, «Гамсахурдиа поддерживали люмпенизированные элементы, для которых главное — хлеба и зрелищ (хотя бы в форме шоу-митингов перед Верховным Советом)».¹

Другим фактором, существенно радикализировавшим грузинское национальное движение, явился разгон мирной демонстрации 9 апреля 1989 года в

¹ Кандель П.Е. Национализм и проблема модернизации в посттоталитарном мире // Полис. – 1994. – №6. – С. 10.

² Коргунюк Ю.Г. Политическая элита современной России с точки зрения социального представительства. Часть I // Полис. – 2001. – №1. – С. 33.

³ Цуциев А.А. Перспективы урегулирования осетино-грузинского конфликта в Южной Осетии и вокруг неё // Бюллетень Центра социальных и гуманитарных исследований Владикавказского института управления. – 1999. – №2. – С. 101.

⁴ Гачечиладзе Р.Г. Правда о грузинской зиме // Социс. – 1992. – №8. – С. 7.

Тбилиси, сопровождавшийся человеческими жертвами, который был воспринят в грузинском обществе как попытка России воспрепятствовать обретению Грузией национальной независимости.

Успехи радикалов на выборах свидетельствовали о том, что «Грузия была единственная республика, где «непримиримый» радикальный менталитет доминировал над оппозиционной политической программой и действиями».²

В Южной Осетии резкое обострение грузинского вопроса и обострение вследствие этого национальных чувств стали основными факторами радикализации осетинского Народного фронта, опиравшегося в социальном плане также на поддержку люмпенизированной массы.

Югоосетинские радикалы выступили с позиций признания разрыва с Грузией и вхождения в состав СССР с последующим воссоединением с Северной Осетией в качестве единственно возможного средства и метода разрешения грузино-осетинских противоречий. Эти лозунги выражались в основном в призывах к крайним и решительным формам реализации этнонациональных интересов – скорейшему и немедленному разрыву с Грузией, быстрейшему вхождению в состав СССР или Российской Федерации, немедленному, в течение буквально нескольких дней и даже часов, отстранению от власти Первого секретаря обкома и т.д.

Однако, в отличие от Грузии, в Южной Осетии национальному движению удалось избежать призывов к насильственным средствам разрешения противоречий в сфере межнациональных отношений, что было весьма характерно для грузинских радикалов.

На практике конфликтогенность фактора внутривнутриполитической борьбы наиболее отчетливо проявилась в реальных результатах осуществленных в процессе этой борьбы политических акций, которые неопровержимо свидетельствовали о достижении не публично декларируемых целей, а о получении прямо противоположных результатов. Их осуществление не только не привело к за-

¹ Там же. – С. 10.

² Нодия Г. Политическая смута и этнотерриториальные конфликты в Грузии // Спорные границы на Кавказе / Под ред. Б.Коппитерса. – М., 1996. – С. 81.

щите этнонациональных интересов сторон, но и нанесло им колоссальный ущерб и имело крайне неблагоприятное воздействие как на положение самих этносов, так и на общее состояние их двусторонних отношений.

Осуществление таких акций в реальности привело не к нейтрализации факторов-возбудителей межэтнической напряженности – «грузинской агрессии» и «осетинского сепаратизма», – а их значительному усилению и превращению в единственные качественные характеристики общего состояния двусторонних отношений между Южной Осетией и Грузией: осложнению и резкому ухудшению двусторонних отношений, оказавшихся в состоянии межэтнического кризиса и последующего конфликта.

Так, например, для Южной Осетии «абхазское письмо» было с благодарностью воспринято в Абхазии, ощутившей пусть лишь моральную, но все же руку помощи в кризисный для нее период. Опубликование этого письма в гудатской газете «Бзыбь» было осуществлено, скорее всего, с целью вызвать определенный душевный подъем и энтузиазм среди населения, крайне озабоченного ходом абхазо-грузинского противостояния. И в этом смысле этот шаг, безусловно, отвечал абхазским этническим интересам.

Что же касается Южной Осетии, то это письмо сыграло скорее отрицательную, чем положительную роль в плане защиты югоосетинских национальных интересов, поскольку автоматически квалифицировало общую картину грузино-осетинских отношений по линии «друг-враг», открытая декларация чего со стороны Южной Осетии в тот период являлась скорее аномальной, чем нормой.

Опубликованное в грузинских СМИ «абхазское письмо» имело ошеломляющий эффект в бурлящем и кипящем национальными страстями городе Тбилиси и всей остальной Грузии, когда «лидеры и пресса занимают откровенно негативную позицию и языком общения становятся требования, угрозы, ультиматум».¹ Восприятие изложенных в абхазском письме осетинских позиций

¹ Разрешение конфликтов. Пособие по обучению методам анализа и разрешения конфликтов. Международная тревога. – М., 1999. – С. 26.

имело в Грузии весьма эмоциональный характер, поскольку выражение союзнической поддержки абхазов – противников грузин автоматически было ассоциировано с выражением антигрузинских позиций.

Изложенные в письме от имени председателя национального движения Южной Осетии позиции по отношению к довольно большой и острой проблеме абхазо-грузинских межэтнических противоречий трактовались грузинской стороной как выражение официальных осетинских позиций и почти как объявление войны всей Грузии от имени Южной Осетии.

Это способствовало эволюции межэтнических отношений по линии резкого противопоставления и формирования в конечном счете по принципу «друг моего врага – мой враг»¹ в лице осетинского этноса образа врага, становящегося «индикатором быстрой эскалации конфликта».²

Таким образом, абхазское письмо способствовало ухудшению грузино-осетинских отношений, которые и без того находились в непростом состоянии. Это объективно способствовало резкой эскалации грузино-осетинского кризиса, вступившего с этого момента в необратимое русло политического противостояния.

Декларируемые цели обоих повышений югоосетинского политического статуса также не были также достигнуты.

В первом случае, Южная Осетия вместо обещанного статуса республики была вынуждена вернуться к прежнему статусу области. Это произошло вследствие того, что югоосетинская декларация от 10 ноября 1989 года об автономной республике была через пять дней отменена Верховным Советом Грузинской ССР.

Осетинские акции, предусматривавшие повышение статуса Южной Осетии также оказали крайне неблагоприятное воздействие на грузино-осетинские отношения. В период первого повышения югоосетинского статуса осетинская

¹ Ачкасов В.А. Этнополитическая мобилизация: структура ресурсов и процесс развертывания // Вестник Московского университета. Сер.12. Политические науки. – 1998. – №4. – С. 63.

² Разрешение конфликтов. Пособие по обучению методам анализа и разрешения конфликтов. Международная тревога. – М., 1999. – С. 26.

автономия подверглась разорительному нашествию грузинских националистов, использовавших эту осетинскую акцию как повод для своей ответной акции – похода на Цхинвал 23 ноября 1989 года.

Население города испытало тяжелый психологический шок и травму от подобных событий – нашествия на город и блокады, состоявшихся в условиях мирного времени и пока еще единого государства СССР. Перебои с обеспечением продовольствия и особенно первой медицинской помощи дополнительно усиливали психоэмоциональный стресс населения, которое, помимо всего столкнулось с давно забытым и искорененным при советской власти явлением – перекрытием дорог и захватом заложников и издевательствами над ними.

Последствия этого нашествия были наиболее удручающи в условиях отсутствия фактического руководства Области. Незадолго до этого Первый секретарь обкома партии, пока еще остававшийся центральной властной фигурой в области, был вынужден подать в отставку. Более того, с его уходом официальная власть автоматически перешла ко второму секретарю В.Гохелашвили – грузину по национальности, который даже в силу партийно-номенклатурных полномочий обязан был защищать интересы не автономной области, а Грузинской ССР. И в этой ситуации республиканские партийные органы не торопились с назначением нового Первого секретаря, который согласно неофициальной партийной традиции должен был быть по национальности осетином.

Отсутствие легитимного руководства в области и реальных легитимных рычагов власти обусловили неуправляемость ситуации с осетинской стороны, что значительно ухудшало общую картину противостояния для осетинской стороны и обостряло его негативные последствия.

Поэтому политическая жизнь Южной Осетии того периода мгновенно оказалась в состоянии разброда, анархии и хаоса. Как следствие фактического паралича власти в городе стали стихийно организовываться различные штабы и центры, пытавшиеся отчаянно ввести процесс в организованное и контролируемое русло, но успеха не имели. Порой складывалась такая ситуация, что попытки организации и налаживания переговорного процесса с грузинской сто-

роной натывались на полное отсутствие какого-либо более или менее представительного и легитимного субъекта переговоров с осетинской стороны.

Этнонациональные цели, ставящиеся в период второго повышения осетинского статуса также не были достигнуты.

Во-первых, союзные власти в Москве не одобрили эти шаги югоосетинского руководства. Об этом первый раз официально заявил Председатель Совета Национальностей ВС СССР Рафик Нишанов во время своего официального визита в Тбилиси. Эта позиция была впоследствии также официально подтверждена постановлением ВС СССР и в Указе Президента СССР М.С. Горбачева от 7 января 1991 года. В результате Южная Осетия не получила официальной правовой поддержки Союзного Центра.¹ Более того, ВС РГ решением своей сессии от 11 декабря 1990 года полностью упразднил статус автономной области и ввел режим чрезвычайного положения на ее территории.

Во-вторых, в результате происшедшего конфликта национальные позиции и интересы Южной Осетии, совершенно неподготовленной и беззащитной перед лицом вооруженного вторжения, оказались сильно поколеблены и ущемлены. Более 100 населенных пунктов было уничтожено в ходе грузинской агрессии, около 1000 человек погибло. Общая сумма материального ущерба составила миллиарды рублей.²

Часть населения Южной Осетии мигрировала на Северный Кавказ. Обещанные национальным движением цели – присоединение к СССР и к России – не были достигнуты. Верховный Совет СССР и Съезд народных депутатов СССР два раза отказывали Южной Осетии в просьбе подписать самостоятельно новый Союзный договор. Россия также отвергла, по сути, все попытки Южной Осетии войти в ее состав и интегрироваться с Северной Осетией. Поэтому вместо обещанной интеграции с Россией Южная Осетия получила затяжной конфликт с Грузией.

¹ См.: Южная Осетия: хроника событий. – Цхинвал, 1996. – С. 79.

² См.: Пять лет Республике Южная Осетия: Официальные материалы. – Цхинвал, 1996. – С. 85.

Вследствие конфликта статус Южной Осетии фактически повис в воздухе, превратившись в предмет политического торга между Россией и Грузией и тяжелую и неразрешимую для нее самой политическую проблему. В результате конфликта Южная Осетия превратилась по сути дела в буферное между Россией и Грузией, до сих пор непризнанное международным сообществом государственное образование.

Более того, через месяц после второго повышения югоосетинского статуса в ночь с 5-го на 6-ое января 1991 года грузинская милиция осуществила неожиданный и беспрепятственный захват города, заняла его центр и наиболее важные узлы жизнеобеспечения: правительственные здания, банк, почту, телеграф и т.д., фактически инициировав тем самым начало вооруженного конфликта на территории Южной Осетии.

Картина результатов грузинских акций складывалась почти аналогично: декларируемые цели политических акций новой грузинской элиты не были достигнуты.

Немедленная отмена первого повышения югоосетинского статуса в одностороннем порядке без какого-либо обсуждения и согласования с осетинской стороной способствовала дальнейшей радикализации общественного мнения и росту антигрузинских настроений в Южной Осетии.

Цхинвальский поход вопреки всем планам и обещаниям национального движения окончился также неудачно. Декларируемые цели похода из-за противодействия осетинской стороны не были достигнуты. Колонна грузинских демонстрантов была остановлена осетинской молодежью на узкой въездной дороге в Цхинвал со стороны Тбилиси, и проведение митинга в центре города было сорвано. Более того, этот поход грузинского национального движения привел к первой вспышке вооруженного противостояния между Южной Осетией и Грузией, сопровождавшейся человеческими жертвами (погибло 6 человек, около 500 человек получили ранения различной степени тяжести).¹

¹ См.: Ожиганов Э. Этнонациональные конфликты в Республике Грузия. – М., 1994. – С. 5.

Упразднение же Грузией ЮОАО не было реализовано ни юридически, ни практически. Центральные союзные органы в Москве квалифицировали эту акцию также «как антиконституционную» в Указе Президента СССР от 7 января 1991 года.¹

Упразднение югоосетинской автономии привело к усилению межпартийной борьбы, вызвав острую критику и в лагере либералов, которые «описали решение Гамсахурдиа отменить ЮОАО как политически неоправданное и преждевременное до тех пор, пока Грузия не стала полностью независимой».²

На практике упразднение осетинской автономии и ввод войск на ее территорию привели не к восстановлению территориальной целостности Грузии и защите, таким образом, грузинских национальных интересов,³ а к дальнейшему развитию процесса сецессии Южной Осетии. В результате Южная Осетия оказалась фактически потеряна для Грузии.

Более того, эта акция, осуществленная грузинским руководством, привела к созданию очага этнокризиса и «способствовала взрыву насилия в регионе».⁴ По мнению Г.Нодиа «отмена югоосетинской автономии грузинским парламентом в декабре 1990 года была неразумным политическим шагом, поскольку её единственным и легко предсказуемым результатом могло быть насилие с многочисленными зверствами с обеих сторон, за упразднением ЮОАО последовала война».⁵ Согласно А.Русецкому «националистически ориентированному грузинскому руководству не удалось путем военного давления решить вопрос вышедших из-под контроля Абхазии и Южной Осетии. В результате боевых действий погибли тысячи мирных жителей и сотни тысяч были насильственно перемещены, произошла массовая этническая чистка».⁶

¹ См.: Южная Осетия: хроника событий. – Цхинвал, 1996. – С. 79.

² Зверев А. Этнические конфликты на Кавказе, 1988-1994 // Спорные границы на Кавказе / Под ред. Б.Коппитерса. – М., 1996. – С. 49.

³ См.: Нодиа Г. Политическая смута и этнотерриториальные конфликты в Грузии // Спорные границы на Кавказе / Под ред. Б. Коппитерса. – М., 1996. – С. 95.

⁴ Нодиа Г. Конфликт в Абхазии: Национальные проекты и политические обстоятельства // Грузины и Абхазы: путь к примирению / Под ред. Б. Коппитерса. – М., 1998. – С. 42.

⁵ Нодиа Г. Политическая смута и этнотерриториальные конфликты в Грузии // Спорные границы на Кавказе / Под ред. Б. Коппитерса. – М., 1996. – С. 95.

⁶ Русецкий А. От этноцентризма к общенациональной идее. Факторы устойчивого развития полиэтнического общества. – Тбилиси, 2000. – С. 8.

Следовательно, осуществленные сторонами политические акции, декларировавшие публично защиту этнонациональных интересов, в реальности нанесли серьезный удар по этим интересам. Реальные результаты осуществленных обеими сторонами политических акций свидетельствовали о значительном ухудшении межэтнических отношений, вползающих медленно, но неуклонно в состояние кризиса и противостояния. По мнению грузинских исследователей «как у грузин, так и у осетин из их многочисленных партий никто не был озабочен интересами народа и его благополучием, они боролись за власть и теплые кресла. Естественно, на этой основе участились вооруженные выступления и противостояние».¹

Вышеизложенный материал позволяет заключить, что картина грузино-осетинского политического, а в последствии и вооруженного, противостояния сложилась в значительной степени в результате острой борьбы старых и новых элит за власть внутри обоих этносов, завершившейся победой радикальных национальных движений и их приходом к власти почти одновременно: 28 октября 1990 года в Грузии и 9 декабря 1990 года в Южной Осетии и означавшей фактическую смену элит в обоих регионах.

Можно с определенной долей уверенности предположить, что в случае отсутствия ситуации борьбы за власть и смены элит политическим силам, которые «играют решающую роль в согласовании интересов всех проживающих в полиэтническом государстве этносов»,² вероятно удалось бы найти реальные пути разрешения противоречий и избежать, в конечном счете, вооруженного конфликта. Во всяком случае, им наверняка удалось бы «упростить межэтнические противоречия до состояния, поддающегося управлению».³

В пользу подобного предположения свидетельствует т.н. «договор Гамсахурдиа-Ардзинбы» об этнических квотах 1991 года, содержащий значительные взаимные уступки. Согласно этому соглашению абхазская община (17%

¹ Цотниашвили М.М. Осетинское сепаратистское движение в Грузии и его сущность: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Тбилиси, 1998. – С. 12.

² Хесли В.Л. Национализм и пути разрешения межэтнических противоречий // Полис. – 1996. – №6. – С. 45.

³ Дегоев В.В. Блеск и нищета исторического опыта // Свободная мысль. – 2002. – №5. – С. 66.

населения) получила в местном парламенте 28 мест из 65, грузинская (46%) – 26, тогда как все остальное население (около 37%) было представлено лишь оставшимися 11 мандатами.¹ Таким образом, «абхазская сторона согласилась на решение своей судьбы в рамках грузинского государства, тогда как Тбилиси признавал особые права абхазов как единственного этнического меньшинства в Грузии, которое «автохтонно» и не имеет родины за пределами Грузии».²

Заключение подобного соглашения оказалось возможным в силу того, что с одной стороны, грузинское национальное движение после июльского 1989 года похода на Сухум уже не так активно разыгрывало «абхазскую карту», как осетинскую. Помимо этого после победы национального движения на выборах в октябре 1990 года ситуация борьбы за власть в Грузии уже была преодолена.

С другой стороны, проблема власти в Абхазии в тот период решилась безболезненно. Приход Ардзинбы к власти не сопровождался обыгрыванием «грузинской темы», резким обострением политической борьбы, не привел к поляризации и противостоянию политических сил внутри абхазского этноса, выступавшего в условиях грузино-абхазского кризиса достаточно консолидированно, когда «абхазцы были едины все, общественность и высшие власти сплотились в борьбе за свои права».³

Именно эти два обстоятельства – политическая стабильность абхазского общества и ослабление «абхазского вопроса» и достижение относительной политической стабильности в Грузии – обеспечили возможность появления договора Гамсахурдиа-Ардзинбы и помогли избежать вооруженного конфликта между Грузией и Абхазией в тот период, поскольку «конфликтный потенциал может не реализоваться из-за отсутствия пропагандистской и организационной работы этнических элит».⁴ И это произошло в ситуации, когда грузино-

¹ См.: Нодиа Г. Конфликт в Абхазии: Национальные проекты и политические обстоятельства // Грузины и Абхазы: путь к примирению / Под ред. Б.Коппитеаса. – М., 1998. – С. 42.

² Там же. – С. 43.

³ Осетино-русская тема этноперестроечных уроков. – Пичиджен, 1991. – С. 14.

⁴ Крицкий Е.В. Восприятие конфликта как индикатор межэтнической напряженности // Социс. – 1996. – №9. – С. 118.

абхазские отношения в силу их прежних предпосылок и прежней динамики имели куда больше шансов на обострение и перерастание в вооруженное противостояние, чем грузино-осетинские.

Таким образом, политическая борьба между новыми и старыми элитами, приведшая к смене элит в обоих политических субъектах, явилась непосредственной причиной **трансформации конфликтной ситуации** в межэтнических отношениях **в открытую фазу противостояния**, затем – в вооруженный конфликт между Грузией и Южной Осетией.

2.3. Политические интересы новых этнических элит и механизмы этнополитической мобилизации

Анализ конечных результатов осуществленных сторонами политических акций, проведенный во втором параграфе и выявивший их расхождение с декларируемыми новыми политическими элитами этнонациональными целями, обуславливает постановку вопроса об их реальной политической направленности и о преследуемых новыми элитами реальных политических целях.

Рассмотрение в то же время грузино-осетинского противостояния в контексте реалий политической борьбы за власть между старыми и новыми политическими элитами позволяет выдвинуть предположение о том, что осуществленные сторонами разнонаправленные политические акции в реальности преследовали не этнонациональные, а политические цели и были направлены на реализацию политических интересов исполнивших их политических сил.

В связи с этим представляется на наш взгляд необходимым раскрыть основное содержание политических интересов новых этнических элит, а также выявить механизмы этнополитической мобилизации.

Анализ характера политической борьбы и расстановки политических сил в обоих регионах, проведенный во втором параграфе, показывает, что политические интересы новых этнических элит в предшествующий грузино-осетинскому конфликту период концентрировались преимущественно на проблеме власти, которая в тот период имела для них первостепенное значение. При этом практическая реализация этих интересов осуществлялась через механизмы этнополитической мобилизации.

Так, для грузинской элиты, стремление к власти отчетливо просматривается в осуществленных ею антиосетинских акциях. Анализ грузинских акций, направленных против Южной Осетии, свидетельствует о явном преобладании в них политической составляющей, что выражалось в самом характере и форме их осуществления. Эта составляющая объективно отражала политические интересы набиравшего силу грузинского национального движения.

Так, отмена решения 12-ой сессии Юго-Осетинского облсовета об образовании автономной республики ВС ГССР 16 ноября 1989 года как «неконституционного» состоялось под нажимом оппозиции, которая использовала первое повышение статуса ЮОАО в своих политических интересах, организовав шумную кампанию протеста и давления на правительство. Это свидетельствовало о значительном укреплении политических позиций и влияния национального движения в Грузии после событий 9 апреля.

Однако политическое давление радикалов в ноябре 1989 года не ограничилось отменой югоосетинской декларации. Организация и проведение цхинвальского похода 23 ноября свидетельствовали о серьезном усилении политической активности радикальной оппозиции на политической арене Грузии. Настойчивость и упорство радикалов в проведении подобной масштабной манифестации вопреки всем обстоятельствам и противодействию противоположной «принимающей» стороны указывают на особую заинтересованность организаторов в его осуществлении.

Анализ и сопоставление событий показывают, что наиболее реальной целью, которая могла ставиться организаторами этой акции, – это стремление устроить грандиозную провокацию по типу тбилисской трагедии 9 апреля 1989 года.

Тогда после столкновения таких же «мирных демонстрантов» с войсками в Тбилиси, сопровождавшегося человеческими жертвами, национальное движение резко усилило свои позиции и авторитет, приобретя ореол бесстрашного борца и мученика за свободу Грузии.

Очередное столкновение, теперь уже с осетинами, могло быть вновь использовано радикальными лидерами национального движения, уже имевшими в этом направлении определенный опыт, с целью спровоцировать грандиозное побоище и извлечь из этого политический капитал. Эта провокация, несомненно, должна была быть преподнесена как очередной раунд борьбы национально-го движения, а при определенной интерпретации и обобщении, как и всего грузинского народа за свою независимость. Причем чем жестче было бы столкно-

вание и чем больше было бы жертв, тем более тяжелой, непримиримой и грандиозной могла выглядеть эта борьба.

Следовательно, проведение подобной акции было рассчитано на грандиозный политический эффект. Среди задач в этом плане радикалы ставили пробуждение к политической активности грузинского населения, апеллирование к широкому грузинскому избирателю с целью его привлечения на свою сторону. Подобная направленность подтверждалась заявлениями лидера радикалов Гамсахурдиа и его оценкой проведенной политической акции. «Эта акция способствовала невиданному размаху и активизации национального движения по всей Картли», – заявил он на митинге в соседнем городе Гори на следующий же день после акции.¹ Поэтому, акция была, безусловно, «использована Гамсахурдиа в первую очередь для приобретения им образа национального вождя»² и рассчитана на дальнейшее усиление авторитета и политических позиций радикалов в политической борьбе.

Поэтому, следует признать, что главной целью организации цхинвальского похода явилось стремление усилить свои позиции и заработать авторитет, что указывает на основную причину осуществления этой акции вопреки всем требованиям – активизацию борьбы политических сил Грузии накануне предстоящих выборов в высший орган власти в республике, когда национальная оппозиция в Грузии пыталась «использовать конфликт в Южной Осетии для захвата власти».³ При этом необходимо учитывать, что финал этой борьбы за власть в республике уже отчетливо маячил на горизонте – выборы в Верховный Совет ГССР, на которых должен был окончательно решиться вопрос о власти, должны были состояться в марте 1990 года, т.е. через пять месяцев.⁴

Упразднение югоосетинской автономии имело также политическую подоплеку и было обусловлено скорее реалиями политической борьбы, чем этнонациональными интересами. Эта акция, несомненно, лежала в большей степени

¹ Личный архив А.Г.Маргиева: Сборник документов и материалов. – Т.1. – С. 13.

² Нодия Г. Политическая смута и этнотерриториальные конфликты в Грузии // Спорные границы на Кавказе / Под ред. Б. Коппитерса. – М., 1996. – С. 90.

³ Паин Э.А., Попов А.А. Межнациональные конфликты в СССР // Советская этнография. – 1990. – №1. – С. 7.

⁴ См.: Гачечиладзе Р.Г. Многопартийные выборы в Грузии // Социс. – 1991. – №5. – С. 54.

в сфере политических интересов пришедшей к власти новой грузинской политической элиты, чем отвечала грузинским этнонациональным интересам.

Во-первых, следует учесть характер и состав новой элиты. Состоящая преимущественно из политиков-радикалов нового поколения она не могла похвастаться новой политической культурой, содержащей установки на мирное разрешение конфликтных ситуаций. В этом плане новая грузинская власть опиралась на наследие советского правления, в котором подобные проблемы было принято традиционно разрешать силовым путем.

По оценкам исследователей «в СССР генетически этнократия связана с большевизмом, наследует многие его черты»,¹ поэтому «несмотря на смену внешней атрибутики и лозунгов (даже идеологии) новая элита берет на вооружение прежние же методы управления, обусловленные самой логикой осуществления власти, хотя прежде она их отвергала по моральным соображениям».² Поэтому «Гамсахурдиа перенял не только централизованную систему коммунистического правления, но и её официальную идеологию гражданской войны с упором на образ врага и принцип «кто не с нами, тот против нас»».³

Помимо этого, подобные подходы новой грузинской элиты объяснялись, несомненно, также и «отсутствием демократических традиций в Грузии, сохранением традиционных феодальных ценностей и ориентаций».⁴

Во-вторых, новая элита добилась власти в Грузии в 1990 году на волне яростной этнонациональной пропаганды, отрицавшей легитимность не только этнотерриториальных образований в Грузии, но и законность проживания в Грузии до 1/3 ее населения. Такая идеологическая ангажированность делала новую власть в Грузии заложницей декларируемых в предвыборный период и обыгрываемых ею же в политической борьбе принципов и идей. Этнонациональная идейно-политическая платформа предвыборного периода стала бумерангом теперь уже по самой власти, заставляя принимать меры, популяр-

¹ Волков В.К. Этнократия - непредвиденный феномен посттоталитарного мира // Полис. – 1993. – №2. – С. 45.

² Мясников О.Г. Смена правящих элит: «консолидация» или «вечная схватка» // Полис. – 1993. – №1. – С. 55.

³ Нодия Г. Политическая смута и этнотерриториальные конфликты в Грузии // Спорные границы на Кавказе / Под ред. Б. Коппитерса. – М., 1996. – С. 89.

⁴ Гачечиладзе Р.Г. Правда о грузинской зиме // Социс. – 1992. – №8. – С.5.

ные в народе, но объективно дестабилизировавшие этнополитическую ситуацию в республике. Поэтому в сложившейся ситуации радикальная грузинская элита была вынуждена реагировать на югоосетинскую сецессию с позиций своих идейных установок. Как пишет Д.Б.Малышева «связав свою политическую судьбу с эксплуатацией национальной идеи, некоторые лидеры так и не смогли отойти от неё, поскольку это означало бы конец их политической карьере».¹

Приверженность подобной идеологии, с другой стороны, сформировала в социальном плане определенный электорат радикалов, составивший их социальную поддержку и опору, и фактически приведший их к власти в 1990 году. Зависимость в этой ситуации от радикальных сторонников сильно сохранялась. Возможный разрыв со своим электоратом дестабилизировал положение новой элиты, которая в прямом смысле опасалась потерять власть в случае «умеренной», а не радикальной реакции на югоосетинскую сецессию. По мнению Н.В.Косолапова «конфликтное поведение можно рассматривать как следствие экстремистского общественного сознания и политического поведения, так политический экстремист, не совершающий конфликтных действий, рискует утратить свой соответствующий образ, престиж, а с ними и свое место в кругу единомышленников, а, возможно, и в политической жизни вообще».²

Учитывая реалии Грузии того периода, можно предполагать, что Гамсахурдиа и его окружение могли быть просто-напросто сметены с политической сцены радикальной, националистически настроенной толпой своих же сторонников, не успев еще закрепиться во власти.

В-третьих, недавний приход к власти, когда «процесс смены политических элит на пространствах бывшего СССР находился ещё в самом начале»,³ делал политические позиции радикалов в государственных структурах еще не очень стабильными и прочными. А выход из Грузии Южной Осетии, рассматривавшейся как часть территории страны, означал объективно потерю контроля

¹ Малышева Д. Б. Феномен этносепаратизма на Кавказе и мировой опыт // Центральная Азия и Кавказ. – 1999. – №4. – <http://www/ca-c.org>

² Косолапов Н.В. Конфликты постсоветского пространства: проблемы дефиниции и типологии // МЭМО. – 1995. – №12. – С. 43.

³ Мясников О.Г. Смена правящих элит: «консолидация» или «вечная схватка» // Полис. – 1993. – №1. – С. 60.

и власти над этой территорией. Этот факт бросал радикалам политический вызов и неизбежно заставлял их правительство реагировать на это событие.

В случае «войны законов» эта проблема быстро не решалась и грозила подорвать политическую стабильность новой власти в Тбилиси. С другой стороны сохранение югоосетинского статус-кво, т.е. этнотерриториальной автономии, делало необходимым делегирование власти, как и прежде, новой югоосетинской элите, чего не допускали идейно-политические установки грузинских радикалов и их социального окружения. Отсюда и происходит стремление обеспечить полный контроль и суверенитет над территорией Южной Осетии, без делегирования власти кому бы то ни было.

В этой ситуации упразднение автономии решало все проблемы новой грузинской элиты. В случае успеха задуманной акции это давало возможность получения всей полноты власти на данной территории и контроля здесь всех политических процессов. В случае же неудачи предпринятой акции режим радикалов мог апеллировать к своей радикальной социальной базе, ища у нее опоры и поддержки, усиливая мобилизацию своих сторонников и под предлогом ведения военных действий и консолидации всех сил добиваться максимального упрочения своих позиций во властных структурах. Вину за неудачу при этом можно было, как и прежде свалить на происки Союзного Центра и Россию. Идеологический багаж радикалов содержал весьма обширные и богатые возможности для такого самооправдания.

Помимо этого, курс на конфронтацию с Южной Осетией был в определенном отношении выгоден Гамсахурдиа, который «извлекал немалый политический капитал из осетинского конфликта, чтобы легитимировать укрепление своей власти и сузить демократические свободы, ссылаясь на условия войны с Россией: «когда крепость находится в осаде, нет смысла критиковать командующего гарнизоном».¹ По мнению Ж.Т.Тощенко «конфликты и столкновения являются питательной средой для выживания амбициозных лидеров, для их

¹ Нодия Г. Политическая смута и этнотерриториальные конфликты в Грузии // Спорные границы на Кавказе / Под ред. Б.Коппитерса. – М., 1996. – С. 97.

дальнейшего господства, для страховки от возможного недовольства, которое имеет тенденцию минимизироваться в условиях реальной или мнимой опасности.¹ В этом плане «для Гамсахурдиа была весьма выгодна конфронтация с Южной Осетией: в боевой обстановке лидера придирчиво не рассматривают и закрывают глаза на ряд его недостатков».²

Следовательно, конфликт «использовался режимом Гамсахурдиа в борьбе за удержание власти».³ При этом, как пишет Р.Г.Гачечиладзе, «Гамсахурдиа был явно заинтересован в сохранении социальных структур, государственной собственности для укрепления тоталитарного общества и монопольного владения».⁴ Поэтому подлинной причиной упразднения югоосетинской автономии следует признать стремление пришедшей к власти новой грузинской элиты сохранить свои политические позиции и упрочить свою власть в Тбилиси, т.е. реализацию политических интересов новой грузинской элиты.

Новая осетинская элита, в свою очередь, в своей политической активности по двукратному повышению статуса ЮОАО также обнаруживает преимущественно стремление к власти и её удержанию любым способом.

Формально первое повышение статуса автономной области до автономной республики декларировал Областной Совет народных депутатов Южной Осетии. Однако, принятие решения состоялось под давлением национального движения – НФ. Его председатель А.Чочиев лично участвовал в работе сессии и оказывал давление на депутатов. Поэтому, следует признать, что фактически эта акция была осуществлена и организована Народным фронтом.

Подобная картина оказалась возможной в силу того, что к этому моменту в процессе борьбы с обкомом НФ удалось наработать достаточно весомый политический капитал, позволивший ему навязать свои решения Юго-Осетинскому облсовету. Политические цели, которые преследовались в этой акции, находились скорее в сфере собственных политических интересов НФ,

¹ Тощенко Ж.Т. Этнократия: История и современность. Социологические очерки. – М., 2003. – С.57.

² Гачечиладзе Р.Г. Правда о грузинской зиме // Социс. – 1992. – №8. – С. 5.

³ Камкия Б.А. Проблема легитимности власти в полиэтническом государстве. – М., 1997. – С.41.

⁴ Гачечиладзе Р.Г. Правда о грузинской зиме // Социс. – 1992. – №8. – С. 11.

чем в сфере национальных. Национальное движение надеялось в результате этой акции, во-первых, усилить свои политические позиции и авторитет и, во-вторых, попытаться прийти к власти в ходе проведения всеобщих выборов во вновь объявленную республику.

Хотя отставка первого секретаря обкома компартии нанесла серьезный удар по главному политическому противнику НФ, но конечная цель – взятие власти – не была достигнута. Однако оппозиция не могла прийти во власть в структурах обкома, а только через механизм выборов, т.е. по другим правилам игры. Поэтому основной акцент в политической борьбе и основную ставку НФ сделал не на партийные, а на представительные структуры власти – облсовет, рассчитывая через систему выборов завоевать в нем большинство и окончательно убрать обком с политической сцены.

В условиях роста авторитета и популярности национального движения в югоосетинском обществе и после ухода Первого секретаря, ослабившего существенно позиции обкома, успех НФ на выборах в представительные органы власти был практически предрешен.

Проблема заключалась лишь в правовом статусе области. Согласно существующему законодательству и положению «Закона об Юго-Осетинской АО» проведение выборов в Юго-Осетинский облсовет находилось в компетенции республиканских грузинских властей. Без санкции ВС ГССР выборы в автономной области проводить не разрешалось, а в случае их самостоятельного проведения они считались нелегитимными. Срок полномочий депутатов облсовета истекал уже весной 1990 года и на неоднократные обращения в республиканские органы о получении соответствующего разрешения на проведение выборов ВС Грузии всегда отвечал отказом.

Статус же автономной республики давал возможность самостоятельного проведения выборов в собственный представительный орган власти, чем достигалось одновременно существенное расширение его властных полномочий. Таким образом, в случае успеха автономной республики легитимный приход НФ во власть был практически обеспечен при одновременном отстранении обкома.

Следовательно, этот шаг НФ был определенным образом просчитан, поскольку в сложившейся ситуации других путей прихода во власть лидеры НФ не видели.

Вопрос о том, на что могли лидеры НФ рассчитывать в случае отмены их декларации, что было более или менее очевидным, не совсем понятен. Можно лишь предполагать, что на этот случай могли быть заготовлены другие варианты и модели политического поведения, позволявшие НФ извлечь максимальную выгоду из такой ситуации и решить проблему в свою пользу.

Например, в случае неудачи задуманного мероприятия можно было свалить всю вину в очередной раз на грузинскую сторону, обвинив ее в антиосетинских действиях, дополнительно апеллировать к этническим чувствам и продолжить разыгрывание «грузинской карты». В любом случае, даже простая декларация Автономной Республики приносила серьезные политические дивиденды, укрепляла политические позиции и имидж, являлась очевидной демонстрацией мощи оппозиции.

Второе же повышение югоосетинского статуса, приведшее к разрыву с Грузией и выходу из ее состава в 1990 году, уже совпало с приходом к власти национального движения. Это, по сути, означало, что оппозиции удалось, наконец, добиться своей главной политической цели. Это оказалось возможным в силу того, что НФ удалось осуществить повторное повышение статуса автономной области до статуса теперь уже независимой и неподконтрольной Грузии республики, которая не могла быть упразднена Грузией в одностороннем порядке. Республиканский статус теперь уже давал возможность оппозиции через систему выборов легитимировать и на практике осуществить свой приход во власть.

Поэтому в этом плане второе повышение статуса было также обусловлено скорее политическими интересами новой осетинской элиты, равшейся к власти, чем защитой национальных интересов. Разрыв с Грузией укладывался в русло этих же интересов, поскольку новой элите вряд ли бы удалось сохранить свою власть в составе Грузии. Разрыв в этом отношении явился весьма удач-

ным выходом из складывавшейся для нее ситуации. Апелляция при этом к национальным интересам и помощи России давали возможность обосновать этот разрыв, обеспечить и усилить свои политические позиции. При этом была использована тактика повышения статуса автономной области, нацеленная на завоевание представительного органа. Поэтому, осетинская сецессия объективно совпала с приходом национальной оппозиции к власти, т.е. разрешением вопроса о власти в Южной Осетии. Следовательно, образование независимой республики фактически явилось следствием наконец-то осуществленной смены политических элит, которые «пришли к власти и оперируют национальной сецессией как средством закрепления власти».¹

Таким образом, можно сделать вывод, что двукратное повышение статуса югоосетинской автономии скорее отвечало политическим целям, чем этнонациональным.

В качестве основного средства достижения политических целей и реализации таким образом своих интересов новые этнические элиты в грузино-осетинском конфликте использовали механизмы этнополитической мобилизации с целью максимального расширения своей социальной базы и мобилизации сторонников, поскольку «политическая деятельность всегда подчинена мобилизации наибольшей численности сторонников».² При этом этнонациональная мобилизация представляла собой наиболее мощный и эффективный инструмент политической мобилизации, поскольку позволяла охватить практически все слои населения, когда «ради достижения какой-либо цели на этнос можно воздействовать заведомо заданными параметрами эффективней, чем на какую-либо другую современную общность».³

Феномен этнополитической мобилизации находится в центре внимания многих авторов, считающих, что это явление возникает «в период модернизации общества, когда разрушаются традиционные связи между людьми и осла-

¹ Шейнис В.Л. Национальные проблемы и Конституционная реформа в РФ // Полис. – 1993. – №3. – С. 45.

² Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования) / Под. ред. Е.И.Степанова. – М., 1999. – С. 121.

³ Албакова Ф. Кризис государственной системы как катализатор этнополитической напряженности // Центральная Азия и Кавказ. – 2002. – №4. – <http://www.ca-c.org>

бекает значимость родственных отношений».¹ По мнению исследователей также именно в этот период «при определенных условиях (системный кризис общества, распад государственности и др.) происходит политизация этничности, использование её как мотивационной политической силы, основы резкого политического размежевания и средства достижения политических целей, т.е. возникает феномен, получивший в литературе название «этнополитическая мобилизация».²

При этом под этнополитической мобилизацией понимается «процесс, с помощью которого группа, принадлежащая к одной этнической категории (приписывающая себе принадлежность к таковой), в борьбе за политическую власть и лидерство с членами других этнических групп или государством манипулирует этническими обычаями, ценностями, мифами и символами в политических целях, используя их как главный ресурс во имя обретения общей идентичности и политической (государственной) организации группы».³ На наш взгляд, однако, более операциональной является определение В.А.Авксентьева, согласно которому «этническая мобилизация – это консолидация неэлитных слоев этноса на основе этнической идентичности для достижения политических и иных целей, поставленных этнической элитой».⁴

В нашем исследовании феномен этнической мобилизации нас интересует преимущественно в качестве «основного механизма развертывания конфликта», когда «главная задача этнической мобилизации – трансформация конфликта интересов в конфликт ценностей (идентичностей) и идеология национализма как теоретическое обоснование интересов этнической элиты должна быть трансформирована в психологию национализма неэлитных масс».⁵ При этом, такая мобилизация, в свою очередь, способствует неизбежной политизации на-

¹ Денисова Г.С., Радовель М.Р. Этносоциология. – Ростов н/Д, 2000. – С. 233.

² Ачкасов В.А. Этнополитическая мобилизация: структура ресурсов и процесс развертывания // Вестник Московского университета. Сер.12. Политические науки. – 1998. – №4. – С. 54.

³ Там же. – С. 55.

⁴ Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. – Ставрополь, 2001. – С. 214.

⁵ Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. – Ставрополь, 2001. – С. 214-215.

циональной идеи и превращению национализма в политический фактор, поскольку «национализм тогда приобретает силу, когда проникает в сферу политических интересов социальных групп».¹ В результате проведения такой мобилизации противоречие политических интересов трансформируется в противоречия ценностных систем, на основе противоречий которых в этнических конфликтах участвует «неэлитная» часть этносов, «что в свою очередь эффективно используется этническими элитами для вовлечения широких масс в конфликт».² Согласно В.А.Авксентьеву «механизмы этой трансформации хорошо известны и активно используются лидерами националистических движений во всем мире».³

В этнических конфликтах на постсоветском политическом пространстве, по мнению исследователей, «старые и новые элиты «титულных» национальностей в бывших республиках, союзных и автономных, сравнительно быстро мобилизовали политически слабо дифференцированные массы под национальные знамена».⁴ Однако, в этих регионах можно наблюдать «разные варианты этнополитической мобилизации, с различной степенью продвинутой этих процессов, что определяется различиями в структуре политических возможностей национализмов».⁵

В грузино-осетинском конфликте основными элементами этнополитической мобилизации выступают «этнонациональная риторика» и разыгрывание т.н. «этнических карт».

Анализ этнонациональной риторики политических акций, широко пропагандируемой с обеих сторон в грузино-осетинском конфликте, показывает, что публичное декларирование этнонациональных задач в качестве конечных целей деятельности новых элит происходит, безусловно, не от их стремления решить эти задачи в первую очередь, а от планов проведения этнополитической моби-

¹ Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. – М., 2000. – С. 57.

² Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. – Ставрополь, 2001. – С. 150.

³ Там же. – С. 150.

⁴ Шейнис В.Л. Национальные проблемы и Конституционная реформа в РФ // Полис. – 1993. – №3. – С. 45.

⁵ Ачкасов В.А. Указ. Соч. – С. 69.

лизации, в процессе которой «цели и устремления элиты должны трансформироваться в мотивы деятельности неэлитных масс».¹

Этнонациональная тематика как нельзя более соответствовала этим планам, поскольку позволяла апеллировать к этническим ценностям (политический статус Южной Осетии и независимость Грузии). Как пишет В.Л.Хесли «стремясь поднять людей на коллективные действия, политики могут весьма искусно апеллировать к верованиям группы, к её представлениям об общности происхождения и наследия».² Поэтому, по мнению исследователей, «лидеры могут преследовать вполне определенные материальные интересы, следуя целерациональной стратегии, тогда как группа мобилизуется большей частью на ценностно-рациональной основе».³

При этом формирование и преподнесение этнонациональных задач в наиболее радикальной форме было направлено на пробуждение и рост коллективных национальных эмоций, охвативших практически все категории населения в критический период этнического развития.

Эти апелляции стимулировали в свою очередь сам процесс этнонациональной самоидентификации, обострившийся в кризисный период как стремление отдельных индивидов и целых групп обрести новые идентичности и стабильность в условиях развала идеологической и социально-политической системы СССР.

Основным фактором, указывающим на использование этнонациональной риторики в качестве средства этнополитической мобилизации в грузино-осетинском конфликте выступает её неубедительность и практическая несостоятельность с точки зрения реализации декларируемых этнонациональных целей.

Так, несостоятельность грузинской этнонациональной аргументации проявилась уже в период похода на Цхинвал. При этом «этнонациональная» целе-

¹ Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. – Ставрополь, 2001. – С. 214.

² Хесли В.Л. Национализм и пути разрешения межэтнических противоречий // Полис. – 1996. – №6. – С. 45.

³ Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования) / Под. ред. Е.И.Степанова. – М., 1999. – С. 132.

сообразность и реальность задуманного радикалами мероприятия была очень сомнительной. Проведение этой акции грузинской стороной было заранее обречено на неудачу. Это было обусловлено, скорее всего, бессмысленностью и абсурдностью самого мероприятия, этнонациональные цели которого на практике были в тех условиях труднодостижимы.

Во-первых, против этого похода выступило умеренное крыло национального движения, открыто предостерегавшее о возможном резком ухудшении двусторонних отношений и эскалации этнического кризиса в этом регионе. Официальные грузинские власти по той же причине заняли негативную позицию в этом вопросе и были против проведения этой акции.¹

Во-вторых, в город накануне были введены части 8-го полка внутренних войск МВД СССР, взявшие его под охрану. Этот полк со всем своим вооружением, включая БТРы, почти сразу же вклинился между осетинской и грузинской сторонами, фактически разведя их по разные стороны и не дав возможности пройти в город.

В-третьих, акция осуществлялась вопреки полученной предварительной информации от осетинской стороны о крайней нежелательности, недопустимости и просто опасности его проведения в силу грандиозного неравенства в соотношении сил и проблемности управления и контроля над этим мероприятием. Более того, практически все население Цхинвала, всерьез озадаченное дерзостью и непонятностью целей этого мероприятия, было настроено на решительный отпор, и любые попытки захвата города приводили в этой ситуации к совершенно непредсказуемым последствиям, учитывая, что в движение пришли все районы автономной области, откуда в город в спешном порядке стало стекаться население. Так «мирная демонстрация» в реальности формировала военную ситуацию с опасными последствиями.

В любом случае, какими бы благими намерениями не руководствовались организаторы и исполнители этой акции характер и форма исполнения делали невозможным его проведение: въезд в город многотысячной, эмоционально

¹ См.: Васильева О. Грузия как модель посткоммунистической трансформации. – М., 1993. – С. 38.

возбужденной и достаточно экзальтированной массы людей равной, а то и значительно превосходившей по численности все население Цхинвала, грозил непредсказуемыми последствиями в силу явно антиосетинской его направленности и отказа жителей города принимать непрошенных гостей. (Население Цхинвала в тот период составляло около 50 тысяч человек, т.е. столько же, сколько и митингующих). Поэтому уверения о мирных и тем более дружеских целях организованного грузинским национальным движением грандиозного нашествия на Цхинвал выглядели в этих условиях довольно наивным блефом, скорее рассчитанным на вовлечение в участие в этой акции широких слоев населения.

Что же касается упразднения Грузией ЮОАО, то на первый взгляд создавалось такое впечатление, что эта крайняя мера была предпринята лишь как вынужденная реакция на югоосетинские действия, и ее не было бы в случае сохранения Южной Осетией статус-кво. Если допустить правомерность такой аргументации, то получается, что югоосетинская сецессия должна была встретить со стороны Грузии действительно в качестве ответной меры более или менее адекватную сложившейся ситуации реакцию - упразднение вновь образованной ЮОСДР, а не автономии 1922 года, просуществовавшей в составе Грузии около семидесяти лет.

Такие действия позволили бы грузинской стороне выдержать строгую законность и хотя бы видимость юридической правомерности своих действий. Упразднение автономной области не только не восстановило нарушенную Южной Осетией статус-кво, но и само его нарушило и отменило, что правомерно вызвало осуждение союзных властей.

Во-первых, этот шаг неизбежно приводил к межэтническому конфликту, который вряд ли отвечал этническим интересам Грузии. Об этом много раз радикалов предупреждало умеренное крыло национального движения, усматривавшее в подобных акциях угрозу развязывания этнокризисов в Грузии, представлявших непосредственную опасность ее национальным интересам. Однако, радикальное крыло всегда игнорировало эти предостережения, поскольку исходило в своих действиях из собственных политических интересов.

Во-вторых, проблема возникала с адекватностью предпринятой против Южной Осетии меры. Почему понадобилось упразднить полностью автономию и идти на риск межэтнической войны с осетинами? Достаточно было бы в сложившейся ситуации отменить второе повышение югоосетинского статуса, как и первое. Т.е., восстановление территориальной целостности Грузии и защиту ее национальных интересов в тот период можно было осуществить путем «войны законов» и без вооруженного конфликта, поскольку действия Южной Осетии, шедшие вразрез с Конституцией, рано или поздно были бы отменены и в Москве.

Можно предположить, что явное силовое превосходство и неподготовленность Южной Осетии к ведению военных действий могли создать у грузинского правительства иллюзию легкой победы. Тем не менее, риск конфликта был слишком велик, учитывая уже имевшийся в этом плане опыт Ферганы и Нагорного Карабаха. Более того, полное и окончательное «овладение Осетией» было бы вряд ли достигнуто, учитывая фактор Северного Кавказа в лице КГНК, симпатизировавшего Южной Осетии, а также помощь со стороны Северной Осетии и России, к которым Южная Осетия апеллировала как «слабая сторона в конфликте, прибегающая к мобилизации диаспоры как способу решения проблемы асимметрии в конфликте».¹

В любом случае предвидеть вооруженное столкновение в случае ввода грузинских войск в Южную Осетию было совершенно несложно, поскольку весь ход разворачивавшихся там за последнее время событий наглядно демонстрировал позицию населения и руководства Южной Осетии в отношении т.н. «грузинской проблемы». Однако, официальная грузинская власть почему-то в своих действиях не пожелала пойти на «войну законов» и вместе с тем согласилась на «войну пушек», т.е. на фактическое развязывание «горячей войны» между двумя этносами.

¹ Разрешение конфликтов. Пособие по обучению методам анализа и разрешения конфликтов. Международная тревога. – М., 1999. – С. 27.

Осетинская этнонациональная риторика фокусировалась преимущественно на проблеме политического статуса ЮОАО, а точнее на его повышении и использовалась новой осетинской элитой в политических целях. По мнению Т.С.Ледович «на примере проблем осетинского народа хорошо видно, как этнические вопросы используются в политических целях».¹

Аргументация повышений статуса со стороны национального движения отличалась удивительной простотой, граничащей порой с наивностью и заключалась в том, что в силу слабой правовой защищенности статуса Области статус Республики создавал более надежные гарантии национальных прав осетинского этноса. Ряд возражений, прозвучавших от депутатов и касавшихся проблемы правомерности и конечной результативности этой акции в рамках конституционных положений и норм, были отмечены с ходу лидерами национального движения, убеждавшими депутатов в том, что простая декларация нового статуса - это уже есть изменение существующего положения вещей.

Однако более внимательное рассмотрение аргументации о повышении статуса обнаруживает её практическую несостоятельность. Так, например, провозглашение Южной Осетией в одностороннем порядке повышения своего политического статуса создавало серьезную проблему **правового обоснования** этого шага. С точки зрения конституционных норм автономная область не имела ровно никаких полномочий и прав на повышение своего статуса, а тем более разрыва и выхода из союзной республики.

Подобные действия целиком и полностью относились к ведению союзной республики и союзного центра, и этот шаг довольно трудно было легитимировать и обосновать в правовом отношении. Советское конституционное право отрицало за автономиями право не только одностороннего выхода из состава республики, но и права в одностороннем порядке изменять свой статус, повышать или понижать его. Поэтому с точки зрения советской Конституции югоосетинская сецессия создавала практически неразрешимую правовую про-

¹ Ледович Т.С. Социально-философский анализ проблем разделенных народов: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. – Ставрополь, 1999. – С. 13.

блему легитимации одностороннего повышения статуса и последующего выхода из состава союзной республики.

Югоосетинское правовое обоснование этой меры, изложенное в первом параграфе, отличалось слабой убедительностью и в этом отношении было скорее рассчитано на публичный эффект, чем на реальный результат. Принятые в Москве законодательные акты, наделявшие, по мнению осетинской стороны, Южную Осетию реальными правами, носили скорее декларативный, чем правовой характер. Они были приняты не столько в силу введения в государственную систему новых норм и элементов, а скорее под давлением политической конъюнктуры. Принятие этих центральных законов не сопровождалось внесением каких-либо поправок и изменений в действующую Конституцию СССР. К тому же, помимо Конституции СССР, продолжал также действовать и Союзный договор 1922 года.

Более того, союзный центр, который их принимал, стал уже катастрофически терять авторитет и власть в союзных республиках, которые практически все, и Грузия в числе первых, отвергли и отменили их действие на своих территориях.

Помимо этого, ни одно повышение политического статуса и ни один выход союзной республики из состава СССР не был осуществлен на основании вновь принятого законодательства. Поэтому апелляция к этим актам носила со стороны Южной Осетии скорее политический характер, чем правовой и была рассчитана, с одной стороны, на получение политической поддержки со стороны Москвы и на убеждение широких масс, с другой.

Что касается грузинских пакетов законов, якобы отменявших югоосетинскую автономию, то их принятие в Грузии носило также скорее политический, чем юридический характер и было обусловлено давлением национального движения на высшие законодательные органы республики. Поэтому и эти грузинские акты практически юридической силы не имели.

Доказательством исключительно политического характера принятых законодательных актов, как в Центре, так и в Грузии являлся факт сохранения

действия прежних конституционных норм и положений в качестве основных. Действие основного закона, создающего основную политико-правовую базу существования ГССР и ее нахождения в составе СССР – Конституции ГССР 1978 года, несмотря на отмену всех правовых актов после 1921 года, сохранялось по-прежнему и не отменялось де-факто.

Поэтому исходить в этой ситуации не из реально действующих законов, а от законодательных деклараций слабеющего союзного центра или же грузинского парламента, принимаемых в значительной степени под жестким прессингом политической оппозиции, рвавшейся к власти, было очень опрометчиво и, по меньшей мере, не действенно.

С другой стороны, апелляции осетинского национального движения к «параду суверенитетов» в политических условиях Грузии того периода были явно неуместны, поскольку российская политическая элита относилась к этому процессу довольно благосклонно и, более того, сама, по сути, и инициировала его в результате знаменитого высказывания Бориса Ельцина о «таком суверенитете, который можете переварить». Что же касается Грузии, то в силу жестко отрицательного и болезненного отношения, как национального движения, так и верховной грузинской власти к проблеме автономий вряд ли можно было рассчитывать на благосклонное к этому шагу отношение.

Аргумент о скором выходе Грузии из СССР был также не так уж и обоснован, как это представлялось в публичных декларациях. Союзное законодательство в этом плане и, в частности, союзный закон «О праве союзной республики на выход» предусматривал пятилетний срок выхода из состава СССР, в течение которого подлежали урегулированию все политико-правовые и экономические аспекты этой акции. Более того, режим Гамсахурдиа сразу же после своего прихода к власти объявил о трёхлетнем переходном периоде на пути к конечной цели грузинского народа – государственной независимости Грузии, в течение которого Грузия должна была подготовить все условия и базу для осуществления вековой мечты грузинского народа с тем, чтобы грузинская незави-

симость не могла превратиться в пустую декларацию.¹ Более того, новый грузинский лидер Гамсахурдиа на государственном уровне сразу же после своего прихода к власти объявил, что автономии в Грузии упраздняться не будут.² Как бы то ни было, в Грузии того периода (перед югоосетинской сессией) не было предпринято ни одного юридического акта, направленного непосредственно против Юго-Осетинской автономии.

Недостаточное правовое обеспечение повышения статуса Южной Осетии и в особенности ее выхода из состава Грузинской ССР позволило несколько позднее высшим союзным властям квалифицировать югоосетинские действия как незаконные и антиконституционные, нарушающие Конституцию СССР и ГССР.

Осетинские акции, повышающие политический статус автономии, создавали не менее сложную и трудноразрешимую **политическую проблему**. Осуществление разрыва с Грузией содержало в себе определенные политические издержки, связанные с конкретным осуществлением этого мероприятия. Осложнялось до предела и без того непростое политическое положение Южной Осетии в Грузии. Резонно было бы предположить, что в существующей на тот момент в Грузинской ССР политической ситуации эти действия не только не будут поддержаны, но и вызовут активное противодействие. Несмотря на просьбу Югоосетинского облсовета к ВС ГССР утвердить его решение, оно было тотчас же отменено, поскольку верховные власти Грузии крайне негативно относились не только к повышению политического статуса автономий, но и к их существованию на территории Грузии вообще. Поэтому, эти акции содержали в себе значительный риск конфронтации и конфликта с Грузией, что собственно и показала последующая политическая практика.

Для осуществления разрыва с Грузией требовалось создание и наличие благоприятных политических условий. Беспрецедентность этого мероприятия, практически не имевшего аналогов в советской системе, абсолютно не преду-

¹ См.: Речь З.Гамсахурдиа на 1-ой сессии ВС РГ // Советская Осетия. – 1990. – 17 ноября.

² См.: Нодия Г. Конфликт в Абхазии: Национальные проекты и политические обстоятельства // Грузины и Абхазы: путь к примирению / Под ред. Б. Коппитерса. – М., 1998. – С. 42.

смаатривавшей никаких юридических норм для осуществления этого шага, целиком и полностью находившегося в юрисдикции республиканских и союзных властей, обуславливала, поэтому если не правовое, то хотя бы прочное политическое обоснование и поддержку.

Опора на «помощь Центра» была в этом смысле не очень дальновидна и просчитана. В соседнем Нагорном Карабахе уже второй год полыхала война, которую союзный Центр не мог или же не хотел её останавливать. Во всяком случае, Центр официально не один раз декларировал свое нежелание непосредственно вмешиваться в этот конфликт, предоставляя, таким образом, вовлеченным сторонам возможность, или же обрекая их, на самостоятельное решение своих проблем. По мнению А.Зверева «вместо того, чтобы оказать автономиям эффективную защиту он лишь стравливал их с националистическими течениями в этих республиках (Грузия, Молдова), открывая тем самым путь к политическому и военному вмешательству в их дела со стороны Кремля».¹

Последующие события подтвердили такую позицию союзного Центра теперь и в Южной Осетии. В ночь с 5-го на 6-ое января 1991 года войска МВД СССР под командованием генерала Г.Малюшкина, обеспечивавшие военную защиту республики, снялись со своих позиций в Цхинвале. Согласно утверждению самого генерала, он отдал приказ после получения шифрограммы из Москвы, предписывавшей войскам под его командованием покинуть свое расположение на окраине Цхинвала и дать грузинской милиции и незаконным формированиям возможность беспрепятственно проникнуть в город. Как свидетельствует генерал, он сам и его подчиненные покидали город с тяжелым сердцем, поскольку прекрасно понимали, что их уход приведет к эскалации вооруженного конфликта и взрыву насилия в регионе, однако были бессильны что-либо изменить.²

Политическая роль Центра проявилась несколько позднее в самом начале вооруженного противостояния, когда «16 января 1991 года Р.Нишанов нанес

¹ Зверев А. Этнические конфликты на Кавказе, 1988-1994 // Спорные границы на Кавказе / Под ред. Б. Коппитерса. – М., 1996. – С. 49.

² См.: Малюшкин Г. На холмы Грузии опять ложится ночная мгла // Правда. – 2002. – 2 сент.

визит в Грузию, результатом которого был компромисс, заключенный между высшими советскими и грузинскими властями: Грузия признала, что её милиция подчиняется МВД СССР в обмен на возможность поступить с Южной Осетией по своему усмотрению».¹

Другой важнейший механизм этнополитической мобилизации населения, наиболее активно используемый этническими элитами в грузино-осетинском конфликте, – это разыгрывание обеими элитами т.н. «этнических карт» и «игра» на обострение межэтнических противоречий, являвшиеся также частью политической стратегии использования этнонациональных целей в политической борьбе.

Такой прием приносил наибольшие политические дивиденды, когда «и осетинские и грузинские партии думали лишь о борьбе за власть и с этой целью пытались набирать очки».² Он обеспечивал политическим силам массовую поддержку и способствовал более быстрому и уверенному решению политических задач и достижению политических целей – завоевания и прихода к власти.

Но с другой стороны, такая игра объективно обостряла и ухудшала общее состояние межэтнических отношений, ввергая их в состояние перманентного кризиса. Как пишет В.Л.Хесли «если претенденты на государственные посты используют культуру, ценности и обычаи этнической группы как оружие в борьбе за политическую власть и экономические привилегии, они способствуют формированию этнического сознания и тем самым – росту межэтнических разногласий».³

«Абхазское письмо» явилось первым наглядным свидетельством этого процесса. С осетинской стороны оно свидетельствовало о разыгрывании нарождавшейся осетинской контрэлитой «грузинской проблемы, или грузинской карты». В отличие от этнических интересов это письмо достигло своих политических целей, поскольку привело к росту авторитета и популярности лидеров

¹ Зверев А. Этнические конфликты на Кавказе, 1988-1994 // Спорные границы на Кавказе / Под ред. Б. Коппитерса. – М., 1996. – С. 50.

² Цотниашвили М.М. Осетинское сепаратистское движение в Грузии и его сущность: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Тбилиси, 1998. – С.12.

³ Хесли В.Л. Национализм и пути разрешения межэтнических противоречий // Полис. – 1996. – №6. – С. 45.

национального движения. Именно такая цель и ставилась, видимо изначально авторами этого письма перед его отправлением в Абхазию, хотя при этом публично озвучивались другие цели.

Перепечатка «абхазского письма» в грузинских СМИ 5 мая 1989 года, т.е. специально в канун сорокадневной даты жертв тбилисской трагедии 9 апреля, свидетельствовала о начале разыгрывания грузинскими радикалами «осетинской карты».¹ Начиная с этого периода практически все ведущие СМИ Грузии, включая телевидение, резко переключились на осетинскую тематику, которая стала занимать ведущее место в идейно-политических дискуссиях в грузинском обществе и осетинская тема превратилась в одну из ведущих тем во внутриполитическом противостоянии сил политического спектра Грузии.

Появление абхазского письма в ведущей республиканской газете имело результатом резкую активизацию антиосетинской кампании. По всей Грузии и, в первую очередь, в ее столице Тбилиси невиданно активизировалась широко-масштабная кампания политических акций, забастовок, митингов, голодовок, выдвижением требований антиосетинского характера: отмены автономии, закрытия Рукской дороги, недопущения строительства югоосетинского телецентра и т.д.

Эта кампания свидетельствовала об обострении внутриполитической борьбы в Грузии, активизировавшейся после тбилисской трагедии 9 апреля 1989 года. В этом контексте «абхазское письмо» как нельзя более кстати отвечало требованиям политической конъюнктуры, поскольку давало исключительно подходящий, а то и просто блестящий материал для очередного раскручивания проблемы нацменьшинств и в более широком плане – национальных целей и задач грузинского этноса.

Поэтому, по сути дела, значение абхазского письма, таким образом, было совершенно искусственно раздуто на страницах грузинских СМИ и весьма искусно использовано грузинским национальным движением в собственных интересах и целях политической борьбы за власть в республике и, в первую оче-

¹ См.: Письмо Чочиева // Литератури Сакартвело. – 1989. – 5 мая.

редь его наиболее мощным и представительным радикальным крылом, «разыгрывавшим этническую карту, т.к. это приносило политические дивиденды».¹ Обыгрывание этого письма в политической борьбе усиливало в национальном движении позиции радикальных националистов, старавшихся наработать на осетинской теме политический капитал.

Вот почему факт отправки из Южной Осетии в Абхазию «письма личного характера» от имени Председателя НФ Южной Осетии приобрел столь масштабное и гипертрофированное значение, включая отдельные его положения и элементы, которые грузинская пресса, выполняя политический заказ, старалась раздуть до невообразимых размеров. К примеру, неоправданно широкий резонанс в Грузии приобрело заключение в этом письме слов «братья-грузины» в кавычки, которые стали преподноситься в подобной ситуации как наглядное свидетельство «осетинской неприязни», а впоследствии даже как источник вражды между двумя этносами.

Антиосетинская тематика предвыборной борьбы радикалов, или раскручивание осетинской карты, приносила наибольшие политические дивиденды по сравнению с абхазской картой. Это объяснялось, прежде всего, дисперсным расселением осетинского этноса по всей Грузии, включая ее столицу Тбилиси. Так, если в Южной Осетии проживало 65,2 тыс. осетин, то около 100 тыс. осетин проживало в т.н. внутренних районах Грузии и в Тбилиси.² Разыгрывание «абхазской карты» не давало таких дивидендов, поскольку абхазский этнос проживал почти полностью на территории своей автономии. Осетинская тема, в отличие от абхазской, давала возможность актуализировать осетинскую проблематику практически по всей Грузии и апеллировать к грузинскому избирателю во всех ее уголках. Поэтому осетинская тема в глазах радикалов выглядела более предпочтительной в плане обыгрывания в политической борьбе. Этим, видимо и объяснялось резкое переключение грузинских радикалов с абхазской темы на осетинскую.

¹ Нодия Г. Конфликт в Абхазии: Национальные проекты и политические обстоятельства // Грузины и Абхазы: путь к примирению / Под ред. Б. Коппирса. – М., 1998. – С. 42.

² См.: Национальный состав населения Грузии. Статистический сборник. – Тбилиси. – Т.3. – С. 11.

Следовательно, можно констатировать факт использования обеими сторонами этнонациональных целей в политической борьбе, поскольку «консолидировать неэлитные массы на основе целей и интересов этнической элиты достаточно трудно, поэтому должно произойти замещение, как правило, узкоутилитарных, зачастую откровенно гедонистических целей этнической элиты целями, которые могут быть восприняты этнической группой в целом».¹ Именно поэтому благодаря, к примеру, двукратному повышению статуса осетинской оппозиции удалось в конце 1990 года прийти к власти. Грузинская оппозиция смогла взять власть в Грузии в значительной степени благодаря активному разыгрыванию в политической борьбе проблемы нацменьшинств, и «осетинской» в том числе.

С другой стороны, использование механизмов этнополитической мобилизации и обыгрывание в политической борьбе противоположных этнонациональных интересов и в особенности проблем межэтнических отношений обусловило в свою очередь разведение и политических элит на противоположные позиции, когда «позиции политических сил весьма часто бывают направлены не на достижение согласия, а на разобщение общества».² Подобная ситуация превращала новые элиты в две противоположности, «обреченные» не договариваться, а конфликтовать друг с другом, делала их заложниками собственных идейных позиций и установок. В результате указанных процессов новые элиты обоих этносов до такой степени дистанцировались друг от друга, что между ними практически исчезло «общее поле» согласования интересов.³

Сильное дистанцирование политических элит друг от друга привело в свою очередь к тому, что осетинская и грузинская политические элиты были вынуждены решать свои проблемы в одиночку, в одностороннем порядке, без учета реальных интересов и возможностей друг друга. Такое одностороннее поведение неминуемо сталкивало обе эти силы по малейшему поводу. Поэтому

¹ Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. – Ставрополь, 2001. – С. 214.

² Хесли В.Л. Национализм и пути разрешения межэтнических противоречий // Полис. – 1996. – №6. – С. 45.

³ См.: Иванов В.Н. Межнациональные противоречия в России: стратегия партий и общественных движений // Социс. – 1992. – №11. – С. 40.

оказались возможны югоосетинская сецессия и грузинская агрессия. И в этом смысле следует согласиться с мнением о том, что «огромная вина за происходящие на Кавказе конфликты лежит на национальных элитах»,¹ когда «национальные политики, раздувая этнические разногласия, вызвали конфликт».²

Расхождение политических позиций этнических элит привело на практике к тому, что не было зафиксировано ни одного случая встречи ведущих лидеров национальных движений Южной Осетии и Грузии. А, к примеру, такой факт как, официальный приезд А.Чочиева в Тбилиси, или же З.Гамсахурдиа в Цхинвал, даже в предконфликтный период следовало рассматривать как сюжет скорее из области фантастики, чем реальной жизни.

В противовес грузинским радикалам, умеренное крыло грузинского национального движения в политической борьбе за власть не участвовало и поэтому не занималось обыгрыванием осетинской проблемы и разыгрыванием осетинской карты.

В силу этого обстоятельства умеренные отличались от радикалов большей приверженностью и заботой об этнонациональных интересах и задачах грузинской нации. Поэтому их отношение к «осетинскому вопросу» отличалось сдержанностью, прагматизмом и большей рациональностью – стремлением избежать кризиса в грузино-осетинских отношениях, как впрочем, и в отношениях со всеми нацменьшинствами. Как пишет Г.Нодиа «либеральные группы грузинского политического спектра предпринимали попытки сотрудничать с умеренными течениями в движениях меньшинств, например Общество И.Чавчавадзе в 1987-1989 гг.».³ Это давало возможность наладить диалог с осетинской стороной, выработать совместные подходы и консенсусные решения грузино-осетинских противоречий.

¹ Карапетян А. Российская политика в Закавказье в постсоветский период // Вестник МГУ. Социология и политология. – 1997. – №4. – С. 55.

² Малышева Д.Б. Россия и государства Закавказья в поисках устойчивой стабильности // Ксенофобия на Юге России: сепаратизм, конфликты и пути их преодоления. – Вып.6. – М., 2003. – <http://www.ippk.rsu.ru>

³ Нодиа Г. Политическая смута и этнотерриториальные конфликты в Грузии // Спорные границы на Кавказе / Под ред. Б. Коппитерса. – М., 1996. – С. 97.

Благодаря этому стала возможной встреча в июле 1989 года одного из наиболее популярных лидеров грузинских умеренных с осетинской оппозицией. Летом 1989 года в Южную Осетию для встречи с лидерами осетинского Народного фронта прибыл З.Чавчавадзе – председатель Общества И.Чавчавадзе, трагически погибший пару месяцев спустя в автокатастрофе.

В результате этой встречи было выработано и принято совместное заявление, позднее опубликованное в СМИ, содержавшее совместную оценку этнополитической ситуации и призыв к обоим народам не поддаваться на провокации. Более того, З.Чавчавадзе посетил после этой встречи и Северную Осетию, где принял участие в праздновании национального осетинского праздника – Дня Святого Хетага в июле 1989 года. Для лидеров радикального крыла грузинского национального движения подобное поведение было совершенно немыслимо.

Однако именно противоречие политических интересов элит интересам самих этносов на данном этапе и конечная неудача этнонациональных задач способствовали и обусловили, в конечном счете, потерю власти грузинскими радикалами и осетинскими демократами. В Грузии режим Гамсахурдиа был сметен оппозицией уже в декабре 1991 года, продержавшись у власти, таким образом, не более года. В Южной Осетии радикальные демократы расстались с властью в период 1992-1993 годов. На смену радикалам с обеих сторон пришли «умеренные» политические силы также из среды нового поколения политиков, или новой элиты, хотя в Грузии возглавить этот процесс пришлось «старому» политику Э.Шеварднадзе.

Эти события наглядно свидетельствовали о неустойчивости и нестабильности положения новых элит, «процесс самоопределения и выявления которых пока не завершен и процесс формирования, выкристаллизовывания и институционализации которых происходит чрезвычайно медленными темпами».¹

¹ Русецкий А. От этноцентризма к общенациональной идее. Факторы устойчивого развития полиэтнического общества. – Тбилиси, 2000. – С. 12.

Таким образом, можно заключить, что основным содержанием политических интересов новых этнических элит явилась задача взятия, удержания и сохранения политической власти внутри своих этносов в условиях развала социально-политической системы СССР и обострения межэтнических противоречий. Решение этой задачи обеспечивалось через использование двух основных механизмов этнополитической мобилизации: этнонациональной риторики и разыгрывания этнических карт.

При этом, механизмы этнополитической мобилизации, используемые в политической борьбе новыми этническими элитами, способствовали **переводу конфликта интересов** политических элит в **конфликт ценностей** и включению таким образом неэлитных слоев населения в вооруженное противостояние.

Проделанный во второй главе диссертационного исследования анализ позволяет сделать следующие выводы:

Во-первых, основными иницилирующими силами грузино-осетинского политического противостояния явились национальные движения, формировавшиеся как в Грузии, так и в Южной Осетии в условиях полного паралича и развала советской государственности, сопровождавшегося падением «старых» и появлением «новых» политических элит. При этом процесс консолидации новых этнических элит на базе этнонациональной идейно-политической платформы способствовал проникновению межэтнических противоречий и противостояния в сферу политики и **дальнейшему развитию конфликтной ситуации** в грузино-осетинских отношениях.

Во-вторых, политическая борьба между новыми и старыми элитами, приведшая к смене элит в обоих политических субъектах, явилась непосредственной причиной **трансформации конфликтной ситуации** в межэтнических отношениях **в открытую фазу противостояния**, затем – в вооруженный конфликт между Грузией и Южной Осетией.

В-третьих, основным содержанием политических интересов новых этнических элит явилась задача взятия, удержания и сохранения политической власти внутри своих этносов в условиях развала социально-политической системы СССР и обострения межэтнических противоречий. Решение этой задачи обеспечивалось через использование двух основных механизмов этнополитической мобилизации: этнонациональной риторики и разыгрывания этнических карт.

При этом, механизмы этнополитической мобилизации, используемые в политической борьбе новыми этническими элитами, способствовали **переводу конфликта интересов** политических элит в **конфликт ценностей** и включению таким образом неэлитных слоев населения в вооруженное противостояние.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование идейно-политических предпосылок грузино-осетинского конфликта, проведенное в настоящей диссертационной работе, позволяет сформировать определенную точку зрения на факторы разворачивания и происхождение этого конфликта и указать основные источники эскалации вооруженного противостояния между Южной Осетией и Грузией в период конца 1980-х – начала 1990-х гг.

Суть авторской концепции происхождения грузино-осетинского конфликта иллюстрируется рядом основных положений.

Действие **этнического фактора** в грузино-осетинском конфликте проявилось при исследовании объективных противоречий в грузино-осетинских отношениях и изучении роли национализма в их обострении.

Анализ объективных противоречий грузино-осетинского противостояния вывил существенный объективно сформировавшийся в осетино-грузинских отношениях на момент развала Советского Союза конфликтный потенциал, обусловленный неразрешенностью основных межэтнических противоречий в предшествующий период. Основное содержание этих противоречий имело объективный характер, формировалось в течение довольно длительного промежутка времени и выразилось в противоположных и взаимоисключающих позициях сторон по предмету этнотерриториального статуса Южной Осетии. Согласно грузинской позиции Южная Осетия представляет собой историческую часть Грузии, неделимую и неотчуждаемую от основной её территории, тогда как осетинская позиция рассматривала Южную Осетию в качестве составной части единой Осетии, разделенной Главным Кавказским хребтом на Северную и Южную.

Фактор **этнонационализма** как политической доктрины нациестроительства, актуализировавшейся в Грузии в период обретения ею

политической независимости, активизировал грузино-осетинский конфликтный потенциал, несколько приглушенный в советский период, и способствовал столкновению этнических позиций сторон в условиях распада СССР. Это было обусловлено этноцентристской направленностью двух основных парадигм грузинского этнонационализма:

-во-первых, этнокультурная парадигма формировала основную идею этнической консолидации в виде этнонации, основанной на принципе «права крови» и приводящей к исключению всех негрузинских этносов из процесса нациестроительства в Грузии;

-во-вторых, политическая парадигма этнонационализма формировала идею государственной консолидации Грузии в виде унитарного государства без автономных образований.

Этнонационализм явился также идейной основой столкновения этнических ценностей в грузино-осетинском конфликте, способствовал, таким образом, усилению роли этнического фактора в конфликте. Именно благодаря влиянию двух его этноцентристских парадигм грузино-осетинское противостояние приобрело отчетливо выраженные признаки конфликта ценностей, или же идентичностей, обусловленного несовместимостью двух элементов грузинской и осетинской идентичностей: различных этностатусных представлений и разнонаправленных политических ориентаций.

Столкновение этнических интересов сторон привело, в свою очередь, к формированию в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в грузино-осетинских отношениях конфликтной ситуации, когда стороны пришли к осознанию несовместимости своих интересов и конечных целей. В условиях такой ситуации стало формироваться конфликтное взаимовосприятие и стали закладываться социально-психологические основы и предпосылки будущего конфликтного взаимодействия сторон, такие как: рост межэтнической напряженности и отчуждения друг от друга, доминирование в общественном массовом сознании

различного рода спекуляций, мифов и негативных этностереотипов, в первую очередь, образа врага, небывалый всплеск коллективных эмоций и т.д. Конфликтная ситуация в грузино-осетинских отношениях свидетельствовала со своей стороны о протекании внутри обоих обществ социально-дезорганизационных процессов, о необратимой дезинтеграции важнейших общественных структур, обеспечивавших политическую стабильность.

Подобные явления в сфере массовой психологии и общественной жизни создавали довольно благоприятную почву для инициирования конфликтных акций сторон и перерастания, таким образом, конфликтной ситуации в фазу открытого конфликта. И решающее значение в этом процессе по нашему мнению приобретало поведение политических элит Грузии и Южной Осетии, ответственных за судьбы своих этносов и за разрешение межэтнических противоречий в частности.

Действие **политического фактора** в грузино-осетинском конфликте проявилось при исследовании политического поведения этнических элит в условиях резкого обострения грузино-осетинских противоречий.

Процесс национально-государственной дезинтеграции СССР, сопровождавшийся также разрушением и его социально-политической системы, привел к значительной дестабилизации положения политических элит в национальных регионах, в том числе, как в Грузии, так и в Южной Осетии. Внутриполитическая жизнь обоих регионов под влиянием процессов общесоюзного распада оказалась в состоянии ожесточенной борьбы за власть и собственность, оставшейся в наследство от СССР, между старыми, терявшими эффективность и легитимность политическими элитами, и новыми этническими элитами, формировавшимися в качестве контрэлит на базе этнонациональных программ.

Основным содержанием политических интересов новых этнических элит явилась задача взятия, удержания и сохранения политической власти внутри

своих этносов в условиях развала социально-политической системы СССР и обострения межэтнических противоречий. Решение этой задачи обеспечивалось через использование двух основных механизмов этнополитической мобилизации: этнонациональной риторики и разыгрывания этнических карт. Поэтому формирование таких элит неизбежно способствовало переносу межэтнических противоречий в сферу внутренней и межэтнической политики и политизации, таким образом, как самих этносов, так и конфликтной ситуации в межэтнических отношениях.

Однако неизбежное в условиях ожесточенной политической борьбы за власть использование этнонациональных целей и задач придало дополнительный импульс конфликтной ситуации, а осуществленные в процессе этой борьбы политические акции новых этнических элит привели, в конечном счете, к обострению конфликтной ситуации и её перерастанию в открытый вооруженный конфликт. При этом использование новыми элитами в политической борьбе механизмов этнополитической мобилизации способствовало переводу конфликта интересов в конфликт ценностей и вовлечению, таким образом, неэлитных слоев населения в вооруженное противоборство. Следовательно, политическая борьба между новыми и старыми элитами, приведшая к смене элит в обоих регионах, явилась непосредственной причиной трансформации конфликтной ситуации в межэтнических отношениях в открытую фазу противостояния, или же вооруженный конфликт, между Грузией и Южной Осетией.

Таким образом, определяя соотношение этнического и политического факторов в грузино-осетинском конфликте, можно заключить, что действие этнического фактора имело более долговременный и базовый характер, тогда как политический фактор в большей степени характеризовался ситуативностью и конъюнктурностью, хотя именно он сыграл решающую роль в инициировании вооруженного противостояния. Данное обстоятельство позволяет говорить об этническом содержании и политической форме грузино-осетинского

противостояния, когда «этнический конфликт выступает...как содержание конфликта, которое приобретает политическое оформление».¹ Подобное заключение на наш взгляд дает возможность идентифицировать грузино-осетинский конфликт как этнополитический конфликт – «наиболее распространенный тип этнического конфликта в современном мире».²

Приоритетное определение роли этнического фактора в грузино-осетинском конфликте по сравнению с политическим фактором наиболее очевидно проявляется в ситуации постконфликтных попыток его урегулирования.

Отсутствие в постконфликтный период ситуации борьбы политических элит за власть и достижение относительно стабильного политического правления в Южной Осетии и Грузии, или же прекращение действия политического фактора в конфликте, теоретически создает определенные политические предпосылки для урегулирования грузино-осетинского противостояния.

Однако, вся постконфликтная и современная грузино-осетинская межэтническая конъюнктура делает практически невозможным политическое урегулирование и окончательное разрешение грузино-осетинского противостояния в силу определенных причин.

С одной стороны, это обусловлено грузинскими позициями. Грузия отказывается по-прежнему признавать существование в своем составе этнотерриториальных автономий и югоосетинскую в частности. Южная Осетия до сих пор как и раньше идентифицируется грузинской элитой и в массовом этническом сознании как Самачабло - бывшее владение грузинских феодалов XIX века, Шида Картли- внутренняя Грузия, или же просто как Цхинвальский регион. Такая идентификация противоположной стороны делает принципиально невозможным достижение каких-либо взаимоприемлемых договоренностей в межэтнических отношениях. Более того, подобная позиция весьма осложняет

¹ Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. – Ставрополь, 2001. – С. 208.

² Там же. – С. 208.

даже сам переговорный процесс, поскольку грузинская сторона фактически отказывается признавать Южную Осетию в качестве равноправного партнера по переговорам.

С другой стороны, - это югоосетинские позиции. Южная Осетия не желает даже вести переговоры о каком-либо ее политическом статусе без признания грузинской стороной ее политических прав и в первую очередь политической автономии. Более того, осетинская сторона, считая основным виновником произошедшего конфликта грузинскую сторону, требует от нее представления официальных политико-правовых оценок трагических событий на территории автономии. Поэтому на сегодняшний день югоосетинская элита и общественное мнение предпочитают не обсуждать каких-либо вариантов определения политического статуса Южной Осетии в составе Грузии вообще.

Сохранение по сегодняшний день подобных позиций сторон делает практически бесперспективным даже ведение политического диалога между ними. Такая ситуация в грузино-осетинских отношениях на наш взгляд свидетельствует о значительной и преобладающей роли этнического фактора в грузино-осетинском конфликте.

Дальнейшее исследование грузино-осетинского конфликта на наш взгляд целесообразно осуществить в плане изучения проблем его урегулирования и возможного разрешения и роли в этом России и международных организаций-посредников. В плане исходных предпосылок грузино-осетинского противостояния несомненный интерес представляет изучение роли третьей стороны-Союзного Центра в его инициировании, а также проследить механизмы дальнейшей эскалации и факторы спада конфликта. Несомненный исследовательский интерес представляют также международно-правовые аспекты изучаемого конфликта.

Библиографический список использованной литературы

1. Абдулатипов Р.Г. Национальный вопрос и государственное устройство России. – М.: Славянский диалог, 2000. – 656 с.
2. Абдулатипов Р.Г. Этнополитические конфликты в СНГ: наднациональные механизмы разрешения // Социальный конфликт. – 2000. – №1(25). – С. 3-17.
3. Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в 2-х ч. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 1996.
4. Авксентьев В.А., Бабкин И.О., Хоц А.Ю. Этноконфликтологическая ситуация в Ставропольском крае // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 18: Этническая и региональная конфликтология. – М. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С. 373-396.
5. Авксентьев В.А. Проблема исхода этнических конфликтов: современные воззрения // Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества: Сб. научных статей. – М. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С. 3-10.
6. Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. – 268 с.
7. Авксентьев В.А. Этнические конфликты: история и типология // Социс. – 1996. – №12. – С. 43-51.
8. Агрба Р. и др. Десятилетие переговорного тупика и концептуальная альтернатива для Абхазии, Южной Осетии и Грузии. – Сухум: Изд-во АГУ, 2002. – 104 с.
9. Акаба Н. О некоторых мифах (к истории грузино-абхазских взаимоотношений) // Аспекты грузино-абхазского конфликта: материалы грузино-абхазской конференции. – University of California, Irvine, 2000. – №2. – С. 9-19.
10. Албакова Ф. Кризис государственной системы как катализатор этнополитической напряженности // Центральная Азия и Кавказ. – 2002. – №4. – <http://www.ca-c.org>
11. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. – М.: Изд-во РГГУ, 2000. – 366 с.
12. Амелин В.В. Этнополитические конфликты: типы и формы проявления, региональные особенности // Credo. – 1997. – №1 – <http://credo.osu.ru>
13. Анчабадзе Ю.Д. Грузия-Абхазия: трудный путь к согласию // Грузины и абхазы: Путь к примирению / Под ред. Б. Коппитерса. – М.: Весь Мир, 1998. – С. 108-120.
14. Анчабадзе Ю.Д. Динамика этнополитической ситуации на Северном Кавказе // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 3. часть II. – М., 1993. – С. 64-106.
15. Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А.А. Этносоциология. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 271 с.

16. Арутюнян Ю.В. Грузия: перемены в общественном сознании // Социс. – 1995. – №12. – С. 70-79.
17. Аствацатурова М. А. Самоорганизация этнических сообществ в зоне «рискованной гражданской институционализации» // Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества: Сб. научных статей. – М. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С. 123-133.
18. Аствацатурова М.А. Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление (Северо-Кавказский регион). – Ростов н/Д – Пятигорск: Изд-во СКАГС, 2002. – 628 с.
19. Аствацатурова М.А. Диаспоры в концептах государственной и региональной национальной политики // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 18: Этническая и региональная конфликтология. – М. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С. 237-250.
20. Аствацатурова М.А. Этнокультурное ассоциирование диаспор в условиях конфликтогенного процесса // Конфликты на Северном Кавказе и пути их разрешения. Сб. материалов международного круглого стола. – Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2003. – С. 236-247.
21. Ачкасов В.А. Этнополитическая мобилизация: структура ресурсов и процесс развертывания // Вестник Московского университета. Сер.12. Политические науки. – 1998. – №4. – С. 54-59.
22. Ашин Г.К. Смена элит // Общественные науки и современность. – 1995. – №1. – С. 40-50.
23. Бабкин И.О. Феномен этнического сепаратизма: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Ставрополь, 2001. – 22 с.
24. Бакрадзе А. С декабря по декабрь // Мамули (на груз. яз.). – 1989. – декабрь.
25. Барбашин М.Ю. К понятию этнополитического конфликта // Ксенофобия на Юге России: сепаратизм, конфликты и пути их преодоления. – Вып.6. – М., 2003. – <http://www.ippk.rsu.ru>
26. Бектешев В.Р. Политические конфликты, их социально-экономические и культурные детерминанты (региональный аспект) // Социальный конфликт. – 2000. – №2. – С.62-75.
27. Бердзенишвили Д., Сакварелидзе Ф. Особенности политического процесса в постсоветской Грузии // Центральная Азия и Кавказ. – 2001. – №6 – <http://www.ca-c.org>.
28. Блиев М. М. Осетия, Кавказ: история и современность. Сб. научных трудов / Под ред. А.А. Магометова. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1999. – 332.
29. Блиев М. М., Бзаров Р. С. История Осетии. – Владикавказ: Изд-во ИР, 2000. – 351 с.
30. Болганова И.В. Геополитический аспект этнических процессов на территории России: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Ставрополь, 2002. – 21с.

31. Бубенок О. Межнациональные конфликты на Центральном Кавказе: предпосылки, развитие и прогнозы на будущее // Центральная Азия и Кавказ. – 2001. – №3 – <http://www.ca-c.org>
32. В министерстве автотранспорта ГССР // Заря Востока. – 1990. – 31 янв.
33. Васильева О. Грузия как модель посткоммунистической трансформации. – М.: Горбачев-Фонд, 1993. – 67 с.
34. Волков В.К. Этнократия - непредвиденный феномен посттоталитарного мира // Полис. – 1993. – №2. – С. 40-68.
35. Воробьев С.М. Этнополитические процессы на Северном Кавказе в постсоветский период: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Ставрополь, 2002. – 25с.
36. Выступление Гамсахурдиа на митинге в г. Гори 28.11.1989 // Личный архив А.Г.Маргиева: Сборник документов и материалов. – Т. 1. – С. 15.
37. Выступление З.Гамсахурдиа на сессии ВС РГ 11 дек. 1990 // Заря Востока. – 1990. – 14 дек.
38. Гаглойти Ю. С. Проблемы этнической истории южных осетин. – Цхинвал: Ирыстон, 1996. – 61 с.
39. Гаглойти Ю.С. Южная Осетия (К истории названия). – Цхинвал: Изд-во Ирыстон, 1993. – 33 с.
40. Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. – М.: Изд-во МО, 2001. – 464 с.
41. Гаджиев К.С. Геополитика. – М.: Изд-во МО, 1997. – 384 с.
42. Галтунг И. Некоторые наблюдения на Кавказе // Кавказские региональные исследования. – 1997. – Вып.1. – Т. 2. – С. 81-87.
43. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. – М., 1998. – 378 с.
44. Гаман-Голутвина О.В. Динамика развития региональных элит и региональные конфликты // Конфликты на Северном Кавказе и пути их разрешения. Сб. материалов международного круглого стола. – Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2003. – С. 61-70.
45. Гаман-Голутвина О.В. Определение основных понятий элитологии // Полис. – 2000. – №3. – С.97-103.
46. Гамсахурдиа З. Быть или не быть Грузии // Литературули Сакартвело. – 1990. – 8 июня.
47. Гаприндашвили М. К основам методики прогнозирования, предупреждения и преодоления существующих и ожидаемых этнополитических конфликтов в Грузии // Межнациональные конфликты на Кавказе: методика их преодоления: Тез. докл. на Международной конференции 19-20.01.1995. – М., 1995. – С. 48-50.
48. Гачечиладзе Р.Г. Географический фон решения конфликта в Абхазии // Грузины и абхазы: Путь к примирению / Под ред. Б. Коппитерса. – М.: Изд-во Весь Мир, 1998. – С. 86-107.
49. Гачечиладзе Р. Правда о грузинской зиме // Социс. – 1992. – №8. – С. 3-12.
50. Гачечиладзе Р.Г. Многопартийные выборы в Грузии // Социс. – 1991. – №5. – С. 52-65.

51. Гвасалиа Дж. К вопросу переселения осетин в Картли // Грузия – «Малая империя?!». Библиотека Общества Руставели. – Тбилиси: Изд-во Саранги, 1990. – С. 29-39.
52. Гвасалиа Дж. Шида Картли и осетинская проблема // Осетинский вопрос. – Тбилиси: Изд-во Кера-XXI, 1994. – С. 74-88.
53. Глухова А.В. Политические конфликты: основания, технология, динамика. – М.: Изд-во УРСС, 2000. – 280 с.
54. Гожев К.М. От самопознания к саморазвитию. (О некоторых вопросах качества народонаселения КЧР) // Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества: Сб. научных статей. – М. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С. 423-437.
55. Грузинская советская энциклопедия / Под ред. И.В. Абашидзе. – Тбилиси, 1981. – 373 с.
56. Гу К. С. Генезис конфликтов в Закавказье и роль России // МЭМО. – 2002. – №10. – С. 93-102.
57. Гугкаев Дз.А. О жизни и деятельности Ивана Ялгузидзе // Известия Юго-осетинского научно-исследовательского института. – 1955. – Вып. 7. – С. 278-323.
58. Гуджабидзе В. Демографическая ситуация в Грузии // Литературули Сакартвело. – 1989. – 16 июня.
59. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – СПб: Кристалл, 2001. – С. 639.
60. Гумилев Л.Н., Иванов К.П. Этнические процессы: два подхода к изучению // Социс. – 1992. – №1. – С. 50-59.
61. Дегоев В.В. Блеск и нищета исторического опыта // Свободная мысль. – 2002. – №5. – С. 65-71.
62. Денисова Г. С. Этнический фактор в политической жизни России 90-х годов. – Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 1996.
63. Денисова Г.С. «Русский вопрос» в пространстве северокавказского дискурса // Конфликты на Северном Кавказе и пути их разрешения. Сб. материалов международного круглого стола. – Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2003. – С. 204-218.
64. Денисова Г.С., Радовель М.Р. Этносоциология. – Ростов н/Д: Изд-во «ЦВВР», 2000. – 280 с.
65. Джавахишвили И. А. История грузинского народа. – кн.1. – Тбилиси: Изд-во ТГУ, 1960. – 371 с.
66. Джусойти Н.Г. Что такое подлинный интернационализм? // Советская Осетия. – 1988. – 25 окт.
67. Дзадзиев А.Б. Зона осетино-ингушского конфликта: современное состояние и прогноз // Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества: Сб. научных статей. – М. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С. 263-294.
68. Дзайнукова М.И. Проблема национального самоопределения южных осетин (1918-2002): Автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Владикавказ, 2002. – 26 с.

69. Дзарасов С. Анатомия конфликта // Южная Осетия: и кровь и пепел. – Влад-з: Изд-во Ир, 1991. – С. 20-32.
70. Дзедзисашвили Кахабер. Масс-медиа и конфликты на Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. – 1999. – №6. – <http://www.ca-c.org>.
71. Дзидзоев В.Д. Кавказ конца XX века: тенденции этнополитического развития. – Владикавказ: Изд-во ВНИЦ РАН, 2000. – 278 с.
72. Дзидзоев В.Д. Национальная политика: уроки опыта. – Владикавказ: Изд-во Алания, 1994. – 244 с.
73. Дмитриев А. В. Конфликтология. – М.: Гардарики, 2002. – 320 с.
74. Дмитриев А. В. Этнические конфликты: теория и практика. – М.: Изд-во МНУЦ, 1998. – 57 с.
75. Дробижева Л. М. Федеративные и межнациональные отношения в Российской Федерации // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 18: Этническая и региональная конфликтология. – М. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С. 194-199.
76. Дугин А. Г. Евразийский мир лучше всякой ссоры. – www.eurasia.org.
77. Жидков С. Бросок малой империи. – Майкоп, 1996. – 376 с.
78. Жоржوليани Г. Защита прав национальных (этнических) меньшинств. АН Грузии. Центр по исследованию межнациональных отношений. – Тбилиси: Эпоха, 1999. – 169 с.
79. Жоржوليани Г., Тоидзе А., Лекишвили С. и др. Исторические и политико-правовые аспекты грузино-осетинского конфликта. – Тбилиси: Изд-во Самшобло, 1995. – 23 с.
80. Зайцев А. К. Социальный конфликт. – М.: Academia, 2001. – 464 с.
81. Закон Республики Грузия об упразднении ЮОАО от 11 декабря 1990 года // Заря Востока. – 1990. – 12 дек.
82. Заявление пресс-секретаря Национально-Демократической партии Грузии И.Саришвили // Тбилиси. – 1989. – 9 дек.
83. Зверев А. Этнические конфликты на Кавказе, 1988-1994 гг. // Спорные границы на Кавказе / Под ред. Б. Коппитерса. – М.: Весь Мир, 1996. – С. 10-76.
84. Здравомыслов А.Г. Матвеева С.Я. Межнациональные конфликты в России // Общественные науки и современность. – 1996. – №2. – С. 153-164.
85. Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 286 с.
86. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 317 с.
87. Зоидзе О., Бердзенишвили Д. Противостояние между Тбилиси и Батуми, или о проблеме собранности нации и политике государства // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – №2. – С. 213-220.
88. Иванов В.Н. Конфликтология: проблемы становления и развития // Социально-политический журнал. – 1994. – №7-8. – С. 50-62.
89. Иванов В.Н. Межнациональные конфликты: социально-психологический аспект // Социс. – 1992. – №4. – С. 16-25.

90. Иванов В.Н. Межнациональные противоречия в России: стратегия партий и общественных движений // Социс. – 1992. – №11. – С. 35-46.
91. Иванов В.Н., Смолянский В. Г. Конфликты и конфликтология. – М., 1995.
92. Из истории взаимоотношений грузинского и осетинского народов (Заключение комиссии по изучению статуса Юго-Осетинской области). – Тбилиси: Самшобло, 1991. – 122 с.
93. Из истории осетино-грузинских взаимоотношений / Под ред. проф. Н. Г. Джусойти. – Цхинвал: Изд-во Ирыстон, 1995. – 58 с.
94. Интервью с лидером Народного Фронта Южной Осетии А.Чочиевым // Ир. – 1990. №4-5.
95. Интервью с депутатом ВС РГ А.Маргиани // Заря Востока. – 1990. – 12 дек.
96. Интервью с депутатом ВС РГ проф. Н.Натадзе // Заря Востока. – 1990. – 12 дек.
97. Иордан М.В. Наука национального примирения // Общественные науки и современность. – 1992. – №4. – С. 110-116.
98. История Грузии: Учебное пособие. – Тбилиси: Ганатлеба, 1971. – 265 с.
99. История южных осетин / Под ред. проф. Л.А.Чибилова. – Цхинвал: Ирыстон, 1990. – 240 с.
100. Кабисова Дз. Г. Розничный товарооборот как показатель уровня жизни // Региональные проблемы экономики (на примере Юго-Осетии). –Цхинвал: Ирыстон, 1981. – С. 128-150.
101. Кабисова Дз. Г. Рост жизненного уровня населения Юго-Осетии // Региональные проблемы экономики (на примере Юго-Осетии). – Цхинвал: Ирыстон, 1981. – С. 51-68.
102. Камкия Б.А. Проблема легитимности власти в полиэтничном государстве. – М.: МОНФ, 1997. – 50 с.
103. Кандель П.Е. Национализм и проблема модернизации в посттоталитарном мире // Полис. – 1994. – №6. – С. 4-16.
104. Карапетян А. Российская политика в Закавказье в постсоветский период // ВМУ. Сер. 18. Социология и политология. – 1997. – №4. – С. 54-68.
105. Карапетян Л.М. Государственно-национальные конфликты и политико-правовые основы их разрешения // Социально-политический журнал. – 1996. – №6. – С. 72-85.
106. Кашироков З.К. Этнополитические аспекты российского федерализма: на примере Северо-Кавказского региона // Правоведение. – 1998. – №3. – <http://lawportal.ru>
107. Кванчилашвили Т. Что нас ждет потом // Литературули Сакартвело. – 1988. – 30 сент.
108. Кобахидзе Е.И., Павловец Г.Г. Общественно-политическая ситуация в Республике Южная Осетия // Работы Центра социологических исследований. – Владикавказ, 1999. – №10. – С. 75-87.
109. Коблов К. В. Межэтнические отношения в Тюменском регионе: задачи и механизмы регулирования //Социальный конфликт. – 2000. – №2. – С. 76-89.

110. Конфликты в СНГ: некоторые вопросы методологии исследования (дискуссия) // МЭМО. – 1994. – №8-9. – С. 60-75.
111. Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования) / Под. ред. Е. И. Степанова. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 344 с.
112. Конфликты на Северном Кавказе и пути их разрешения. Сб. материалов международного круглого стола. – Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2003. – 298 с.
113. Коргунюк Ю.Г. Политическая элита современной России с точки зрения социального представительства. Часть I // Полис. – 2001. – №1. – С. 33-47.
114. Коргунюк Ю.Г. Политическая элита современной России с точки зрения социального представительства. Часть II // Полис. – 2001. – №2. – С. 24-39.
115. Коркмазов А.Ю. Этнический фактор в политической жизни Северного Кавказа. – М.: МОСУ, 2002. – 208 с.
116. Коркмазов А.Ю. Этнополитические процессы на Северном Кавказе: проблемы и пути их разрешения // Известия вузов Северо-Кавказского региона. Общественные науки. – 1996. – №2. – С. 65-67.
117. Коротеева В.В. Роджерс Брубейкер: Национализм как «политическое поле» // Политическая наука. 1999-1. Нация и национализм. – М., 1999. – С. 154-174.
118. Коротеева В.В. Энтони Смит: Историческая генеалогия современных наций // Политическая наука. 1999-1. Нация и национализм. – М., 1999. – С. 34-55.
119. Косолапов Н.В. Конфликты постсоветского пространства: проблемы дефиниции и типологии // МЭМО. – 1995. – №12. – С. 35-47.
120. Косолапов Н.В. Конфликты постсоветского пространства: политические реалии // МЭМО. – 1995. – №11. С. 36-48.
121. Кочиев Л.Н. и др. К вопросу о межнациональных конфликтах в Грузии // Вопросы политологии, истории и социологии. Сб. научных трудов. Вып. III. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2000. – С. 63-74.
122. Краткая объяснительная записка к постановлению Ревкома и парткома Южной Осетии от 6-8 сентября 1921 года // Осетинский вопрос. – Тбилиси: Изд-во Кера-XXI, 1994. – С. 298-299.
123. Крицкий Е.В. Восприятие конфликта как индикатор межэтнической напряженности // Социс. – 1996. – №9. – С. 111-123.
124. Крылов А. Грузиноабхазский конфликт: роль внешнего фактора // Центральная Азия и Кавказ. – 2001. – №4. – <http://www.ca-c.org>.
125. Крыштановская О. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. – 1995. – №1. – С. 51-65.
126. Кузнецов В. А. Очерки истории алан. – Орджоникидзе: Изд-во Ир, 1984. – 303 с.
127. Кузнецов В.А., Чеченов И.М. История и национальное самосознание (проблемы современной историографии Северного Кавказа). – Владикавказ, 2000. – 110 с.

128. Кузнецов С.В. Решение проблем взаимодействия государственных и местных органов власти в борьбе с экстремизмом и терроризмом как способ снижения конфликтогенного потенциала // Конфликты на Северном Кавказе и пути их разрешения. Сб. материалов международного круглого стола. – Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2003. – С. 99-105.
129. Лебедева М. М. Политическое урегулирование конфликтов: Подходы, решения, технологии. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 271 с.
130. Лебедева М.М. От конфликтного восприятия к согласию // Полис. – 1996. – №5. – С. 160-173.
131. Ледович Т.С. Социально-философский анализ проблем разделенных народов: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Ставрополь, 1999. – 23 с.
132. Лефель А. Причины вооруженных конфликтов на территории бывшего СССР. – <http://alefel.narod.ru>
133. Личный архив А.Г.Маргиева: Сборник документов и материалов. – Т.1. – 273 с.
134. Ломоури Н. Чья она, грузинская земля? // Свободная Грузия. – 1991. – 29 мая.
135. Ломоури Н. Земля Шида Картли неприкосновенна и неотделима от Грузии // Заря Востока. – 1991. – 22 янв.
136. Лунеев В.В. Преступность в межнациональных конфликтах // Социс. – 1995. – №4. – С. 101-123.
137. Майборода Э.Т. Влияние модернизационных процессов на этническую идентичность в поликультурном пространстве Северного Кавказа // Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества: Сб. научных статей. – М. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С. 478-483.
138. Майборода Э.Т. Этнополитические проблемы Северокавказского региона: особенности суверенизации // Этнические проблемы современности: Материалы научной конференции «Проблемы гармонизации межэтнических отношений в регионе». – Вып. 5. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 1999. – 164 с.
139. Майборода Э.Т. Этнополитический «разлом» в Карачаево-Черкесской республике и перспективы его урегулирования // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. Сборник трудов кафедры философии МПГУ. Вып. VII. – М.: Прометей, 2000. – 347 с.
140. Малышева Д. Б. Феномен этносепаратизма на Кавказе и мировой опыт // Центральная Азия и Кавказ. – 1999. – №4. – <http://www/ca-c.org>
141. Малышева Д.Б. Россия и государства Закавказья в поисках устойчивой стабильности // Ксенофобия на Юге России: сепаратизм, конфликты и пути их преодоления. – Вып.6. – М., 2003. – <http://www.ippk.rsu.ru>
142. Малышева Д.Б. Этнические конфликты на юге СНГ и национальная безопасность России // МЭМО. – 1994. – №3. – С. 30-41.
143. Малюшкин Г. На холмы Грузии опять ложится ночная мгла // Правда. – 2002. – 2 сент.

144. Маргиев В. К вопросу о статусе Южной Осетии // Дарьял. – 1993. – №3. – С. 128-134.
145. Матарадзе Л. О политико-правовых аспектах грузино-осетинского конфликта и возможностях его мирного урегулирования // Осетинский вопрос. – Тбилиси: Изд-во «Кера - XXI», 1994. – С. 322-338.
146. Медоев Д. Южная Осетия: право на свободу // 5 лет Республике Южная Осетия. Официальные материалы. – Цхинвал: Ирыстон, 1996. – С.84-89.
147. Меликишвили Л. Грузия: районы возможных этноконфликтов // Центральная Азия и Кавказ. – 2002. – №6. – <http://www/ca-c.org>
148. Мирианашвили Т. Время рассудит // Ахалгазда Комунисти. – 1989. – 24 сент.
149. Мирский Г.И. Еще раз о распаде СССР и этнических конфликтах // МЭМО. – 1997. – №2. – С. 12-22.
150. Михайлов В.А. Принцип «воронки», или механизм развертывания меж-этнического конфликта // Социс. – 1993. – №5. – С. 55-66.
151. Михина Е.П. Национальная политика Российской Федерации в период трансформации Российской государственности: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Ставрополь, 2003. – 26 с.
152. Мухелишвили Д.Л. Грузия – «Малая империя?!» // Грузия – «Малая империя?!». Библиотека Общества Руставели. – Тбилиси: Изд-во Саранги, 1990. – С. 3-18.
153. Мясников О.Г. Смена правящих элит: «консолидация» или «вечная схватка» // Полис. – 1993. – №1. – С. 50-63.
154. Нахушев В.Ш. Основы позитивного межнационального диалога и субъект-субъектных отношений этнонаций // Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества: Сб. научных статей. – М. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С. 63-73.
155. Национальный состав населения Грузии. Статистический сборник. –Тбилиси: Комитет социально-экономической информации при ВС ГССР, 1991. – 178 с.
156. Никитин А.И., Хлестов О.Н., Федоров Ю.Е., Демуренко А.В. Миротворческие операции в СНГ: международно-правовые, политические, организационные аспекты. – М.: МОНФ, 1998. – 176 с.
157. Новикова О.С., Бабкин И.О., Хоц А.Ю. Мнение региональной элиты // Социс. – 2001. – №9. – С. 37- 41.
158. Новикова О.С., Горбунов Ю.В. Роль этнических элит в консолидации отношений на Северном Кавказе на пути построения гражданского общества в России // Конфликты на Северном Кавказе и пути их разрешения. Сб. материалов международного круглого стола. – Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2003. – С. 247-258.
159. Нодиа Г. Конфликт в Абхазии: Национальные проекты и политические обстоятельства // Грузины и абхазы: Путь к примирению / Под ред. Б. Коппитерса. – М.: Весь Мир, 1998. – С. 19-67.
160. Нодиа Г. Нация и Демократия // Литературная Грузия. – 1989. – №2. – С. 149-191.

161. Нодиа Г. Образ Запада в грузинском сознании // Этнические и региональные конфликты в Евразии. – М.: Весь Мир, 1999. – Кн. 3. – С. 150-180.
162. Нодиа Г. Политическая смута и этнотерриториальные конфликты в Грузии // Спорные границы на Кавказе / Под ред. Б.Коппитерса. – М.: Весь Мир, 1996. – С. 77-101.
163. Нэх В. Ф. Политический конфликт, технология инициирования, регулирования, разрешения // Вестник МГУ. Политические науки. – 1995. – №5. – С. 43-57.
164. Обращение Временного Исполкома Юго-Осетинской Республики к Верховному Совету СССР (об общественно-политической обстановке в Южной Осетии) // Советская Осетия. – 1990. – 16 ноября.
165. Обращение обществ И.Чавчавадзе и Адамон Ныхас к грузинскому и осетинскому народам // Заря Востока. – 1989. – 23 июля.
166. Ожиганов Э. Этнонациональные конфликты в Республике Грузия. – М.: Аналитический Центр Совета Федерации, 1994. – 27 с.
167. Осетино-русская тема этноперестроечных уроков. – Пичиджен, 1991. – 85 с.
168. Осетинский вопрос. – Тбилиси: Изд-во «Кера - XXI», 1994. – 341 с.
169. Очерки истории Грузии. – Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1979. – Т. 3. – 890 с.
170. Очерки истории Юго-Осетии. – Цхинвал: Ирыстон, 1969. – т. I. – 270 с.
171. Паин Э.И., Попов А.А. Межнациональные конфликты в СССР // Советская этнография. – 1990. – №1. – С. 3-15.
172. Передерий С.В. Федерализм: пути решения этнополитических проблем // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 18: Этническая и региональная конфликтология. – М. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С. 205-215.
173. Петров Н.В. Что такое полиэтнизм? Территориально-этнические притязания и конфликты на территории бывшего СССР // Полис. – 1993. – №6. – С. 6-15.
174. Письмо Чочиева // Литературули Сакартвело. – 1989. – 5 мая.
175. Плиев А.Г. Кавказ в современном противоречивом мире // Бюллетень Центра социальных и гуманитарных исследований Владикавказского Института управления. – 1998. – №1. – С. 157-162.
176. Плиев А.Г. Парадоксы этнической культуры // Бюллетень Центра социальных и гуманитарных исследований Владикавказского Института управления. – 1999. – № 4. – С. 44-48.
177. Политология. Энциклопедический словарь / Под ред. Ю.И. Аверьянова. – М.: Изд-во МКУ, 1993. – 431 с.
178. Поляков Ю. Война гражданская? Война межнациональная? (о вооруженных конфликтах на территории бывшего СССР) // Свободная мысль. – 1993. – №8. – С. 81-84.
179. Пряхин В.Ф. Роль России в урегулировании региональных конфликтов на постсоветском пространстве // ВМУ. Сер. 18. Социология и политология. – 2003. – №1. – С. 33-41.

180. Пугачев В. П., Соловьев А. И. Введение в политологию. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 447 с.
181. Пять лет Республике Южная Осетия. Официальные материалы. – Цхинвал: Ирыстон, 1996. – 92 с.
182. Разрешение конфликтов. Пособие по обучению методам анализа и разрешения конфликтов. International Alert. – М., 1999. – 230 с.
183. Речь З.Гамсахурдиа на 1-ой сессии ВС РГ // Советская Осетия. – 1990. – 17 ноября.
184. Речь Председателя ВС РГ З.Гамсахурдиа на сессии ВС 11 декабря // Заря Востока. – 1990. – 14 дек.
185. Рубан Л. С. Развитие конфликта-консенсуса в полиэтничных регионах. – М., 1998. – 248 с.
186. Рубан Л.С. Региональные конфликты и политическая девиация // ВМУ. Сер. 18. Социология и политология. – 1995. – №3. – С. 100-106.
187. Русецкий А. От этноцентризма к общенациональной идее. Факторы устойчивого развития полиэтничного общества // Ежемесячный бюллетень. – Тбилиси, 2000. – Вып. 2. – С. 34.
188. Савва М. В. Этнический статус (конфликтологический анализ социального феномена). – Краснодар: Изд-во КубГУ, 1997. – 172 с.
189. Савва М.В. Механизмы влияния печатных СМИ на напряженность межэтнических отношений (на примере Краснодарского края) // Конфликты на Северном Кавказе и пути их разрешения. Сб. материалов международного круглого стола. – Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2003. – С. 276-288.
190. Савва М.В. Этнический статус в идеологии и политике // Полис. – 1999. – №4. – С. 140-152.
191. Саришвили И. Друга критикуй открыто // Тбилиси. – 1989. – 9 дек.
192. Сиукаев Н.В. Две трагедии Южной Осетии. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1994. – 30 с.
193. Соколов А. В. Миротворческая активность и миротворческие силы России в СНГ // Restructuring the global military sector. – v.1. – L&W, 1997.
194. Соловьев В. А. Проблемы урегулирования этнотерриториальных конфликтов и ликвидации их последствий // Ксенофобия на Юге России: сепаратизм, конфликты и пути их преодоления. – Вып. 6. – М., 2003. – <http://www.ippk.rsu.ru>
195. Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 18: Этническая и региональная конфликтология. – М. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – 468 с.
196. Сперанский В.И. Конфликтная ситуация и Инцидент // Социс. – 1995. – №5. – С. 129-139.
197. Спорные границы на Кавказе / Под ред. Б. Коппитерса. – М.: Весь Мир, 1996. – 225 с.
198. Степанов Е.И. Региональные межнациональные конфликты: подходы к анализу и регулированию // Социальный конфликт. – 2000. – №1. – С. 18-23.

199. Степанов Е.И. Отечественная конфликтология: к вопросу о становлении и развитии // Социс. – 1998. – №10. – С. 50-58.
200. Стрелецкий В.Н. Этнотерриториальные конфликты в постсоветском пространстве: сущность, генезис, типы. – <http://www.nikolaenko.ru>.
201. Стуруа Д. Когда скрещиваются история и современность // Свободная Грузия. – 1991. – 4 окт.
202. Сценарии, разработанные Кремлем (ред. ст.) // Сакартвело. – 1989. – 15 дек.
203. Сюни Р. Живя с другими: конфликт и сотрудничество между кавказскими народами // Кавказские региональные исследования. – 1997. – Вып. 1. – Т. 2. – С. 3-9.
204. Табуев С. Грузино-осетинский конфликт. – <http://southosetia.ru>.
205. Тархан-Моурави Г. Грузино-абхазский конфликт в региональном контексте // Грузины и абхазы: Путь к примирению / Под ред. Б. Коппитерса. – М.: Изд-во Весь Мир, 1998. – С. 121-153.
206. Тишков В. А. О природе этнического конфликта // Свободная мысль. – 1993. – №4. – С. 4-15.
207. Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. – М: Русский мир, 1997.
208. Тишков В.А. Этничность и национализм в постсоветском пространстве // Региональные проблемы межнациональных отношений в России. – Омск, 1993. – С. 265-277.
209. Тишков В.А. Россия: от межэтнических конфликтов к взаимопониманию // Этнополитический вестник. – 1995. – №2. – С. 34-46.
210. Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). – М.: Наука, 2001. – 552 с.
211. Тишков В.А. Этнология и политика. – М.: Наука. 2001. – 240 с.
212. Тоидзе Л. Образование осетинской автономии в Грузии // Осетинский вопрос. – Тбилиси: Изд-во «Кера - XXI», 1994. – С. 296-321.
213. Топчишвили Р. Сознательная фальсификация истории // Литературули Сакартвело. – 1990. – 19 янв.
214. Тотадзе А. Осетины на грузинской земле // Осетинский вопрос. – Тбилиси: Изд-во «Кера - XXI», 1994. – С. 189-208.
215. Тощенко Ж.Т. Этнократия: История и современность. Социологические очерки. – М.: РОССПЭН, 2003. – 432 с.
216. Тураев В.А. Этнополитология. – М.: Ладомир, 2001. – 400с.
217. Хаиндрава И. Путь к стабильному хаосу. К итогам десятилетия новой независимости Грузии // Центральная Азия и Кавказ. – 2001. – №6 – <http://www.ca-c.org>
218. Харадзе К. Всему отвести свое место // Сакартвело. – 1989. – 15 дек.
219. Харебов Б. К. Некоторые аспекты прогнозирования численности населения Юго-Осетии // Региональные проблемы экономики (на примере Юго-Осетии). – Цхинвал: Ирыстон, 1981. – С. 89-127.
220. Харебов Б.К. Южная Осетия: грузино-осетинские отношения в зеркале общественного мнения // Бюллетень Центра социальных и гуманитарных

- исследований Владикавказского института управления. – 1999. №3. – С. 51-58.
221. Хачапуридзе Г. В. Борьба грузинского народа за установление Советской власти. – М.: Госполитиздат, 1956. – 286 с.
 222. Хачба Б.А. Факторы этнополитической конфликтности на Кавказе // Социально-политический журнал. – 1995. – №3. – С. 222-229.
 223. Хесли В.Л. Национализм и пути разрешения межэтнических противоречий // Полис. – 1996. – №6. – С. 36-49.
 224. Хоперская Л.Л. Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе. – Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 1997. – 144 с.
 225. Хоц А.Ю. Информационная революция и этнические аспекты культуры современного общества: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Ставрополь, 2001. – 24 с.
 226. Хоштария-Броссе Э. В. Межнациональные отношения в Грузии – причины конфликтов и пути их преодоления. – Тбилиси: Мецниереба, 1993. – 158 с.
 227. Хоштария-Броссе Э. Документы свидетельствуют // Вестник Грузии. – 1991. – 26 марта.
 228. Хугаев Р.Г. Национальный суицид или вверх по нисходящей лестнице // Дарьял. – 2001. – №1. – С. 136-153.
 229. Хуцураули Г. Что разрушает дружбу // Тбилиси. – 1989. – 7 июня.
 230. Хуцишвили Г. Консолидация или новый конфликт? (Южная Осетия) // Конфликты и переговоры. Бюллетень международного Центра конфликтологии и стратегии переговоров. – Тбилиси, 1996. – №11-12. – С. 14-15.
 231. Циклаури Г., Гиоргобиани Т. О проблеме автономий в Грузии: международный и национальный опыт, перспективы развития // Центральная Азия и Кавказ. – 2001. – №4. – <http://www.ca-c.org>.
 232. Цотниашвили М. М. Осетинский сепаратизм и его сущность: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Тбилиси, 1998. – 25 с.
 233. Цуциев А. А. Осетино-ингушский конфликт (1992-...). Его предыстория и факторы развития. – М.: Изд-во РОССПЭН, 1998. – 200 с.
 234. Цуциев А.А. Перспективы урегулирования осетино-грузинского конфликта в Южной Осетии и вокруг нее // Бюллетень Центра социальных и гуманитарных исследований Владикавказского Института управления. – 1999. – №2. – С. 99-123.
 235. Чагилов В.Р. Феномен политизированной этничности и конфликт в контексте процессов глобализации // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 18: Этническая и региональная конфликтология. – М. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С. 85-103.
 236. Чебан В. Некоторые уроки вооруженных конфликтов // Военный вестник. – 1994. – №2. – С. 14-17.
 237. Чичинадзе З. История Осетии по грузинским источникам. – Цхинвал: Ирыстон, 1993. – 148 с.

238. Чочиев А.Р. Уроки игры на бойне. – Цхинвал: Ирыстон, 1994. – 84 с.
239. Чубенко А.В. Поиски решения проблемы реабилитации репрессированных народов бывшего СССР в условиях устойчивого развития федеративного государственного устройства // Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества: Сб. научных статей. – М. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С. 385-397.
240. Шадже А. Ю. Политический диалог как средство разрешения этнических конфликтов // Соц.-пол. журнал. – 1996. – №2. – С. 218-223.
241. Шейнис В.Л. Национальные проблемы и Конституционная реформа в РФ // Полис. – 1993. – №3. – С. 45-50.
242. Этингер Я.Я. Межнациональные конфликты в СНГ и международный опыт // Свободная мысль. – 1993. – №3. – С. 87-95.
243. Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества: Сборник научных статей. – М. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – 653 с.
244. Этничность и власть в полиэтничных государствах / Под ред. В.А.Тишкова. – М.: Наука, 1994.
245. Эфендиев Ф. С. О толерантности горцев Северного Кавказа (взгляд культуролога) // Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества: Сб. научных статей. – М. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С. 639-642.
246. Южная Осетия 1988-1992 (хроника событий грузинской агрессии). – Цхинвал: Ирыстон, 1996. – 170 с.
247. Южная Осетия. 10 лет Республике / Отв. ред. К.Г. Дзугаев. – Владикавказ: ИР, 2000. – 128 с.
248. Южный Кавказ – нестабильный регион «замороженных» конфликтов: материалы международной конференции по Кавказу. – Тбилиси: Изд-во Бакура Сулакаури, 2002. – 360 с.
249. Юридическая конфликтология / Под ред. В. Н. Кудрявцева. – М.: Институт государства и права РАН, 1995.
250. Юрченко В. М., Кольба А. И. Государство как медиатор этнополитических конфликтов на Северном Кавказе // Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества: Сб. научных статей. – М. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С. 404-422.
251. Ямсков А.Н. Межнациональные конфликты в Закавказье: предпосылки возникновения и тенденции развития // Полис. – 1991. – №2. – С. 73-89.
252. Яновский М. Нация, эмоции, пограничье в работах Юзефа Хлебовчика // Политическая наука. 1999-1. Нация и национализм. – М., 1999. – С. 122-130.
253. Янс, М. Т. Теория и опыт регулирования этнонациональных конфликтов: их применимость к грузино-абхазскому конфликту // Грузины и абхазы: Путь к примирению / Под ред. Б. Коппитерса. – М.: Весь Мир, 1998. – С. 200-229.
254. Banton M. The Idea of Race. – Boulder, Col., 1977.

255. Banton M. & Harwood J. The Race Concept. – L. & Vancouver: Newton Abbot, 1975.
256. Deutsch K. Nationalism & Social Communication: An Inquiry into the Foundations of Nationality. – N.Y.: MIT Press, 1966.
257. Eide A. Caucasian Post-Soviet Conflicts and Dilemmas of Intervention: The Framework of International Law // Conflict in the Caucasus / ed. By P.Baev & Berthelsen O. – Oslo: PRIO, 1996. – P. 69-84.
258. Gachechiladze R. The new Georgia: Space, Society, Politics. – Texas: College Station, 1995.
259. Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. – Berkley: University of California Press, 1985. – 697 p.
260. Kohn H. The Idea of Nationalism. – N.Y.: Collier- MacMillan, 1967.
261. LeVine R., Campbell D. Ethnocentrism: Theories of Conflict, Ethnic Attitudes & Group Behavior. – N.Y.: Wiley Mauss, M., 1985.
262. Secessionist Movements in Comparative Perspective / Ed. By R. Premdas, S.W.R. de Samarasinghe, A. B. Anderson. – London, 1990.
263. Seton-Watson H. Nationalism & Communism, essays 1946-1963. – London, 1964.
264. Seton-Watson H. Nationalism: Old & New. – Sydney: Sydney University Press, 1965.
265. Seton-Watson H. Nations & States. – London: Methuen, 1977.
266. Skurbaty Z. As if peoples mattered. A critical Appraisal of 'Peoples' & 'Minorities' from the International Human Rights Perspective & Beyond. – The Hague, the Netherlands: Kluwer Law International, 2000. – 498 p.
267. Smith A. The Ethnic origins of nations. – Oxford: Blackwell, 1986.
268. Smith A. National Identity. – L. & N.Y.: Penguin Books, 1991. – 227 p.
269. Zhordania N. My life. – Stanford, California, 1968. – 149 p.